

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 4 (29)
2011

Саратов

Научный журнал

Учредитель

***Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина***

Главный редактор – профессор ***Д.Ф. Аяцков***
Зам. главного редактора – профессор ***О.Н. Фомин***
Ответственный секретарь – ***С.Г. Сергеев***

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; ***В.В. Герасимова***, д-р экон. наук;
Л.В. Константинова, д-р социол. наук; ***Э.Г. Липатов***, д-р юрид. наук;
О.И. Марченко, канд. экон. наук; ***Е.В. Масленникова***, канд. социол. наук;
С.Ю. Наумов, д-р ист. наук; ***И.В. Ракевич***, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; ***Н.В. Тельтевская***, д-р пед. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; ***Т.П. Фокина***, канд. филос. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук; ***В.Л. Чепляев***, канд. социол. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – июнь 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2011

№ 4 (29)
2011

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE

Science journal

Founder:

***Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin***

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***

Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***

Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGS),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; ***V.V. Gerasimova***,
Doctor of Economic Sciences; ***L.V. Konstantinova***, Doctor of Sociological Sciences;
E.G. Lipatov, Doctor of Law Sciences; ***O.I. Marchenko***, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology);
S.Yu. Naumov, Doctor of Historical Sciences; ***I.V. Rackevich***, Candidate of Sciences
(Economy); ***A.N. Romantsov***, Doctor of Economic Sciences;
N.V. Teltevsckaya, Doctor of Pedagogic Sciences; ***Yu.I. Tarsky***, Doctor
of Sociological Sciences; ***T.P. Fokina***, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, Candidate
of Sciences (Sociology); ***T.I. Cherniaeva***, Doctor of Sociological Sciences

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2011

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

S.A. Shilina
Management Discourse
as a Technology
of Communicative Interaction
between the State and Society

In the author introduces the concept of “management discourse” in the subject field of management sociology. The discourse is considered with the manifestation of the interaction between the state and society as a desire to achieve mutual understanding and concordance.

Key words and word-combinations: management discourse, communication, technology, interaction, power and society.

В предметное поле социологии управления предлагается ввести понятие «управленческий дискурс». Дискурс рассматривается с позиций проявления через него взаимодействия государства и общества как стремления достичь взаимопонимания и взаимосогласия.

Ключевые слова и словосочетания: управленческий дискурс, коммуникация, технология, взаимодействие, власть и общество.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

С.А. Шилина

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Актуальность проблемы определения значения и функций управленческого дискурса в системе исследования отношений общества и государства обостряется, в частности, из-за того, что в социологической науке нет четкого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его речевой реализации. Поставленная проблема представляется важной потому, что необходимость иметь подобное определение диктуется общеметодологическими соображениями, основывающимися на том, что консенсусно воспринимаемый терминологический аппарат есть инструмент для исследования выбранного объекта и адекватного представления его атрибутов.

При комплексном анализе управленческого дискурса с позиций социологического [1–4], управленческого [5–9], а также лингвистичес-

кого [10–11] подходов возможно составить целостное представление самого объекта исследования, а также отдельных его функционально значимых атрибутов.

Перспективность заявленного аспекта рассмотрения predetermined объективными условиями, которые отражают особенности развития управленческого дискурса в условиях взаимосвязи коммуникативных и социальных намерений, учитывающих эволюцию массмедийной аудитории. Такой подход к анализу управленческого взаимодействия и составляет собственно социологический ракурс исследования значения дефиниции «дискурс» в рамках взаимодействия государства и общества.

Управленческий дискурс представляет собой процесс выстраиваемой в диалоговом режиме двухсторонней коммуникации. Механизмы управленческого дискурса предполагают взаимодействие государства, гражданского общества, бизнеса и других общественных и политических структур, в частности, с целью достижения взаимопонимания. Они создают необходимые условия для социальной инновации и расширения области общественной жизнедеятельности.

Раскрывающееся в дискурсе взаимодействие субъектов и объектов управления пронизывает все сферы и уровни в системе отношений общества и государства и является системообразующим. Дискурс охватывает широкий круг процессов и явлений, инициируемых управленческими структурами: качественное государственное управление с ориентацией на горизонтальные отношения партнерства и кооперации; переход от логики «учреждения» к логике «обслуживания»; активное гражданское участие и разработку различного рода программ для их решения с общественным участием.

Исходным постулатом нашего исследования является признание дискурса в качестве социального признака коллектива. Коллектив рассматривается как объект, который выделяется на основе не только социальных, но и дискурсивных (языковых) признаков.

Основными категориально-понятийными единицами исследования выступают социальные переменные, влияющие на развитие дискурса. Они характеризуются соотнесенностью, с одной стороны, с характеристиками социальной структуры общества или социальными ситуациями, а с другой – с определенным уровнем языковой структуры: фонологическим, лексическим, морфологическим, синтаксическим. На наш взгляд, в результате интеграции социального и языкового возникает коммуникативное «поле идентичности», в котором выстраивается связь в системе отношений «общество – государство», определяется вербальный код взаимодействия субъектов управления, происходит операционализация категориально-понятийного аппарата управленческого дискурса, формируются сами отношения субъекта и объекта управления, идиостиль субъекта власти.

В качестве конкретного примера управленческого дискурса привлекаются Послания Президента РФ Федеральному Собранию – парламенту Российской Федерации.

Исследование политико-идеологических текстов, составляющих заметную часть современного российского управленческого дискурса, с точки зрения выявления их особенностей имеет теоретическую значимость для установления характерных признаков и уточнения исходного определения дискурса. Важно при

этом выделить определяющие черты, позволяющие квалифицировать данный дискурс как технологию коммуникативного взаимодействия государства и общества. Содержательную сторону дискурса в системе взаимодействия государства и общества предполагается рассматривать с позиций современной кодовой технологии организации социального взаимодействия в системе управления.

Для президентских Посланий характерно главное коммуникативное стремление – сформулировать целостную идеологическую модель и создать положительный образ власти.

Языковым средством, служащим для привлечения внимания к актуальным моментам, является лексический повтор. Эта черта в целом характерна для Посланий Б.Н. Ельцина, что является, по нашим наблюдениям, особенностью его языковой личности. Например: «Но **дискредитация** слов, которыми обозначаются сами преобразования, еще не есть **дискредитация** реформ» (здесь и далее п/ж – наш. – С.Ш.) [12, с. 3]; «Мы привыкли к тому, что власть несет ответственность за действия, но забыли, что еще большую ответственность она несет за **бездействие**. И именно в этом **бездействии** была совместная вина всех ветвей власти – и Президента, и Правительства, и Государственной Думы» [12, с. 5]; «Нам крайне необходимо **согласие**. Но **согласие** это должно быть конструктивным и способствовать решению вполне конкретных проблем. Трудно назвать **согласием** ситуацию, когда одна ветвь власти поддерживает другую лишь на словах, а на деле принимает **несогласованные** популистские решения. Мы нуждаемся в **согласии**, основанном на общей цели, а ведь именно общность цели способна диктовать **согласованные** действия» [12, с. 9].

Благодаря лексическому повтору страстное стремление убедить своих адресатов в правоте излагаемых мыслей получает эксплицитное выражение.

В Послании Д.А. Медведева также используется лексический повтор: «Повторю, в сегодняшний непростой период государство будет выполнять свои **обязательства, обязательства** перед гражданами. Хотел бы, кстати, напомнить, что Конституцией также установлен запрет на пропаганду социального превосходства. Эта **норма**, эта моральная **норма** – является у нас и **нормой** закона» [13, с. 5].

Использование метафор и эпитетов также призвано воздействовать на слушателей (читателей) Посланий. Языковые средства выразительности создают наглядные образы, позволяющие эмоционально обозначить поставленную проблему. Например: «...и потому не рыночную экономику надо винить в трудностях, переживаемых Россией, а сложившуюся у нас **уродливую** переходную систему, **застрявшую** на полпути от плановой экономики к рыночной. Приватизация **увела** нас от неэффективной государственной экономики, но конкурентоспособная частная пока не появилась» [12, с. 5]. Благодаря эпитету «уродливую», характеризующему переходную систему, Б.Н. Ельцин выражает свое негативное отношение к переживаемому периоду. Метафоры «застрявшую» и «увела» помогают усилить коннотацию высказывания.

В следующем отрывке использована развернутая метафора, которая создает у адресата Послания яркий образ, еще более усиливающийся использованием оценочного слова «издевательство»: «Сокращать расходы можно только за счет

«сжатия» непомерно **раздутого** бюрократического аппарата как в центре, так и на местах. Сокращать расходы можно только за счет структурных изменений, а не за счет отказа в финансировании работающих людей и действующих учреждений. Это не сокращение – это **издевательство...**» [12, с. 12]. Еще одна развернутая метафора призвана воздействовать на слушателя (читателя): «Россия – это прежде всего люди. Благодаря им не раз восстанавливалась **рвущаяся ткань** Истории, а страна преодолевала кризисы и катастрофы. Россияне создали великую мировую державу. И могуществу России «**прирастать**» ее народом» [12, с. 52].

Эпитет в Послании Д.А. Медведева придает особую остроту высказыванию: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и **мнимой** мудрости административного аппарата» [13, с. 5]. В следующем контексте благодаря позитивно окрашенным эпитетам у адресата вызывается положительное отношение к высказыванию Президента: «Мною сейчас сформулированы вполне конкретные решения по развитию гражданского общества и демократического государства. Они продиктованы желанием видеть нашу Россию уже в близком будущем **передовой, прогрессивной и удобной** для жизни страной, **процветающим** и основанным на **справедливых** законах сообществом **свободных** людей. Это первоочередные задачи, которые будут решаться без промедления» [13, с. 8].

Разновидностью метафоры является метонимия, она также используется в Послании Б.Н. Ельцина наряду с лексическим повтором и фразеологическим оборотом: «Парламент, который **откроет свои двери** (*фразеологизм*) уже в следующем веке, должен по-**новому** и работать. **Новая** (*лексический повтор*) эпоха поставит его перед **новым** вызовом. Хотелось бы, чтобы он [парламент] **шире смотрел** и на Россию XXI века, и на собственную роль в развитии страны» [12, с. 38]. В производителе действия, выраженного конструкцией «шире смотрел», осуществляется метонимический перенос с помещения на людей, находящихся в стенах этого помещения. Эта обезличенность характерна для данного текста, что отмечается и при анализе употребления форм сказуемых.

Для более веской аргументации своих высказываний Б.Н. Ельцин использует антонимы как однокорневые, так и разнокорневые: «...основным смыслом развития страны, главной идеей нашего вхождения в XXI век должно стать повышение конкурентоспособности российской экономики. Все действия Президента, Федерального Собрания, Правительства, каждого министерства и ведомства, каждого политика должны оцениваться не с точки зрения соответствия **либеральным** или **антилиберальным** экономическим взглядам, а по единственному критерию: способствуют ли эти действия **укреплению** или **ослаблению** конкурентоспособности России» [12, с. 9]. В следующем примере употреблены контекстуальные антонимы: «Люди живут не **завтра**, а **сегодня**» [12, с. 15].

Встретился в Послании и каламбур, состоящий в столкновении смыслов однокорневых антонимов: «Тем более опасно рассуждать о целесообразности отказа от существующего принципа избрания губернаторов населением региона или – переходе к выборам региональных руководителей местными законодательными органами. От таких «**непрямых**» выборов – **прямой** путь к вос-

созданию старой «исполкомовской» вертикали, а значит – к слову всего ныне существующего конституционного порядка, к фактической ликвидации федеративных основ государства» [12, с. 28].

Для Послания Б.Н. Ельцина характерно и использование прецедентных феноменов. Так, процитирована характеристика природы, данная героем романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», в следующем контексте: «Вступая в новую эпоху, мы должны расстаться со старым взглядом на природу, как на свою **«мастерскую»**. Ее ресурсы не бесконечны» [12, с. 51]. В другом месте не только приведено высказывание, но говорится, кому оно принадлежит: «Не стоит выдумывать абстрактные национальные идеи. Реальной национальной задачей становится, как это точно выразил **А.И. Солженицын**, **«сбережение»** народа. Ведь Россия – не только территория и не только государство. Россия – это прежде всего люди» [12, с. 52].

Следует отметить, что в Послании В.В. Путина есть прямая перекличка с этими словами Б.Н. Ельцина: «Правда, думать о будущем, конечно, нужно всегда. А у нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава – поиск **национальной идеи**. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам» [14, с. 22]. Это также является прецедентным феноменом: обозначена некая скрытая полемика с высказываниями из Послания Б.Н. Ельцина, который обозначил стратегические цели и ничего не предложил для их достижения.

На это обратил внимание В.Д. Попов, который пишет: «...в Послании Федеральному Собранию Президент В.В. Путин почему-то в заключительной его части посчитал нужным делать «философское оформление рекомендации на будущее». Впрочем, чуть ниже отметил: «Правда, думать о будущем, конечно, нужно»! А как же в этом случае обойтись без философии. Будущее России – это, по определению П.И. Новгородцева, учителя почитаемого сегодня И.А. Ильина, – ее «общественный идеал». Стержнем такого идеала согласно известной русской школе философов-евразийцев является «идея-правительница», на практике «идеалоправство» и «народоправство» (если народ не считать «быдлом»). Другое дело, что в нашей прессе некоторые искатели так и не разобрались по существу, какое содержание вкладывали наши философы в понятие «русская идея». Только в этом смысле можно понять слова в Послании Президента: «А у нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава – поиск национальной идеи» [7, с. 169].

При анализе Послания В.В. Путина обращают на себя внимание множество вводных конструкций, которые, как известно, призваны выразить отношение говорящего к своему высказыванию, что подтверждает желание автора Послания проявить личную позицию по поставленным проблемам. Например: «И вы, **конечно**, прекрасно понимаете, что именно здесь кроются корни многих острых проблем – таких, как пьянство, высокая смертность, преступность, в том числе и подростковая. Беспризорность, **в конце концов**» [14, с. 17]; «Рассчитываю на надежный контроль за расходованием этих средств со стороны депутатов всех уровней – **обращаюсь к вам с этой просьбой**; рассчита-

ваю на контроль со стороны средств массовой информации, общественности. **При этом подчеркну:** ответственность с органов власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления никто не снимает» [14, с. 17]; «**Напомню:** все нефтегазовые доходы предполагается разделить на три составляющие... Что, **еще раз подчеркну**, напрямую направлено на рост денежных доходов населения» [14, с. 18]; «Наша культура исторически основывалась на уважении к людям, воспитавшим нас, давшим дорогу в жизнь. У общества, которое неуважительно относится к старикам, нет будущего. Но в тяжелые годы реформ многие, **а если сказать по-честному** – подавляющее большинство пенсионеров, фактически оказались за чертой бедности. Прежде всего из-за краха неприспособленной к рыночным условиям пенсионной системы» [14, с. 18]. Усиливают эмоциональный настрой приведенных высказываний и устойчивые обороты: «людям, давшим дорогу в жизнь» (трансформация фразеологического оборота «дать путевку в жизнь»); «оказаться за чертой бедности».

В Послании Д.А. Медведева порой сквозит ирония, как, например, в таком высказывании: «В результате государственный аппарат у нас в стране – это и **самый большой** работодатель, **самый активный** издатель, **самый лучший** продюсер, **сам себе** суд, **сам себе** партия и **сам себе** в конечном счете народ. Такая система – абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» [13, с. 6]. Благодаря иронии Президент дистанцирует себя от госаппарата, приближаясь таким образом к народу.

Итак, как показывает анализ Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, такая технология коммуникативного взаимодействия объектов и субъекта власти, которая базируется на умелом использовании социально одобряемых в данном обществе и понятных большинству его членов ораторских приемов, является системообразующей.

В отличие от программных документов прежних десятилетий управленческий дискурс сегодня «погружен в жизнь» (Н.Д. Арутюнова) и тем самым ориентирован на речевую моду настоящего времени. Главной ее чертой является стилистическая диффузия, что ведет к стиранию четких жанровых рамок и приводит к появлению разговорных черт в управленческом дискурсе. Тем самым достигается реальная (либо видимая) демократичность коммуникативного кода в системе «субъект управления – объект управления».

Библиографический список

1. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001. (Сер.: «Образ общества»).
2. Луман Н. Медиа-коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М., 2005.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
4. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge (Ma), 1991.
5. Попов В.Д. Коммуникативные коды имиджа власти. М., 2004.
6. Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2005.
7. Попов В.Д. Полет птицы Феникс (историко-коммуникативный анализ системы власти). М., 2007.
8. Киселев А.Г. Авторитет и сила власти // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 2.

9. Киселев А.Г. Региональная управленческая информация в государственном управлении: социологический анализ, опыт, проблемы. М., 2003.
10. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
11. Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения // Семантика языковых единиц: доклады V междунар. конф. М., 1996. Т. 2. С. 133–139.
12. Россия на рубеже эпох: Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ, 1999 г. URL: <http://www.intelros.ru/>
13. Полный текст Послания Д. Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 05.11.2008. 16:34. Главные новости.
14. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. Федер. вып. 2007. 27 апр.

T.N. Klyuchnikova
The Social Dimension of Public Administration Bodies' Activity

The results of sociological research on the problem of "Social rationalization of public administration bodies' activity" are presented. The indicators – social responsibility, social activity of citizens – that allow to reflect the character of the interaction and to define the directions of social construction are identified.

Key words and word-combinations: the reform of local government, social rationalization, social responsibility, social activity of citizens.

Представлены результаты социологического исследования по проблеме «Социальная рационализация деятельности органов государственного и муниципального управления». Выделены индикаторы – социальная ответственность, социальная активность граждан, – которые позволяют отразить характер взаимодействия и выявить направления социального строительства.

Ключевые слова и словосочетания: реформа местного самоуправления, социальная рационализация, социальная ответственность, социальная активность граждан.

УДК 361.354:351/354
ББК 60.561.1+67.401

Т.Н. Ключникова

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Поиск наиболее эффективных механизмов взаимодействия уровней управления в нашей стране, в отличие от ряда европейских государств, где история публичной власти складывалась в иных условиях, сохраняет свою актуальность.

В советский период отечественное публичное управление строилось на принципах «вертикального» взаимодействия. Нередким явлением было дублирование функций, а лишённые самостоятельности органы управления на местах не имели стимулов для порождения инноваций и экономического развития территорий. Сегодня субъектам Федерации и муниципалитетам передана значительная часть полномочий, что должно способствовать росту эффективности на региональном и местном уровнях.

В условиях имеющегося в Российской Федерации природно-климатического, географического, социально-экономического многообразия самостоятельность органов управления выступает важным ресурсом развития территорий страны. Предполагалось, что она позволит рациональнее расходовать средства, учитывая местные и региональные особенности. Однако, как показывает практика, за прошедшие годы не произошло сколь-нибудь значимого прорыва в соответствующем направлении. В большинстве регионов сохранились прежние следы вертикального, понуждающего стиля отношений между уровнями регионального и муниципального управления, а также отстающий от задач модернизации экономики образ мышления, в котором «службистская» позиция управленцев преобладает.

Важной и до сих пор не реализованной задачей остается включение гражданского участия, служащего основным фактором социального потенциала государственной и муниципальной власти [1]. Формы такого участия в деятельности органов публичного управления еще не наработаны, механизмы включения общественности в принятие решений минимальны, а методы стимулирования жителей отсутствуют [2]. С другой стороны, преобразование практик управления в России в целом декларируется в терминах демократизации и гражданского участия.

В связи с изложенным представляется необходимым обратить внимание на социальное измерение эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления,

В июле 2009 г. нами проведено социологическое исследование «Социальная рационализация деятельности органов государственного и муниципального управления». Используемый метод – анкетный опрос экспертов (n = 375), являющихся специалистами и руководителями органов государственного и муниципального управления Орловской и Брянской областей. Структура анкеты отражала оценку социального и инновационного потенциала деятельности органов государственного и муниципального управления. Для муниципальной сферы был предложен отдельный блок вопросов, характеризующий факторы ее реформирования в связи с реализацией действующего Федерального закона от 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах деятельности органов местного самоуправления».

Ставилась задача определить социальное содержание преобразований в деятельности органов государственного и муниципального управления и выделить социальные индикаторы, отражающие общероссийские тенденции процессов, обеспечивающих реализацию модернизационного курса и демократических преобразований. Для этого выявлялась готовность кадров управления к изменениям, их отношение к административной реформе, даваемая экспертами оценка имеющегося социального потенциала. Выяснялось отношение практиков-управленцев к формам гражданского участия, эффективности и целесообразности этого участия.

Обработка базы полученных данных проводилась с помощью пакета Statistic SPSS 17.0 (статистическая погрешность не более 4%). Осуществлялся корреляционный и факторный анализ полученных данных. Эмпирические показатели позволили выделить ряд тенденций в оценках экспертов.

В результате исследования выяснилось, что диалог участников и взаимодействие на различных уровнях управления нарушены из-за недостаточности информационно-аналитического сопровождения принятия решений, низкой со-

циальной включенности общественного корпуса, сохраняющейся модели отношений и вертикального стиля взаимоотношений в профессиональной среде, отсутствия необходимых для инновационного управления компетенций.

Z-анализ позволил выделить факторы, блокирующие эффективную реализацию управленческих задач: механизмы согласования решений, консервативные методы деятельности, ограниченность методов стимулирования кадров к преобразующему поведению. Инновационный потенциал практик государственного и муниципального управления сдерживается вертикальным стилем межкуровневого взаимодействия и отсутствием нормативных регуляторов инновационного поведения в профессиональной среде. В вопросах финансирования преобладают архаичные методы давления вышестоящих управленческих структур на нижестоящие, отсутствуют элементы гражданского участия.

Респонденты единодушно указывают на недостаточность созидательной инициативы жителей, которые к тому же избыточно критичны по отношению к местной власти. Это общероссийская тенденция, заслуживающая социологической интерпретации. Отмечено, что в условиях растущей трудовой миграции происходит отчуждение граждан от проблем покинутого места постоянного проживания.

Эмпирически проверено гипотетическое предположение о связности таких аспектов профессионального поведения государственных и муниципальных служащих, как открытость инновациям и социальная направленность, в повседневной деятельности. Переменными открытости инновациям были: поддержка бизнеса, стремление к обновлению профессиональных знаний, инициативность при порождении новых идей или предложений. Социальная направленность включала такие характеристики когнитивного и поведенческого аспектов управленцев, как положительная оценка целесообразности модернизации деятельности органов государственного и муниципального управления, продуктивности гражданского участия, готовность к взаимодействию с общественными и политическими сообществами.

Полученные эмпирические данные позволили выделить корреляционные зависимости инновационного поведения и социальной направленности специалистов в практиках повседневной профессиональной деятельности. Зафиксированы положительные корреляционные связи уровня открытости и стремления к профессиональному развитию и отрицательные связи между инновационным поведением и ориентацией на регламенты деятельности. Эти аспекты заслуживают внимания, поскольку важны для корректировки дальнейших преобразований систем управления на местах.

Выделились несколько групп управленцев по уровню инновационного поведения. В данном проблемном блоке фильтром можно считать вопросы о стремлении вносить идеи и предложения в профессиональной среде и потребность в обновлении знаний – эти два фактора тесно связаны между собой. Выявлено, что системное профессиональное развитие чаще всего способствует инновационному стилю поведения и преобразованию сферы деятельности. Получены данные о связанности инновационного стиля поведения с открытостью – через вопросы, предполагавшие оценку управленцами целесообразности общественного контроля за деятельностью органов управления.

Ответы показали, что группе респондентов-новаторов противопоставлены респонденты-консерваторы, которые показали низкий уровень потребности обновления собственных профессиональных знаний, дали низкую оценку целесообразности своего взаимодействия с общественными и политическими сообществами. В их ответах эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления определяется прежде всего выполнением регламентов, тогда как группа «новаторов» выделила для себя наиболее важными такие ориентиры в профессиональной деятельности, как доверие населения и качество жизни людей.

Характерными тенденциями взаимодействия органов власти с общественным корпусом стали: низкий уровень гражданского участия, дистанция органов управления, дефицит каналов коммуникации, недостаточность механизмов участия граждан в местном самоуправлении. Социальная направленность нашла свое отражение в когнитивных компонентах и проявляется в приоритетах социальных индикативных целей – качестве жизни, продолжительности жизни, здоровье, формировании рынка труда, а также в признании важности социальных приоритетов, но одновременно и в нежелании допустить вмешательства общественности в дела управления.

В оценках респондентов общими для государственного и муниципального уровня определились факторы, блокирующие преобразования в управленческой деятельности: кадровый дефицит, вертикальный стиль взаимодействия, отставание нормативно-правового и аналитического сопровождения. Специфическими для сферы муниципального управления стали трудности процессов согласования решений, межбюджетные отношения, иждивенческая позиция общественности. Положительная динамика процессов преобразования отразилась в выраженной социальной направленности, готовности к открытости и гласности в деятельности управленцев.

Выраженные тенденции структурного взаимодействия и организационной культуры, кадровых технологий и информационно-аналитического сопровождения свидетельствуют о сохранении архаичных моделей вертикального управления и о воспроизводстве организационной культуры, характерной для стабильных экономических условий (по М. Веберу). Эти модели расходятся с модернизационным курсом и нуждаются в обновлении, что подтверждают ответы на вопрос анкеты: какими факторами зачастую блокируется реализация эффективных решений на местном уровне (таблица).

Факторы блокирования реализации реформы, %

Вариант ответа	Доля ответивших
Механизм согласования инициатив на разных уровнях	45,3
Ограниченность экономической инфраструктуры региона	21,3
Отсутствие опыта работы в новых условиях	18,7
Сложность и многообразие задач	12,5
Другое	2,1

Функциональный анализ позволил выделить особую проблему информационно-аналитического сопровождения процесса принятия решений. Установлено, что оценка объекта управления носит субъективный характер, нет четкости в определении состояния направлений деятельности, что нашло отражение в противоречивом восприятии одного и того же направления деятельности: например, руководители-респонденты оценивают уровень доходов населения как высокий, а специалисты – как низкий. Такие же рассогласования имеются в оценках объектов труда между региональным и муниципальными уровнями управления. Подчеркнем, что при необходимости согласовывать межбюджетные отношения разница в оценках является фактором дисфункции управления.

Высокая ориентация на регламенты, отчетность, контроль отражает специфику деятельности органов государственного и муниципального управления. Сложность и разнонаправленность задач, большое количество видов отчетности приводят к формированию формализованного мышления. Профессионалы с большим стажем имеют сравнительно более выраженную ориентацию на формальный стиль служебного поведения.

Выделенные проблемы кадрового менеджмента по сохранению устаревших механизмов ротации, управления карьерой, методов стимулирования обозначились в невостребованности креативного поведения, отсутствии партисипативных механизмов принятия решений. Существующие формы профессионального развития недостаточно продуктивны, так как не увязаны с методами управления карьерой и инновационным поведением.

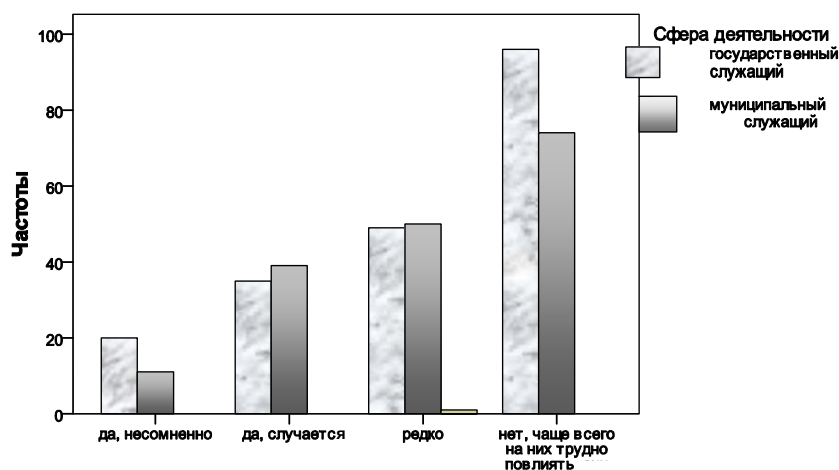
Свою актуальность сохраняет задача поиска приемов и средств повышения инновационной активности персонала. Эмпирические данные показывают, что в этом отношении эффективно сочетание материальных стимулов с устным поощрением. Там, где происходит перевес в сторону устных поощрений, инновационный потенциал снижается. Социальные инновации не являются индикативной целью деятельности органов муниципального управления. Отсутствуют социальные институты, выполняющие функции кооптации гражданского корпуса и политического участия. Инновационные методы прямого волеизъявления не находят достаточного отражения в СМИ. Эти факторы значимо влияют на процессы развития гражданского общества.

Оценка респондентами повседневных практик показала недостаточную оценку важности информационного ресурса, низкую востребованность глобальных и корпоративных информационных сред. Это указывает на разрывы когнитивных и инструментальных механизмов преобразующей деятельности. Не реализуются системы управления знаниями [3; 4].

Положительная динамика инновационного потенциала нашла свое отражение в приоритетных позициях эконоантропоцентризма, развития человеческого капитала, признания главенствующей позиции науки как наиболее значимой отрасли. Инновационные стили поведения, выделенные с помощью факторного анализа, подтвердили связь методов профессионального саморазвития, социальной направленности и готовности к партнерскому взаимодействию с частным сектором экономики. Значимая часть респондентов предпочитают корректный

стиль взаимодействия по вертикали и горизонтали управленческих звеньев и считают, что внесение идей и предложений – «это не мой уровень». Лишь 11% указали на то, что они часто влияют на принимаемые решения (рисунок).

Принятие решений

Оценка инновационного поведения

Реализация практик зарубежного опыта использования социальных технологий гражданского участия в местном самоуправлении не обеспечивает продуктивность социального потенциала [5]. Факторами дисфункций в этом являются: отсутствие механизмов кооптации социальных практик участия, разрозненность интересов общественных и политических сообществ, бессистемность программ развития гражданского общества. Преодоление этих тенденций возможно через программно-целевое формирование методов развития государственно-общественных отношений с учетом социально-демографической специфики и экономических условий субъектов и территорий.

Анализ потенциала гражданского участия показал, что остается невостребованным ресурс междисциплинарного научного сопровождения социальных отношений в условиях глобальных и локальных изменений. Фундаментальные и прикладные разработки, отражающие трансформацию механизмов социального участия, преобразование условий управления в свете парадигмы горизонтального взаимодействия в менеджменте, недостаточно широко реализуются в отечественных практиках [6].

Выделенные в эмпирической части настоящего исследования механизмы социального и инновационного потенциала в управлении позволили подтвердить значимость основного принципа позитивизма – зависимости уровней научного развития и зрелости общественных отношений. В практиках современного управления это отразилось в новаторском стиле поведения отдельных групп управленцев, отличающемся открытостью к профессиональному саморазвитию, рыночным формам хозяйствования, большей социальной направленностью.

Вторичный анализ эмпирических данных ведущих отечественных социологических центров и научных групп, а также проведенное автором исследование позволили выделить социальные составляющие дисфункций управления. Их преодоление видится возможным через разработку и внедрение социально-технологических методов развития инновационного поведения в практиках управления.

Высокий уровень образования, научно-технический прогресс обеспечили переход к демократизации государственно-общественных отношений. Специфика отечественного опыта управления сохраняет патерналистские модели вертикального взаимодействия, что не отвечает заявленным целям [7].

Таким образом, основными результатами настоящего исследования можно назвать две проблемы современного этапа модернизации сферы управления: незрелость форм гражданского участия и медленное обновление кадрового менеджмента.

Выделенные тенденции снижения социальной активности граждан связаны с трансформацией социальных процессов. Причинами таких изменений являются макрофакторы глобализации и мезофакторы, связанные с различиями в уровне доходов и трудовой миграцией в малых городах.

Гражданские инициативы на уровне проектной и программной деятельности не реализуются. Это связано с ограниченностью опыта и недостаточной осведомленностью населения о новой роли общественного корпуса в преобразовании институтов управления. Освещение лучших отечественных практик общественного участия сегодня ограничивается сюжетами о благоустройстве территорий и участии в избирательных кампаниях.

В числе действенных регуляторов социального участия можно назвать СМИ. Их ресурс, по данным настоящего исследования, подтвердил свою продуктивность. Важным аспектом стимулирования социальной активности является просветительская составляющая.

Развитию гражданского общества может способствовать применение комплексных мер стимулирования социального потенциала: метод просвещения лидеров местных сообществ в рамках дополнительного профессионального образования, метод волонтерских движений общественного участия, метод соревнований гражданских инициатив и проектов, стимулирование руководителей муниципальных органов управления за эффективное сотрудничество с местными сообществами.

Для решения кадровых проблем видится возможным использование социальных технологий, способствующих реализации инновационного потенциала в процессах преобразования сферы управления. Стимулами могут стать такие методы, как управление инновациями, управление знаниями, управление карьерой, социальное предпринимательство, социальный маркетинг, информационно-аналитическое сопровождение, а также развитие правовой базы социального участия.

Система профессионального развития специалистов через управление карьерными процессами, включение форм саморазвития в критерии оценки при оплате труда, рейтинговых методик стимулирующих надбавок может также способствовать обогащению носителей компетенций в сфере экономики и управления.

Таким образом, полученные результаты настоящего исследования позволяют сделать следующие выводы:

– заданные цели модернизации системы государственного и муниципального управления нуждаются в обеспечении социальной базы как важного ресурса преобразований;

– социальными индикаторами преобразований являются гражданское участие в управлении территориями и открытость к изменениям, инновационный стиль мышления управленцев-практиков;

– факторами, блокирующими административные реформы, остаются низкий социальный потенциал гражданского участия и дефицит стимулов в деятельности органов государственного и муниципального управления к изменениям;

– технологии развития форм гражданского участия в деятельности органов государственного и муниципального управления нуждаются в совершенствовании нормативно-правой базы и экономическом стимулировании социальной активности жителей;

– методами стимулирования инновационного поведения практиков управления могут стать экономические регуляторы труда, выработка критериев карьерного развития, а также показатели инновационной продуктивности в аттестационных процедурах.

Выделенные в настоящем исследовании тенденции обосновывают необходимость дальнейшего совершенствования систем управления. Доказанный эмпирически механизм подтвердил связность факторов социальной направленности и открытости изменениям, что свидетельствует о возможной рационализации практик управления через коррекцию нормативных, правовых, экономических, организационных регуляторов труда.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Десять лет без права на склероз. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2011/02/03/gorshkov-poln.html> (дата обращения: 22.06.2011).
2. Халий И.А. Институты гражданского общества в современной России: к методологии изучения // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007. Вып. 6. С. 265–280. URL: <http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2007/Instituti%20gragdanskogo%20obschestva.pdf> (дата обращения: 04.01.2010).
3. «Smart city» search for allies. The Rulers of Burgos, Valencia, Logrono, Caceres and Vitoria De la Gazelle // La Información. 2011. 28 June. URL: <http://www.lainformacion.com/> (application date: 28.06.2011).
4. Радославов Р. Демокрация по български // Дума. 2011. 24 Юни, брой 142. URL: <http://www.duma.bg/duma/node/16420> (дата обращения: 28.06.2011).
5. Akihiro Ishikawa. Modernization: westernization vs. nationalism – historical overview of the Japanese case // Development and society. 2002. Vol. 31, № 2. P. 281–288 [Electronic recourse] (дата обращения: 28.06.2011).
6. Merton Robert. Social Theory and Social Structure. Chapter 6: Social Structure and Anomie. P. 292–295. URL: <http://ssr1.uchicago.edu//PRELIMS/Theory/thmisc2.html> (дата обращения: 05.06.2010).
7. Турасов В. Средний класс хочет сбежать. URL: <http://news.rambler.ru/10433903/> (дата обращения: 12.07.2011).

O.V. Shipunova
The Essence and Implementation
Problems of the Municipal
Demographic Policy
in the Field of Fertility

The essence of the municipal demographic policy in birth rate is revealed. The powers of local government bodies in terms of their ability to influence the development of demographic processes in the country are assessed.

Key words and word combinations: demographic policy, birth rate, local authorities.

Раскрывается сущность муниципальной демографической политики в области рождаемости. Дана оценка полномочий органов местного самоуправления с точки зрения их возможности оказывать влияние на развитие демографических процессов в стране.

Ключевые слова и словосочетания: демографическая политика, уровень рождаемости, органы местного самоуправления.

УДК 314.15
ББК 60.74

О.В. Шипунова

СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ

В третье тысячелетие наша страна вступила в условиях сокращения численности своего населения. Депопуляция происходит под двойным давлением – сверхсмертности и низкого уровня рождаемости – и становится реальной угрозой национальной безопасности России. Эта тревожная тенденция может быть переломлена только путем проведения целенаправленной государственной демографической политики, важнейшей составной частью которой станут меры повышения рождаемости. Именно этот процесс, по нашему убеждению, в наибольшей степени в настоящее время определяет параметры воспроизводства населения.

Демографическая политика в области рождаемости осуществляется органами власти разных уровней, поэтому существует проблема установления оптимального набора полномочий, компетенции и ответственности для каждой из управленческих структур.

В общенациональном масштабе управление рождаемостью заключается в определении стратегического вектора соответствующей политики, создании равных возможностей воспроизводства населения в пределах разных территорий государства. Разрабатывающие и реализующие мероприятия демографической политики региональные органы власти, в свою очередь, стремятся наилучшим

образом учесть специфику субъектов Федерации, их экономические, природно-климатические, исторические, социокультурные, религиозные и этнические особенности.

Основную же функциональную нагрузку по непосредственной реализации мероприятий демографической политики и формированию соответствующей социальной инфраструктуры несут муниципальные органы власти. Именно на них лежит особая ответственность за применение всех видов имеющихся ресурсов, направленных на обеспечение конкретных мероприятий. Местный уровень власти призван в значительно большей мере конкретизировать методы, способы и механизмы достижения целей, определенных в рамках федеральной и региональной демографической политики в области рождаемости, привязать их к особенностям тех или иных муниципальных образований. Таким образом, местное самоуправление логически завершает целостную систему регулирования демографических процессов в стране.

Представляется, что имеющийся иерархический подход в организации управления процессами рождаемости не только позволяет максимально полно использовать возможности регионов и муниципалитетов в проведении демографической политики, но и повышает эффективность мер демографической политики, адресованных разным группам населения.

Муниципальная власть наиболее близка к конкретным людям и их потребностям, ее структуры подотчетны населению, а жители, как правило, готовы поддержать предлагаемые властью мероприятия и оказать содействие их проведению [1, с. 127; 2, с. 18]. Это, несомненно, создает благоприятные условия проведения демографической политики в области рождаемости органами местного самоуправления. Однако значимость деятельности муниципалитетов в обозначенной области, ее важность на современном этапе недостаточно осознаны обществом, в том числе учеными.

Содержание муниципальной демографической политики определяется совокупностью делегируемых государственных полномочий и инструментария собственных целевых программ муниципалитетов [3, с. 128]. В частности, в ведение органов местного самоуправления переданы важные рычаги управления, которые нельзя отнести непосредственно к демографической политике, но которые способны оказывать влияние на развитие демографических процессов. К ним могут быть отнесены принятие стратегических документов развития территорий, организация сбора статистических показателей, установление тарифов на некоторые услуги, учреждение печатных средств массовой информации [4, ст. 17]. Кроме того, государство возложило на органы местного самоуправления задачи по обеспечению малоимущих граждан жилыми помещениями, реализации системообразующих элементов дружественной женщинам политики (обеспечение доступности дошкольных образовательных учреждений, повышение квалификации и переподготовка для женщин, имеющих детей, сохранение репродуктивного здоровья населения в части организации оказания первичной медико-санитарной и медицинской помощи женщинам в период беременности, во время и после родов).

Решение указанных вопросов местного значения в области образования, здравоохранения, жилищной политики требует значительных материальных и финансовых затрат. Программно-целевое финансирование отдельных мероприятий не должно подменять базовые финансовые источники формирования местных бюджетов. Несмотря на необходимость разграничения доходов между бюджетами различных уровней в полном соответствии со структурой их полномочий, «по вертикали» фактически имеются резкие отклонения в пропорциях между распределением бюджетной системы расходов и источниками их финансирования. Кроме того, население, проживающее на разных территориях, объективно имеет неравноценный доступ к социальным трансфертам. Хотя за счет приоритетных национальных проектов, федеральных целевых программ и региональных фондов финансовой поддержки муниципальных образований была существенно увеличена финансовая поддержка муниципалитетов, главные проблемы финансового обеспечения местного самоуправления остаются нерешенными. Абсолютное большинство муниципальных образований по-прежнему дотационно и не имеет в ближайшей перспективе возможностей для перехода на самофинансирование [5, с. 81].

С точки зрения организационного обеспечения демографической политики в области рождаемости основная проблема заключается в том, что демографическая сфера выступает объектом управления для всех муниципальных структур, имеющих социальную направленность. Но не все из них обладают самостоятельным статусом в рамках профильных департаментов, для которых исполнение демографической функции не является основным направлением деятельности. Зачастую действия субъектов управления разобщены и противоречивы, что существенно затрудняет процедуру выработки эффективных рекомендаций и решений, не позволяет определить результативность деятельности конкретной структуры в преломлении на сферу демографии.

Отдельного внимания заслуживает проблема кадровой обеспеченности муниципальных органов, реализующих демографическую политику. Муниципальные образования, как правило, не имеют соответствующего научного и кадрового потенциала для разработки и обоснования соответствующих мер, осуществляемых в дополнение к общегосударственным мероприятиям. По этой же причине им сложно оценить степень эффективности проводимой демографической политики.

Еще одной проблемой, ограничивающей возможности местных органов власти в решении демографических проблем, является отсутствие надежной и подробной *статистической информации*, которая является исходной базой для планирования комплексного демографического развития любой территории. Существующая система сбора, систематизации и доведения до пользователей статистической информации базируется на соблюдении определенных требований Федеральной службы государственной статистики, а не на потребностях органов исполнительной власти субъектов и органов местного самоуправления. С одной стороны, это обусловлено объективными причинами – действующей технологией сбора информации, отсутствием содержательной и взвешенной концепции функционирования органов региональной и муниципальной статисти-

стики. С другой стороны, сказывается отсутствие средств в соответствующих бюджетах на техническое оснащение, проведение дополнительных статистических наблюдений.

Принятый в 1997 г. Закон «Об актах гражданского состояния» [6] существенно сократил объем собираемых загсами сведений о каждом демографическом событии и совершающих его лицах. Отсутствие такой детализации может исказить результаты анализа рождаемости, обусловить неправильные выводы. В частности, невозможность рассчитать ряд показателей, характеризующих уровень рождаемости (например, суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения, показатель средней очередности рождения ребенка у матери), и учесть социально-экономические характеристики родителей затрудняет разработку новых мер демографической политики, полнее учитывающих особенности тех или иных групп населения, и оценку эффективности уже реализуемых мероприятий.

Неудовлетворительное на настоящем этапе нормативно-правовое, финансовое, организационное, кадровое, информационное обеспечение муниципальной демографической политики закономерно приводит к тому, что комплексная реализация мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости, не может быть осуществлена в должном объеме.

В зависимости от местных условий и приоритетов методы демографической политики могут быть дифференцированы на муниципальном уровне. Иначе говоря, при единой цели развития региона возможны разные способы ее реализации на локальном уровне. Единство активной демографической политики в области рождаемости должно заключаться не в унификации мероприятий, а в ее однонаправленности на разных уровнях управления процессом и достижении логического единства. Такой подход может выражаться на муниципальном уровне вплоть до предоставления адресатам демографической политики возможности выбора одного или нескольких из предлагаемых стимулов.

Библиографический список

1. *Иванов В.Н.* Местное сообщество – субъект реализации концепции устойчивого развития // Местное самоуправление в России: сб. статей / под ред. В.Б. Зотова. М., 2003.
2. *Крамарова В.В.* Институт публичных слушаний – форма народовластия (понятие, виды, правовые основы) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9.
3. *Сукнѣва С.А.* Региональная политика в области рождаемости населения в Республике Саха (Якутия) // Политика народонаселения: настоящее и будущее (Четвертые Валентеевские чтения), Москва, 7–9 апреля 2005 г. М., 2005.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2011. № 31. Ст. 4703.
5. *Атаева А.Г.* Финансовые проблемы муниципальных образований в аспекте реформы местного самоуправления // Теория и практика управления в социально-экономических системах: мат-лы IV науч.-практ. конф. (Челябинск, 10 марта 2010 г.) / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2010.
6. Об актах гражданского состояния: Федер. закон от 15 нояб. 1997 г. № 143-ФЗ (в ред. от 1 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340; 2011. № 27. Ст. 3880.

**I.V. Bakhlov, I.G. Napalkova
Imperial Russian Space:
Specificity of the Peripheral
Management**

Features of organization of the Russian imperial management system of internal and external peripherals are considered. The differentiation of imperial space is investigated through regionalization. The classification of the territories dependent on the center, based on the reduction of the degree of their independence is presented.

Key words and word-combinations: government, the Russian imperial space, internal and external peripherals.

Рассмотрены особенности организации российской имперской системы управления внутренней и внешней периферией. Дифференциация имперского пространства исследуется через его регионализацию. Представлена классификация зависимых от центра территорий, исходя из уменьшения степени их самостоятельности.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, российское имперское пространство, внутренняя и внешняя периферия.

УДК 354:94(47)"17/1917"
ББК 66.3(0),123+63.3(2)5

**И.В. Бахлов,
И.Г. Напалкова**

ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: СПЕЦИФИКА ПЕРИФЕРИЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Одним из значимых вопросов общественного развития на протяжении многих столетий, особенно в кризисные и переходные периоды, остается проблема укрепления российской государственности и налаживания государственного управления и местного самоуправления. В последнее десятилетие в Российской Федерации были существенно трансформированы соответствующие механизмы. В частности, усилена федеральная «вертикаль власти», заметно возросли возможности федерального центра оказывать влияние на региональные процессы, функционирование органов местной администрации стало осуществляться с заметной оглядкой на федеральную и региональную государственную власть.

На этом фоне изучение специфики управления в имперской России в целом и губернского управления в частности позволяет не только реконструировать конкретные исторические явления, показать их значение и роль в истории государства, но и ответить на актуальные вопросы, заданные развитием современных внутривнутриполитических процессов. Особенно актуальным это представляется в

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления».

свете уже реализованных и планируемых инициатив по реформированию системы государственного управления на общенациональном и региональном уровнях, а также трансформации управления муниципалитетами.

Российская империя территориально складывалась на протяжении длительного периода. Одновременно с этим формировались и развивались модели управления отдельными регионами, на которые так или иначе влияли размер территории, этнический и конфессиональный состав населения, принадлежащего к различным расам и языковым группам, уровень периферийного социально-экономического развития. А. Капеллер характеризует многонациональную Российскую империю как страну с «невероятным этническим разнообразием, охватывающим Европу и Азию, четыре мировые религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов», поэтому, убежден автор, «взгляд на историю России как на историю национального государства ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению» [1, с. 6]. В силу указанной специфики, одной из ведущих задач имперской власти выступала интеграция гетерогенного в этнокультурном и социально-экономическом отношении пространства в единый социально-политический организм, что предполагало дифференциацию уровней политического, экономического и культурного развития территорий и ограниченность ассимиляционных и аккультурационных процессов на пространстве империи [1, с. 7–8; 2, с. 202].

Явления дифференциации имперского пространства некоторые исследователи анализируют через его регионализацию, в основе которой, по их мнению, лежит деление территориальных систем на центр (ядро) и периферию [3–7].

Исходя из того, что Российская империя является сложной территориальной системой, в ней выделяются несколько линий социально-политической коммуникации: имперский центр – внутренняя периферия (территории, на основе которых сформировалось централизованное Российское государство); имперский центр – внешняя периферия (присоединенные территории, сохранившие свою идентичность и территориальную автономию); центр – периферия центров второго, третьего (...) порядков, «транспирующих функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение» [8].

В основе организации имперской системы управления периферией была губернская реформа. Подготовительной мерой к учреждению губерний являлось введение в 1707 г. округов, когда все города, отстоящие от Москвы далее ста верст, были расписаны по пяти крупным центрам (Смоленск, Киев, Азов, Казань, Архангельск). В соответствии с Указом от 18 декабря 1708 г. «Об учреждении губерний и расписании к ним городов» было образовано восемь губерний: Московская, Ингерманландская (с 1710 г. – Санктпетербургская), Азовская, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Казанская и Сибирская. По ним были «расписаны» все уезды и города. Позднее число губерний увеличилось: в 1713 г. была образована Рижская губерния, в 1714 г. – Новгородская, в 1717 г. – Астраханская. Губерния состояла из административного центра – губернского города – и приписанных к нему городов. Каждый город в губернии имел свой район – уезд, что означало не ликвидацию прежней уездной

системы, а ее реорганизацию путем укрупнения. Губернии были неравноценны по территории и числу городов, так как основным принципом их создания были уже существовавшие административные связи [9, с. 166–169].

Во главе губернии стояли губернаторы (за исключением Петербургской и Азовской, где руководство осуществляли генерал-губернаторы, что объяснялось стратегическим положением соответствующих территорий). Губернаторы получали чрезвычайные полномочия: каждый из них имел административные, полицейские, финансовые и судебные функции, а также являлся командующим всех войск, расположенных в подведомственной ему губернии. Управление губернией осуществлялось с помощью губернской канцелярии.

Губернатор и подчиненные ему чиновники (в том числе коменданты уездов, заменившие прежних воевод) исполняли свою должность без срока, между ними существовало более четкое разделение дел и бюрократическая соподчиненность. Как считает Н.П. Ерошкин, реформа 1708 г. уничтожила старый принцип назначения на должность как «государево пожалование» и превратила всех должностных лиц местного управления в чиновников абсолютистской монархии, руководствующихся общегосударственными законами и распоряжениями [10, с. 88–89].

Значительная пространственная протяженность губерний и интересы усиления местной власти вызвали необходимость в их дальнейшем структурировании, создании промежуточного звена между губернией и уездом. Такие попытки предпринимались практически сразу после губернской реформы, в 1710–1715 гг. Подобными единицами стали обер-комендантские провинции, в основу формирования которых лег принцип приписки второстепенных городов во главе с комендантами к главному городу, которым управлял обер-комендант. Указом 1715 г. была предусмотрена возможность создания в соответствии с губернаторскими указами ландратских долей в зависимости от определенного числа «тяглых» дворов [9, с. 170].

Однако организация этих единиц не имела повсеместного значения, что привело к новой реформе административно-территориального деления, осуществленной в 1719–1720 гг., результатом которой стало разделение территории каждой губернии на провинции (вначале их было создано 45, затем 50).

Провинции делились на уезды, а уезды на дистрикты. При этом губерния как административно-территориальная единица продолжала существовать, так как в Сенате и коллегиях все ведомости, списки и различные сведения составлялись по губерниям. Во главе важнейших провинций стояли генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы, остальных провинций – воеводы, дистриктов – земские комиссары, причем последние избирались местным дворянством.

Следствием реформы, по мнению А.Б. Каменского, было значительное увеличение числа учреждений разного уровня, а проведение в областном устройстве принципов камерализма привело к унификации системы управления в разных регионах страны (за исключением Украины и Прибалтики, управлявшихся традиционными для них институтами власти), независимо от особенностей их хозяйственного и национального развития [11, с. 138]. Оценивая губернскую реформу в целом, историк считает, что на первый взгляд власть перераспределялась между центром и провинцией, поскольку царь делегировал губернаторам

часть своих властных функций, но их подчинение Сенату, то есть единому органу вместо целого ряда территориальных приказов, свидетельствует об усилении централизации [11, с. 117, 162].

Дальнейшая централизация системы управления периферией произошла уже при преемниках Петра I. Так, в 1726 г. упраздняются дистрикты, а в 1728 г. устанавливается жесткий иерархический порядок: уездный (городовой) воевода подчинялся провинциальному, а провинциальный – губернатору, который сносился с центральными и высшими учреждениями. «Наставление» 1764 г. определяло, что губернатор сохранял подчинение непосредственно императрице и Сенату, одновременно значительно расширялись полномочия губернатора [12, с. 144].

Губернская система как основа территориального управления империей была существенно реорганизована при Екатерине II. Правовую основу реформы составили «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Реформа предполагала разукрупнение губерний, которых к 1775 г. было 23, причем они создавались главным образом на основе географического и исторического принципов. За основу нового губернского деления принималось количество населения – «от трех до четырех сот тысяч душ». Однако равенство количества населения в губерниях не всегда учитывалось, и тогда применялся старый принцип учета расстояния от уездного города до губернского [12, с. 170, 296].

Высшим должностным лицом губернии, главой исполнительной и представителем верховной власти был губернатор. Ему поручались контроль за соблюдением законов, высшая полицейская и военная власть на вверенной территории, а также обеспечение государственной безопасности. Губернатор имел право обращаться непосредственно к государю, а его статус был приравнен к сенаторскому.

Каждую из столичных губерний, а также более крупные регионы (чаще всего в две губернии) возглавлял наместник (генерал-губернатор) – должностное лицо, наделенное чрезвычайными полномочиями и ответственное только перед императором. Исполнительным органом было наместническое правление из двух-трех советников.

При губернаторе создавалось губернское правление. Оно было подчинено непосредственно ему, но его члены назначались Сенатом (наместники, губернаторы, вице-губернаторы назначались монархом). Губернское правление было основным административным учреждением губернии.

Губернии делились на уезды, создаваемые на основе того же принципа – по количеству населения (20–30 тыс. человек). Главой административной власти в уездном городе становился городничий с создаваемой при нем воеводской канцелярией, в уезде эти функции исполнял капитан-исправник, причем их полномочия ограничивались обеспечением исполнения решений, принятых губернскими властями [10, с. 119–120; 11, с. 426–427].

«Учреждения о губерниях» вводились постепенно. Так, 13 июня 1781 г. было учреждено «расписание» новых сорока губерний с распределением их между 19 наместниками. Однако уже в конце XVIII в. наместники и наместничьи правления были упразднены, а в столицах появилась должность военных губернаторов. Генерал-губернаторы стали назначаться только в регионы, имеющие особое значение, и рассматривались как чрезвычайные органы. Лишь в 1782 г. был издан

специальный акт о введении «Учреждений...» в действие на Украине, а в 1783 г. – в Прибалтике [12, с. 169, 299]. К концу XVIII в. было уже около 50 губерний.

Оценивая губернскую реформу 1775 г. в зависимости от соотношения централизации – децентрализации, А.Б. Каменский отмечает, что на первый взгляд в ходе реформы происходило дальнейшее перераспределение властных полномочий между центром и регионами в пользу последних, однако степень самостоятельности местных органов оставалась крайне ограниченной, вся их деятельность была строго регламентирована, все принципиальные решения по-прежнему принимались в центре и именно там отчитывался губернатор, подчиненный непосредственно императору [11, с. 429].

В XIX – начале XX в. губернская система в основном оставалась прежней, хотя произошли некоторые изменения, связанные с увеличением числа административно-территориальных единиц и их большим разнообразием, а также с развитием системы управления. Увеличилось число губерний вследствие расширения территории империи (к началу XX в. оно достигло 78). Были восстановлены наместничества, теперь уже как особые территориальные единицы, образуемые для управления национальными окраинами империи (в Царстве Польском (1815–1874 гг.) и на Кавказе (1844–1883, 1905–1917 гг.). На окраинах империи (в Финляндии, Западной и Восточной Сибири, Прибалтике, Оренбургском крае, Новороссии, Туркестане), где трудности связи с центром требовали расширения прав местной администрации, и в столичных регионах (где таким образом объединялись несколько губерний) утвердилась система генерал-губернаторств. Особой территориальной единицей становились области, чей статус соответствовал губернии. Они образовывались на приграничных территориях и, как правило, входили в генерал-губернаторство (например, в 1882 г. из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей было образовано Степное генерал-губернаторство), а также на землях казачьих войск (так называемые «казачьи области» – их было 11 (области Войск Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского, Семиреченского, Сибирского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского). Появилась еще одна территориальная единица – градоначальство. Как правило, это был крупный промышленный, торговый (портовый) город с прилегающими землями, который выделялся из губернии в непосредственное подчинение Министерства внутренних дел. При этом градоначальник обладал правами губернатора. В начале XX в. градоначальства были в Петербурге, Москве, Одессе, Севастополе, Керчи-Еникале, Николаеве, Ростове-на-Дону, Баку. С начала XIX в. происходило складывание новой ведомственной («линейной») системы управления, при которой все местные должностные лица и учреждения (за исключением наместников и генерал-губернаторов) были распределены по соответствующим министерствам-ведомствам. С созданием министерств губернаторы стали подчиняться Министерству внутренних дел.

Основным административным учреждением губернии считалось губернское правление, возглавляемое губернатором. Со второй четверти XIX в. широко практиковалось назначение вместо обычных гражданских – военных губернаторов, которым кроме местной администрации и полиции были подчинены воинские части местных войск и военные учреждения на территории губернии [10, с. 174].

Как отмечает П.А. Зайончковский, с середины 1860-х годов наблюдается стремление правительства к всемерному усилению губернаторской власти, при этом закон 22 июля 1866 г. предоставлял праву губернатору «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» во всех учреждениях губернии, хотя и принадлежавших к другим ведомствам. В 1876 г. Комитет министров предоставил генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам право издавать обязательные постановления, имевшие силу закона. С изданием закона 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» им было предоставлено право объявления губернии на положении усиленной или чрезвычайной охраны [13, с. 211–212]. Американский историк Р. Роббинс, соглашаясь с тем, что к началу XX в. произошло серьезное расширение полномочий губернаторов в отношении полиции, земств, в разрешении социальных конфликтов на местах, в то же время подчеркивает, что в результате задачи, стоявшие перед губернаторами, приобрели «геркулесовы масштабы». Однако штат подчиненных и инструменты власти, которыми они обладали, продолжали оставаться явно недостаточными [14, с. 28].

В значительной степени имперский характер Российского государства применительно к организации системы территориального управления проявлялся в особом отношении к созданию управленческих структур во вновь присоединяемых землях (т.н. внешней национальной периферии) и определению их места в общей структуре управления Российской империей.

Административно-территориальное устройство каждой российской окраины было индивидуальным, долгое время основывалось на принципе сохранения местных особенностей. Яркий пример вариативности моделей управления внешней национальной периферией представляет Финляндия, которая после вхождения в состав Российской империи сделала значительный скачок в историческом развитии, сменив положение шведской провинции на автономный статус Великого княжества Финляндского. Желая привлечь финнов на свою сторону, имперские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм), оставили шведскую законодательную систему, основу которой составляло Общее уложение (свод законов) 1734 г. с внесенными в него позднее дополнениями, изменениями и разъяснениями [15, с. 3].

Учитывая разнообразие присоединенных территорий по этноконфессиональному составу, уровню исторического развития, наличию элементов государственности, характеру присоединения и отношению местного населения, для них устанавливались совершенно разные организационно-правовые формы зависимости от имперского центра.

Среди зависимых территорий Российской империи выделяются следующие их категории, исходя из уменьшения степени самостоятельности:

1) **протектораты** (Бухарский эмират и Хивинское ханство), характеризующиеся тем, что они не входили в состав империи, сохраняя свой государственный суверенитет, ограниченный российским контролем над их внешнеполитической деятельностью (по крайней мере с формальной точки зрения);

2) **политическая автономия с сохранением выборного правителя** (Малороссия, правда, не на всех этапах автономного существования), предполагав-

шая сохранение многих элементов государственного суверенитета, значительную самостоятельность в вопросах управления и даже выборного главы государства в условиях зависимости от империи;

3) **политическая автономия в форме личной унии, переходящей в реальную** (Великое княжество Финляндское, Царство Польское в 1815–1831 гг.), означавшая наличие элементов государственности с сохранением самостоятельности внутреннего управления и общим правителем, в роли которого выступал российский император;

4) **административная автономия, основанная на принципе легитимизма** (княжества и ханства Закавказья), предполагавшая временное сохранение наследственного правителя (как правило, до его смерти; передача власти по наследству или запрещалась, или жестко контролировалась) с одновременным установлением достаточно жесткого административного контроля в лице назначаемого центром (по поручению центра) чиновника;

5) **административная автономия исторически самоуправляющихся территорий** (Прибалтийские губернии), допускавшая внутреннее самоуправление региона местной элитой под прямым руководством назначенного центром чиновника;

6) **административная автономия пограничных территорий** (казацких областей), связанная с особыми задачами населения (охрана границ), которая предусматривала значительную самостоятельность в решении местных вопросов;

7) **местное самоуправление инородческого населения** (как уже указывалось, существовало три варианта), преимущественно Сибири, прямо не связанное с территориальным принципом;

8) **территории с особым административным статусом** (Кавказское наместничество, Туркестанский край), отличавшиеся установлением военно-административной системы управления с сохранением элементов самоуправления местного населения.

Конечно же, выделенные типы не являлись жестко установленными. Существовала значительная динамика, общим направлением которой было ограничение автономии, применение наряду с формальными неформальных методов прямого управления с целью унификации зависимых территорий с общеимперской практикой управления. Свидетельством служит постепенное введение губернской системы во многих из них. Кроме того, существовали регионы (например, Бессарабия), степень зависимости которых менялась достаточно быстро, что не позволяло сформировать устойчивого типа.

Отечественный историк Е. Безвизонная считает, что в первой половине XIX в. подошел к своему логическому завершению донациональный этап процесса строительства Российского имперского пространства. Имперскую политику этого периода она характеризует как совокупность военно-административных, социально-экономических и идеологических мероприятий, направленных на регулирование отношений между центром и окраинными территориями. Применительно к XIX в. речь идет фактически об оформлении нового направления имперского администрирования – региональной политики, требующей дифференцированных подходов к каждой административно-территориальной едини-

це. Неотъемлемой составляющей завершающего этапа интеграции окраин в империю являлось утверждение четких государственных границ как гаранта имперской безопасности и территориального единства страны [16, с. 371–372].

Таким образом, проанализировав организацию системы управления Российской империи, можно выделить основные характеристики:

- отсутствовал единообразный механизм управления имперской территорией, что предполагало применение разных моделей административного устройства и органов управления для основной части (центральное управление) и окраин (управление с элементами автономии). При этом структура местного управления на окраинах зачастую была более динамичной, чем во внутренних губерниях;

- степень автономии зависимых территорий была связана не столько с признанием их исторической государственности, сколько с характером присоединения и лояльности местного населения (в лице элиты) к имперской власти;

- стремление к унификации автономных образований определялось как объективными факторами (развитием экономических связей, принятием общего законодательства, развитием национализма правящей элиты), так и субъективными (личной зависимостью императора от национально-консервативной группировки правящей элиты, особенностями его характера);

- активно использовались методы военного управления и армия как гарант восстановления стабильности и обеспечения имперской безопасности;

- применялись меры одностороннего воздействия имперского центра на периферию как прямого (принятие правовых актов, определение административно-территориального устройства, сенатские ревизии), так и косвенного (заключение межгосударственного соглашения, установление экономической зависимости) характера. Следует отметить, что имелись и исключения из данного правила. Так, в отношении имперского управления Финляндией элементом непосредственной обратной связи стала должность министра-статс-секретаря. Более косвенный характер носили такие формы, как депутации представителей местной элиты, различные прошения, так как в этом случае в качестве канала выступала, как правило, центральная администрация.

Российская империя была, несомненно, сильно централизованной имперской системой. С одной стороны, характер отношений центра и периферии определялся стремлением имперского центра к усилению своей власти и расширению периферии, а с другой – отношение периферии к центру было более разнообразным – от стремления к независимости, автономии до лояльного или нейтрального отношения к установленной системе управления.

Библиографический список

1. *Капеллер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000.
2. *Щербина А.* Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия) // *Логос*. 2004. № 5 (44).
3. *Eisenstadt S.* Revolution and the Transformatio // *Society: Comparative Study of Civilizations*. N.Y.; L., 1978. P. 86–93.
4. *Ларсен Ст.У.* Моделирование Европы в логике Роккана // *Полис*. 1995. № 1. С. 39–57.
5. *McNeil W.U.* The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, 1970.

6. Аванесова Г.А. Ядро – периферия и процессы регионализации культуры // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М., 1998, С. 186–190.
7. Хамзина Г.Р. Структурные и социальные изменения в центре и на периферии постсоветского российского общества (социологический анализ). Казань, 2004.
8. Ремнев А.В. Рассуждения по поводу имперско-региональных понятий. URL: <http://mion.sgu.ru/empires/docs/remnecourses.doc>.
9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А.Г. Манькова. М., 1986.
10. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
11. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001.
12. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987.
13. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
14. Роббинс Р. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. 1995. № 6.
15. Лайдинен А.П. Социально-экономические реформы 50–70-х гг. XIX в. в Финляндии. Л., 1982.
16. Безвиконная Е. Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20–30-е гг. XIX в.) // *Ab imperio*. 2003. № 1.

O.V. Afanasieva
Issues of Law Enforcement
Control in the Field
of Access to Information:
The Comparative Analysis
of Foreign Experience

Law enforcement control is considered as an essential part of the object of regulation of legislation on access to information and the guarantee of its efficacy. The advanced foreign experience in this field is studied.

Key words and word-combinations: access to information, transparency of public administration, law enforcement control.

Контроль правоприменения рассматривается как необходимая часть предмета регулирования законодательства о доступе к информации и залог его действенности. Исследуется передовой зарубежный опыт в этой области.

Ключевые слова и словосочетания: доступ к информации, прозрачность публичной администрации, контроль правоприменения.

УДК 351
 ББК 67.401.11

О.В. Афанасьева

ВОПРОСЫ КОНТРОЛЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Обеспечение прозрачности публичной администрации и доступа потребителей к информации, находящейся в распоряжении государственных органов, публичных компаний и организаций, является на современном этапе общепризнанным условием устойчивого развития [1, принцип 10] и эффективной борьбы с коррупцией [2, ст. 10, 13]. В юридической науке законодательное

обеспечение транспарентности публичной администрации и права на доступ к официальной информации рассматривается как важнейший элемент системы государственных и международно-конвенционных гарантий прав человека [3–10]. Представители политической науки видят в транспарентности и доступе к информации институциональный ответ на вызовы современного политического развития, обострившие фундаментальные социальные проблемы эффективного управления, безопасности, общественного контроля и политического участия [11–13].

Вопросы обеспечения доступа потребителей к государственным услугам и к информации о деятельности государственных органов находятся в центре внимания руководителей Российского государства. Соответствующие задачи были поставлены в государственных программных документах: ФЦП «Электронная Россия» [14], Концепции административной реформы [15], Национальном плане противодействия коррупции [16]. Важным шагом на пути реализации указанных задач по совершенствованию институтов правового государства в Российской Федерации стало принятие в 2009 г. Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [17].

Сила воздействия закона на социальную жизнь во многом определяется государственным контролем исполнения законодательных положений. Следовательно, вопросы организации такого контроля являются отнюдь не техническими – они имеют первостепенное значение для обеспечения верховенства закона в обществе. В регулировании столь важной сферы социальной жизни, как доступ к информации, российское законодательство делает только первые шаги. В то же время в мире накоплен значительный опыт законодательного регулирования и практического правоприменения в этой области. На наш взгляд, представляется важным рассмотреть передовой зарубежный опыт в части организации контроля над практической реализацией законодательства о доступе к информации.

Во избежание терминологического разночтения понятий «контроль» и «надзор», имеющегося и в юридической литературе, и в законодательстве зарубежных стран, условимся, что термин «контроль» понимается как любая форма проверки на соответствие законодательству о доступе к информации действий и решений подконтрольных органов.

Обзор законодательства развитых стран, а также ряда продвинутых развивающихся стран позволяет вывести общее правило: в работоспособных законах о доступе к информации уделяется пристальное внимание вопросам организации контроля над их исполнением. Об этом свидетельствуют структура законов и объем их положений, которые посвящены вопросам контроля и арбитража при рассмотрении жалоб потребителей на отказ в предоставлении им информации.

Закрепляя в законе о доступе к информации определенную систему мер по контролю правоприменения, законодатель предусматривает дополнительную защиту декларируемых прав потребителей, а также и самого закона от ненадлежащего исполнения. Такая дополнительная защита является совершенно необходимой ввиду асимметрии власти и ресурсов влияния между обычным потре-

бителем и распорядителем информации, каковым выступает орган власти или корпорация. В связи с этим закрепление в законе о доступе к информации системы контроля правоприменения выступает показателем качества законодательства и залогом действительной силы закона.

Анализ содержания передового зарубежного законодательства в части положений, посвященных контролю правоприменения, обнаруживает важную тенденцию в институциональном обеспечении права на доступ к информации. Речь идет о закреплении функций контроля над исполнением законодательства о доступе к информации за специальными правозащитными органами. В странах, которые реально продвинулись в регулировании этой области правоотношений, законы о доступе к информации включают специальные разделы, регламентирующие правовой статус контрольно-надзорных органов, их полномочия, функции, а также процедуры обжалования потребителями отказа в предоставлении им информации. По существу, это означает признание на законодательном уровне принципиальной важности специализированных институтов внесудебной защиты прав потребителей для обеспечения доступа к официальной информации.

Подобное утверждение никоим образом не умаляет роли суда. Безусловно, суды общей юрисдикции остаются центральными институтами защиты права, в том числе и права на доступ к информации. Тем не менее, нельзя не учитывать объективные издержки рассмотрения дел о доступе к информации в общих судах: слишком медленная, сложная и дорогостоящая процедура судебной тяжбы с органом власти или корпорацией оказывается малоэффективной для заявителя. Поэтому в настоящее время включение в институциональную систему обеспечения доступа к официальной информации дополнительных институтов внесудебного контроля, действующих в интересах заявителя, получило практически повсеместное распространение [18].

Миссия специализированных институтов внесудебного контроля правоприменения в сфере доступа к информации может быть вполне прояснена при рассмотрении этого вопроса во взаимосвязи с вопросом об исключениях из права на доступ к информации. Выражаясь более точно, следует рассмотреть соотношение *режима контроля* правоприменения (такой режим включает правовой статус, способ формирования надзорного органа, характер и объем полномочий, порядок рассмотрения споров, степень обязательности решений, фактическую работоспособность) и *режима исключений* из права на доступ к информации (этот режим включает законодательное закрепление исключений и применение их на практике).

Любой национальный закон предусматривает исключения из доступа к информации. Такие исключения бывают двух видов: во-первых, абсолютные или квалифицированные исключения; во-вторых, дискреционные исключения, которые формулируются как правомочие (а не обязанность) государственного органа запрещать доступ ввиду вреда, который может причинить раскрытие таких сведений законным интересам государства либо законным интересам третьих лиц. Чтобы такое правомочие государственного органа не превратилось в произвол, его применение должно включать экспертизу общественного инте-

реса, то есть взвешивание действительной «меры вреда» и сравнение ее с общественной пользой от раскрытия информации, исходя из приоритета общественного интереса в прозрачности и подотчетности власти.

Подобная экспертиза останется лишь благим пожеланием, если она не будет институционально обеспечена. Экспертиза применения исключений должна быть не внутренним делом государственной администрации, но открытым процессом, в котором участвует сторона, уполномоченная представлять, защищать и отстаивать право на доступ к информации и общественный интерес в соблюдении этого права. Эта же сторона должна быть правомочна отстаивать вектор развития национального законодательства на все более широкое применение экспертизы общественного интереса за счет сокращения абсолютных исключений из доступа к информации.

Действительное положение вещей таково, что национальные законы о доступе к информации предусматривают большой объем абсолютных и очень большой объем дискреционных исключений. Поэтому вопрос о функционировании специального органа контроля и публичной экспертизы применения закона касается не только разбора отдельных жалоб и борьбы с отдельными нарушениями – это вопрос о самой сфере доступа к официальной информации.

Сравнительный анализ зарубежного законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить *основные институциональные модели* государственного контроля в сфере обеспечения доступа к информации.

Первая модель – *специализированный омбудсман, назначаемый парламентом*. В этом случае омбудсман выступает специальным парламентским уполномоченным (в англосаксонской традиции его принято называть комиссаром), который выполняет функцию контроля законодателя над исполнением закона о доступе к информации. Такой уполномоченный, как правило, назначается на длительный (превосходящий парламентский) срок полномочий, наделяется правом проводить расследования, требовать информацию, давать предписания, которые необходимо либо опротестовывать в суде, либо выполнять. Заметим, что этот правозащитный контрольно-надзорный орган учреждается и действует в соответствии с законом о доступе к информации, выступая институциональной гарантией действенности указанного закона.

Наиболее сильными полномочиями обладает омбудсман (комиссар) по доступу к информации в Ирландии и в Канаде. В Ирландии к комиссару по вопросам информации обращаются заявители, в случае если нарушены их права на доступ к информации, и решения комиссара обладают обязательной силой [19]. В Канаде решения комиссара по вопросам доступа к информации обязательной силы не имеют, однако он вправе проводить расследования, ему помогает солидный и работоспособный офис [20]. Как показывает практика, канадские государственные органы и чиновники прислушиваются к мнению парламентского комиссара и стараются не попасть в составляемый и публикуемый комиссаром черный список нарушителей закона. Комиссар по доступу к информации готовит ежегодный парламентский доклад о том, как государственные органы исполняют закон о доступе к информации. Доклады комиссара есть в открытом доступе на его сайте. Они представляют большой интерес для

исследователя, поскольку из них можно узнать, какие вопросы волнуют потребителей, какую информацию не хотят открывать государственные структуры, как рассматриваются спорные дела [21].

Институт специального парламентского уполномоченного можно признать лучшим способом организации контроля правоприменения в сфере доступа к информации. Однако такая модель может быть эффективной лишь в определенном институционально-политическом контексте. Следует согласиться с Альваро Хиль-Роблесом в том, что действенность института внеадминистративного контроля немыслима без демократического строя, где политическая конкуренция и разделение властей служит тормозом и противовесом для возможного превышения власти [22, с. 14].

Другая институциональная модель контроля – это *специальная административная* (по сути – правительственная) *комиссия*. Такая комиссия отвечает за всю систему применения закона о доступе к информации, рассматривает апелляции, выносит окончательные решения, штрафует и наказывает провинившихся чиновников.

Преимуществами такой модели считаются специализация и административный вес правительственной комиссии, обязательность ее решений и санкций. Комиссия по доступу к информации формируется, как правило, премьер-министром. Административная надзорная комиссия и руководители подконтрольных ей государственных органов состоят членами одной правящей партии, принадлежат к одной административной корпорации, что не способствует объективности рассмотрения дел. Индийский вариант модели административного контроля выглядит более сбалансированным. Особенность индийской системы надзора заключается в том, что при формировании центральной и региональных комиссий по информации учитывается мнение лидеров оппозиции в общенациональном парламенте и в региональных легислатурах.

Наиболее сильными полномочиями органы административного надзора наделены в Индии и Мексике.

В ряде стран (Новая Зеландия, Австралия, Швеция, Финляндия, Дания) получила распространение так называемая «скандинавская модель» внесудебного контроля в сфере доступа к официальной информации. Речь идет о расширении компетенции и прежде существовавшего в этих странах института омбудсмана – уполномоченного по правам человека, который назначается парламентом и подотчетен ему. Функции по надзору и обжалованию в сфере защиты права на доступ к официальной информации омбудсман осуществляет в рамках своих общих полномочий по надзору за административной деятельностью правительства.

Объем жалоб по самым разным нарушениям прав человека настолько велик, что «классические», неспециализированные омбудсманы не в состоянии оперативно обработать еще и поток жалоб по доступу к информации, который к тому же год от года увеличивается. Показательно, что парламентский омбудсман в Австралии, которому в соответствии с Законом «О свободе информации» (1982 г.) вменена работа с жалобами на отказ в предоставлении информации, призвал Парламент решить вопрос о создании института специализированного омбудсмана по вопросам доступа к информации [23].

Нередко речь идет о внушительном объеме работы. Например, в Дании жалобы по Закону «О доступе к документам государственной администрации» можно подавать парламентскому омбудсману. Он получает таких жалоб не так уж много: от 200 до 300 в год (наряду с жалобами по другим поводам, конечно). Примерно в 15% случаев он выносит решения, рекомендуя органам государственной администрации пересмотреть свой отказ в предоставлении информации. Принятие решения по каждому из таких дел занимает от трех до пяти месяцев [18, с. 80]. А что будет, если поток жалоб относительно доступа к информации в Дании вырастет? В Новой Зеландии службе омбудсмена только «для завершения обработки информации о поступивших жалобах» понадобилось около 73 дней [18, с. 145].

Вывод очевиден: при относительно большой численности населения и большом числе жалоб на отказ в предоставлении информации отсутствие специализации уполномоченного правозащитника и адекватных организационных ресурсов чревато волокитой и плохим ведением дел. Отсюда следует, что, во-первых, рассмотрением жалоб и другими вопросами надзора за функционированием системы доступа к официальной информации должен заниматься специальный уполномоченный либо специальная комиссия. Во-вторых, офис такого органа контроля должен быть обеспечен штатом и техникой, достаточными для того, чтобы обрабатывать и держать на контроле тысячи апелляций.

В заключение отметим, что действующий российский Закон «О доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» предельно кратко освещает вопросы контроля и гарантий реализации права на доступ к информации. В соответствии со ст. 24 Закона контроль за обеспечением доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления осуществляют руководители этих органов, а надзор обеспечивают органы прокуратуры. Решения и действия (бездействие) официальных органов и должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации, могут быть обжалованы в вышестоящие административные инстанции либо в суд.

Подобный лаконизм в регулировании вопросов контроля и гарантий реализации новых норм законодательства нельзя признать оправданным, ибо контроль правоприменения, как уже отмечалось, имеет решающее значение для обеспечения действенности закона и реализации прав граждан. Ссылка на известные возможности обжаловать официальные решения в вышестоящих административных инстанциях и в суде отнюдь не решает проблему государственных гарантий реализации права граждан России на доступ к информации.

Как представляется, для совершенствования российского Закона о доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления полезно было бы обратиться к опыту развитых демократических стран, где созданы и успешно работают специализированные органы досудебного контроля, способные эффективно выполнять следующие необходимые функции: а) экспертизы общественного интереса в раскрытии информации и его публичной защите; б) независимого рассмотрения жалоб тех лиц, чей запрос о предоставлении официальной информации был прямо или неявно, полностью

или частично отклонен; в) подготовки и представления парламенту публичного доклада об исполнении государственными органами законодательства о доступе к информации.

Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам, открытая для подписания в июне 2009 г., содержит требование к государствам-участникам обеспечить право пользователя обратиться о пересмотре решения органа власти в независимый и беспристрастный орган, созданный на основе закона. В Конвенции специально оговаривается, что процедура пересмотра должна быть оперативной и недорогой. Требования Конвенции, по сути, представляют собой европейские стандарты обеспечения доступа к официальной информации – государства-участники берут на себя обязательства по принятию необходимых мер в отношении своего национального законодательства для эффективной реализации положений, предусмотренных Конвенцией. Присоединение России к Европейской конвенции о доступе к официальным документам потребует от российского законодателя дополнительного правового регулирования, обеспечивающего институциональный механизм защиты права на доступ к информации.

Библиографический список

1. Декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г.) // Док. ООН А/Конф.151/26. Т. 1.
2. Конвенция ООН по борьбе с коррупцией 2003 г. (вступила в силу в дек. 2005 г., ратиф. РФ 17 февр. 2006 г.). URL: http://www.unodc.org/pdf/corruption/publications_unodc_convention-r.pdf
3. *Тоби Мендел*. Свобода информации: сравнительное правовое исследование, 2003 г. / ЮНЕСКО. URL: http://www.unesco.kz/publications/ci/freed_inform_ru.doc
4. *Родни А. Смолла*. Право граждан на получение информации: «прозрачность» деятельности государственных органов. URL: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper10.htm>
5. *Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А.* Информационное право. СПб., 2005.
6. *Маклаков В.В., Страшун Б.А.* Свобода информации // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1993. Т. 1.
7. *Малько А.В.* Право гражданина на информацию // Общественные науки и современность. 1995. № 5.
8. *Федотов М.* Право на информацию и (или) безопасность // Журнал Индекс / Досье на цензуру. 2001. № 13.
9. *Шевурдяев С.Н.* Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10.
10. *Афанасьева О.В.* Право граждан на информацию и информационная открытость власти: концептуальные вопросы правового регулирования. Саратов, 2004.
11. *Афанасьева О.В.* Доступ к информации как институт национального государства // Полис. 2010. № 5.
12. *Грачи́в М.Н.* «Электронная демократия» и «электронное правительство»: к вопросу об определении понятий с учетом реалий становления информационного общества // Политическое управление и публичная политика XXI века: государство, общество и политические элиты / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) [и др.]. М., 2008.
13. *Кулик А.Н.* «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки // Политическое управление и публичная политика XXI века. М., 2008.
14. Электронная Россия (2002–2010 гг.): Федер. целевая программа: утв. Постановлением Правительства РФ от 28 янв. 2002 г. № 65 (НТЦС) // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

15. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.: одобрена распоряжением Правительства РФ от 25 окт. 2005 г. № 1789-р // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
16. Национальный план противодействия коррупции Пр-1568: утв. 31 июля 2008 г. Президентом России Д. Медведевым // Рос. газ. 2008. 5 авг.
17. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
18. Банисар Д. Свобода информации в мире, 2006 г.: общий обзор законодательства по доступу к правительственной информации в мире / проект «Свобода информации» организации «Privacy International», 2006. URL: <http://www.privacyinternational.org/foi/foisurvey2006rus.pdf>
19. Закон Ирландии о свободе информации 1997 г. URL: http://www.foi.gov.ie/foi.nsf/_v85mm2r37c5mm2t35cgsje9hg6c_?OpenFrameSet
20. Закон Канады о доступе к информации 1982 г. = Access to Information Act. URL: <http://laws.justice.gc.ca/en/A-1/index.html>
21. Афанасьева О.В. Институт Комиссара по вопросам информации: канадский опыт для России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 4 (21).
22. Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). М., 1997.
23. Правительство под пристальным вниманием – администрирование Закона «О свободе информации» 1982 г. в государственных учреждениях Австралии: доклад Омбудсмана Содружества март 2006 г. = Scrutinising Government: Administration of the Freedom of Information Act 1982 in Australian Government agencies (Report № 2/2006). URL: http://www.comb.gov.au/publications_information/Special_Reports/2006/FOI_report_March2006.pdf

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

E.L. Yakovleva
The Technology
of Political Mythmaking

The author analyzes the specifics of modern political mythmaking. Based on the concept of E. Cassirer the "technique" of mythological thinking in politics is revealed.

Key words and word-combinations: political myth, ideology, mythological thinking, mass consciousness.

Автором анализируется специфика современного политического мифотворчества. Опираясь на концепцию Э. Кассирера, автор раскрывает «технику» мифологического мышления в политике.

Ключевые слова и словосочетания: политический миф, идеология, мифологическое мышление, общественное сознание.

УДК 32
ББК 66.3(0),15

Е.Л. Яковлева

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Во все времена миф подчинял себе и заставлял целые общества жить по своим законам. Никакая наука не смогла убедить или разуверить людей в созданных ими личностных или общественных мифологических построениях: «Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [1, с. 389]. Мифотворчество и миф как специфические коммуникативные системы взаимоотношений человека с миром заметно повлияли на особенности человеческого мышления и формирование картины мира.

Сегодня эстетические стандарты мифов захватывают все большее культурное пространство, проникают в масс-медийные сюжеты, искусство и киноиндустрию, виртуальную реальность и повседневную жизнь людей. Так, среди наиболее распространенных мифологических сюжетов можно назвать миф

о герое-одиночке, супермене, побеждающем врагов во имя Добра и Справедливости. Не менее распространен миф о Золушке, превращающейся в «принцессу». Обращают на себя внимание повторяющиеся истории, романтизирующие образы зла и дьявола. Периодически «всплывают» эсхатологические мотивы, связанные с ожиданием «конца света». Регулярно воспроизводятся угрозы мирового заговора. Муссируется идея трикстерства как залога успеха. Но сходство наиболее значительных мифических стандартов обнаруживается не только в рядовой жизни человека, но и в различных идеологических системах: наличие образа врага и фигуры избавителя; постоянные ссылки на злонамеренность некоего противника, которого нужно изобличить, подвергнуть моральному бичеванию и уничтожить.

В отличие от древности современные мифы создаются намеренно. Их пишут не народы, а персоны – продуманно и рационализированно, искусно манипулируя сознанием и поступками людей. Современное мифотворчество заявляет о себе прежде всего в сфере политики, при этом создание и внедрение в массовое сознание мифа опирается на специально наработанные технологии. Искусно и искусственно созданные политические мифы скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и / или акцентируя выгодные их творцам общественно-политические смыслы. При этом они способны объединить огромное количество людей, воодушевить массу и намеренно «подтолкнуть» ее к определенным действиям. По мнению А. Цуладзе, политический миф используется для реализации политических целей (например, борьба за власть, легитимизация власти, осуществление политического господства) [2]. Подобные мифы оказывают большое влияние на общество.

Политический миф отличается от традиционного тем, что обращен к конкретным сторонам общественной жизни, освящая вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства. Он представляет собой универсальную конструкцию, которую можно наполнить любым содержанием, именно поэтому, на наш взгляд, возникла и стала реализовываться идея использования мифа в сфере идеологии и политики.

Интересу и тяге к политическому мифотворчеству способствует бытийная потребность человека в проявлении диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Используя ее и зная механизмы функционирования индивидуальной и коллективной психики, можно изложить любой политический сюжет.

Например, чтобы аудиторией была воспринята та или иная фигура, необходим контрастный «фон». Это подталкивает к появлению заимствованной из мифологического мышления пары: «святой» и «злодей». Попеременная борьба двух политических оппонентов (будь то личности или государства), игра в героя и злодея до поры гипнотизирует массовое сознание, дезориентируя его в реальных жизненных проблемах. Эту мифологическую игру можно проследить на перипетиях взаимодействия Д. Медведева и Ю. Лужкова, Д. Медведева и А. Лукашенко, современных межгосударственных отношений России и Украины, России и Америки.

В то же время взаимодействие противоположных сторон нередко бывает и положительным: если оппоненты преследуют известную им обоим цель, но не

могут достичь желаемого поодиночке, они способны объединиться на условиях взаимной выгоды. Так, в современной России можно наблюдать политическую игру двух лидеров – «радетелей обо всех подданных» – В. Путина и Д. Медведева, соревнующихся между собой в свершении добрых дел во имя Отечества. Мифологичность их облику намеренно создают СМИ, благодаря которым россияне не успевают следить за скоростью передвижения лидеров по стране, «горячим точкам», зонам бедствий, удивляются их вездесущности, эрудированности и осведомленности.

Одним из первых используемую мифотворцами «технику», не потерявшую своей актуальности до сегодняшнего дня, изложил неокантианец Э. Кассирер, который считал важной особенностью современности внезапное осознание силы мифологического мышления. Политические мифы, по его мнению, представляют собой странно-парадоксальное явление. В них обнаруживается смешение противоречивых элементов магического и технического мышления [3].

Политик нового типа умело сочетает в себе две различные функции: человека-мага и человека-созидателя. Заметим, что при этом и сам политик, и его соратники не являются людьми иррациональными; скорее, это искусные и хладнокровные мыслители, мастера политического расчета, тщательно и методично продвигающиеся к цели и создающие свой миф продуманно и рационализированно.

По Кассиреру, то, что политические мифы представляют собой сложные и утонченные продукты, не сопоставимые с первобытными мифами, нам только кажется. И в тех и в других обнаруживаются два общих элемента: 1) они представляют собой выражение коллективных желаний и могут возникнуть лишь после того, как эти желания приобретают невиданную прежде силу; 2) и традиционные и политические мифы пытаются отбросить, перевернуть все наши обычные приемы логического мышления и аргументации. Именно поэтому «техника» политического мифомышления оказывается пригодна к активной эксплуатации и в сегодняшней политике.

Первым необходимым шагом в построении политического мифа становится *изменение функции языка*.

Если в обычной речи слова имеют двойное назначение – описательное и эмоциональное, то в языке, рожденном политическими мифами, этот баланс нарушен. Весь упор здесь сделан на эмоциональную сторону. В связи с этим обстоятельством создается огромное количество новых слов, а некоторые старые претерпевают существенное изменение своего смысла, попутно насыщаясь чувством, а нередко и неистовыми эмоциями. Так, в советской России идеологические клише языка наполняли не только протоколы комсомольских и партийных собраний, но и тексты экзистенциального содержания (личные дневники, любовные письма и даже предсмертные записки). Воспроизведение окружающей реальности осуществлялось с помощью таких слов-маркеров, как «революционный», «отсталый», «прославленный герой труда», «ветеран войны», «перерожденец», «ячейка общества». В современном пространстве России привычные русские слова заменяются огромным количеством иностранных слов: «менеджер», «PR-технологии», «бутик», «бонус», «тренд», «креатив», «имидж», «инновация», «камбэк», «мультиплекс», «ток-шоу»...

Магическое слово никогда не выступает самостоятельно, поэтому вторым необходимым шагом было *создание новых обрядов*. Обрядовая сторона творимого политического мифа наиболее ярко воплощается в форме политических ритуалов, которыми в подавляющем большинстве случаев обставляются значимые политические мероприятия.

Особенно наглядно это демонстрировалось в тоталитарном государстве, где все бытие человека захлестывала волна ритуалов. Как и в первобытных обществах, они были регулярны, упорядочены и неизбежны. Пренебрежение каким-либо из предписанных ритуалов несло страдание или смерть, считалось преступлением против богоподобного вождя и всепроникающего государства. Эффективность постоянно «разыгрывающихся» ритуалов проявлялась в том, что они усыпляли активность и действенность, принципиальность, критичность суждения, личностное чувство, индивидуальную ответственность граждан. Применяя ритуалы, политики активно внедряли методы принуждения с помощью навязывания человеку определенных правил действия.

Мифологическое программирование жизни традиционно выражается в обряде инициации молодых людей. В древние времена посвящением занимались жрецы или же лица, наделенные властными полномочиями и заинтересованные в передаче своих знаний и жизненных ориентаций молодому поколению. Заметим, что и в современности можно обнаружить следы модернизированного обряда инициации. Например, посвящение в студенты или в молодые специалисты является распространенным мероприятием практически во всех учебно-производственных структурах, имеющих свою традицию. Иницируемые проходят своеобразные, наполненные символическим смыслом испытания, после чего их считают полноправными членами коллектива.

В современной России многие ритуалы прошлой эпохи сохранились, пережив определенную трансформацию. В качестве примера приведем День Победы, этнорелигиозные праздники (Рождество, Крещение, Пасха, масленица, Сабантуй, Ураза-Байрам и Курбан-Байрам), профессиональные и сельскохозяйственные праздники.

В целом техника политического мифотворчества (воздействие слова и ритуала) оказывает парализующее воздействие на участников церемоний. Утрачивая ощущение личности, индивидуальности, они сливаются воедино, действуют, мыслят и чувствуют как нерасчлененное целое. В данном случае о себе заявляет мифологический принцип «часть есть целое, целое есть часть». Именно подобного эффекта добиваются создатели политических мифов, стараясь лишить людей ощущения реальности, собственной индивидуальности и персональной ответственности, свободы и независимости мышления. Люди начинают действовать как марионетки в кукольном представлении, жизнью которых управляют и дергают за веревочки политические лидеры. Благодаря современным PR-технологиям в политике формируется нужное общественное мнение о государственном или общественном деятеле, его политике и эпохе. Как справедливо замечает В. Мединский, «с помощью PR-технологий можно беса представить ангелом, и наоборот» [4, с. 19].

У колдуна в первобытном обществе есть важная функция *предсказания будущего*. Лидеры современности возродили ее – пророчество стало существен-

ным элементом технологии создания новой политической реальности. Это связано с тем, что современный тип политика мастерски владеет искусством управления людьми, согласно которому масса легче управляема не физическими методами, а силой воображения.

Политические лидеры выступают как *идолы, требующие поклонения*. Религиозно-мифологической практике часто сопутствуют трансцендентные состояния, связанные с выполнением определенных тоталитарных культов: боготворение вождя, экстатический, не знающий пределов восторг при его упоминании и тем более появлении, впадение в массовый транс при похоронах. Переживания людей в данном случае вполне можно назвать культовыми.

На современном этапе возвышению и сакрализации личности правителя способствует *техника создания имиджа*, основанная на мифах путем навязывания идеологических, эмоционально-ассоциативных клише. Имидж всегда связан с игрой воображения, включая не только естественные свойства личности, но и специально наработанные, творчески созданные с помощью PR-технологий [4, с. 20; 5]. В связи с этим имидж наделяет объект дополнительными мифологическими характеристиками, стремясь выделить его из ряда других, похожих. По словам А.Ф. Лосева, объект наделяется чудесностью.

Имидж создает заданную социально-психологическую установку, при этом люди воспринимают объект как результат собственного видения, а не как нечто, навязанное извне. Именно эти свойства имиджа дают возможность пропаганде, идеологии, массовой культуре использовать его как инструмент манипулирования сознанием. Силу имиджа во многом поддерживает индустрия моды, благодаря которой стирается грань между естественным и искусственным.

В России политики, особенно в настоящий период, тщательно выстраивают и отслеживают свой имидж, ориентируясь при этом на главу государства. Можно заметить, что имидж Д. Медведева выступает калькой с имиджа В. Путина, который в созданном личностном мифе выглядит более органичнее и естественнее, чем его преемник.

Для России, в том числе современной, характерна ситуация сакрализации власти и уважительного к ней отношения, мифологизация образа правителя, будь то царь, генеральный секретарь, президент. Правитель (особенно только пришедший к власти) воспринимается как харизматическая личность, представитель космического порядка, способный из хаоса сотворить гармоническое мироустройство.

Подводя итоги, можно утверждать: на современном этапе мифотворчество и мифы внедряются в различные культурные области, в том числе политику.

Политический миф представляет собой специально созданную, рациональную, хорошо продуманную конструкцию, призванную объединять людей, воодушевлять, стимулировать и направлять их действия. Сама техника политического мифотворчества включает в себя такие компоненты, как ведущая эмоциональная роль слова, создание и исполнение определенных обрядов, предсказание будущего, идолопоклонство, сотворение имиджа. Таким образом, политическое мифотворчество является выгодным и актуальным для власти конструктом, имеющим мощное воздействие на умы и души современных людей.

Библиографический список

1. Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. Самара, 2007.
2. Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.
3. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153–164.
4. Мединский В. Особенности национального пиара: Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2010.
5. Гуревич П.С. Социальные мифы // Реклама: внушение и манипуляция: медиа-ориентированный подход. Самара, 2007. С. 369–381.

V.S. Leshukov
Definition of the Concept
and Classification
of Party Systems
in the Scientific Tradition

The conceptions of party systems formulated by Russian and foreign authors are presented. Peculiarities of theoretical comprehension of this subject of political science research are shown.

Key words and word-combinations: party, multi-party system, party system.

Представлены сформулированные российскими и зарубежными авторами концепции партийных систем. Показаны особенности теоретического осмысления данного объекта политологических исследований.

Ключевые слова и словосочетания: партия, многопартийность, партийная система.

УДК 32.001
ББК 66.0

В.С. Лешуков

**ДЕФИНИЦИРОВАНИЕ
ПОНЯТИЯ
И КЛАССИФИКАЦИИ
ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ
В НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ**

Как утверждал американский социолог, основатель школы структурного функционализма Т. Парсонс, политика является одной из подсистем общества и она тесно связана с функцией целедостижения [1, с. 567–568]. В политической сфере реализуется не только функция государственного управления, но и интересы людей, чему в немалой степени способствуют политические партии. Будучи формой самоорганизации населения в рамках гражданского общества, партии помогают гражданам в достижении целей, обусловленных их интересами и убеждениями, дают возможность в ходе активного политического участия решать наболевшие проблемы.

В российской и зарубежной научной традиции уже сформировались основные воззрения на сущность партийной системы, генезис, функции и роли. Но поскольку роль и деятельность политических партий в политической жизни общества не остаются неиз-

менными, представляется необходимым, проанализировав распространенные классификации партийных систем, выявить те из них, которые с наибольшей эффективностью следует использовать в дальнейших исследованиях партийных систем конкретных государств, в том числе при проведении сравнительного анализа.

Сама рассматриваемая дефиниция «партийная система» включает в себя и взаимоотношения партий с государством, и отношения как партий между собой, так и с обществом, к которому они обращаются в рамках политической борьбы за власть. Более того, она же дает возможность проанализировать особенности пертурбаций, переживаемых социумом.

Характер партийной системы определяется структурой политической системы, состоянием ее основных акторов, используемыми выборными формулами. Роль партий в политической системе часто позволяет выявить природу политического режима. Например, при диктатурах политические партии, как правило, запрещены либо существует всего одна партия, выражающая интересы правящего политического класса. Если же режим хотя бы частично полиархичен, то это накладывает отпечаток на партийную систему. Иногда наблюдается крайний плюрализм (как в Голландии), в других случаях фиксируется полиархичность в виде умеренной многопартийности (как во Франции или Германии) либо двухпартийности (как в США и Великобритании, где в формате партий выступают разные группы правящих элит, не имеющие принципиальных стратегических расхождений).

На протяжении новейшего времени проблематика партийных систем становилась ключевым объектом исследований многих ученых-политологов со всего мира. Ее анализировали, с помощью разных подходов рассматривали количественные и качественные характеристики, выделяли в отдельный объект исследования или, наоборот, находили взаимосвязи с другими составляющими политической системы.

Российский политолог Л.Н. Алисова характеризует партийную систему в качестве политической структуры, состоящей «из совокупности политических партий разного типа с их стойкими связями и взаимоотношениями между собой, с государством и другими институтами власти, характером, условиями деятельности, взглядами на основные ценности политической культуры общества и степенью согласованности этих взглядов в ходе реализации принятых ими идеологических доктрин, форм и методов практической политической деятельности» [2, с. 118–119]. Фактически партийная система согласно данной позиции делится на партии и их связи с иными элементами политической системы.

Классик политической социологии, французский исследователь партий и партийных систем М. Дюверже определяет партийную систему следующим образом: «В каждой стране в течение более или менее длительного периода число партий, их внутренняя структура, их идеология, их относительные размеры, их альянсы, их типы оппозиции приобретают определенную стабильность. Этот стабильный ансамбль и образует систему партий» [3, с. 31]. Для Дюверже главным фактором считается стабильность существования «партийного ансамбля», позволяющего говорить о выработке системы.

Известный польский ученый Е. Вятр рассматривает партийную систему как совокупность отношений между легально действующими политическими партиями. Эти отношения выражаются в соперничестве или в совместной борьбе за власть [4, с. 46]. Примечательно то, что в партийную систему Вятр не включает ни государственные институты, ни непартийные группы интересов или другие организации подобного рода, действующие от имени социума.

Российский политолог Т.В. Шмачкова пишет: «Под партийной системой понимается (в рамках данного режима) политическая конфигурация, составленная из совокупности независимых элементов и определяемая количеством и параметрами существующих в ней партий... Это понятие детерминирует сегодня сущность политических режимов (дихотомия плюрализм – тоталитаризм) и служит основой их классификации. Саму же партийную систему определяют два критерия – один учитывает число включенных в нее партий, другой – их параметры (масштабы), что способствует различению форм многопартийности» [5].

В своем исследовании мы понимаем партийную систему как совокупность партий, существующих в конкретном государстве и образующих определенную конфигурацию внутри политической системы, остающуюся неизменной на протяжении более или менее длительного времени.

В политической науке имеются разные взгляды на функциональную сторону партийных систем.

Так, английский политолог Д. Истон писал, что партиям необходимо адекватно воспринимать сигналы окружающей среды, прочих институтов гражданского общества, их нужды, требования, чаяния, чтобы превращать имеющийся социальный запрос в конкретные политические решения [6, с. 74]. Французский социолог П. Бурдьё, давая характеристику политическому полю, утверждал, что партийная система не существует автономно, а находится в тесном контакте с государственными институтами, избирательной моделью, социумом, гражданским обществом. По его словам, поле выглядит так: «...место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане...» [7, с. 182].

Функции, определенные Истоном и Бурдьё, имеют непосредственный аналитический выход на тематику политических режимов. Функциональная сторона существования партийных систем рассматривалась указанными учеными в контексте процессов нивелирования проблем общества в конкурентной борьбе и собственных трансформаций в зависимости от характера политического режима.

Под воздействием книг французского политолога и социолога Р. Арона в политической науке утвердилось мнение, согласно которому характер политической системы и политического режима определяется в первую очередь типом партийной системы, количеством партий. Для противопоставления демократии и тоталитаризма (авторитаризма) «в качестве критерия» применяются «различия между многопартийностью и однопартийностью» [8, с. 62]. Однако данная точка зрения не учитывает возможность государств целенаправленно определять оптимальную для себя партийную модель. Например, основные функции могут выполняться в рамках демократической, но не много-, а двухпартий-

ной системы, когда каждая из крупных, имеющих ресурсную базу партий максимально расширяет свои программные документы, чтобы учесть наибольшую часть проблем, волнующих избирателей.

Пониманию феномена партийных систем способствуют их классификации. Политологами предложены различные их варианты, в основу которых положены те или иные признаки и принципы, отделяющие одни партийные системы от других.

М. Дюверже делит партийные системы на двухпартийные (бипартизм) и многопартийные (мультипартизм) [3]. Логически развивая его классификацию, Т.В. Шмачкова считает: «В ходе истории сформировались три основных типа партийных систем: двухпартийная система (бипартизм), многопартийная система и система «двух с половиной партий» [5].

Голландский политолог Г. Даалдер изучал партийные системы через понятие «центр», то есть середину с точки зрения деления на левых и правых [9]. Он выделил несколько типов партийных систем: 1) двухпартийная система (пример – Великобритания); 2) система двух с половиной партий (пример – ФРГ); 3) партийная система, где крупной партии противостоит ряд менее крупных и мелких партий (примеры – Ирландия, Швеция); 4) двухблоковая партийная система (примеры – Дания, Франция); 5) партийная система с постоянным (частым) правлением одной или группы партий, время от времени меняющей своих союзников (примеры – Нидерланды, Италия, в каком-то смысле Финляндия); 6) партийная система правительств меньшинства; 7) партийная система неустойчивых коалиций (пример – Исландия) [10].

Сочетая качественный и количественный критерии определения партийной системы, итальянский политолог Д. Сартори предложил собственную классификацию: 1) партийная система с одной партией (Албания, бывший СССР); 2) система с партией, осуществляющей гегемонию (Мексика); 3) система с доминирующей партией (Япония, Индия); 4) двухпартийная система простого плюрализма (США, Великобритания, Канада); 5) система ограниченного плюрализма (Бельгия, ФРГ); 6) система крайнего (поляризованного) плюрализма (Италия, Нидерланды, Финляндия); 7) атомизированная система (Малайзия). Система «умеренного плюрализма» состоит из трех-пяти конкурирующих между собой партий. Они создают коалиционное правительство. Шесть и более партий – это поляризованная система с огромной идеологической разницей партий и вытекающей из нее политической напряженностью [11].

Р.Ж. Шварценберг в основу типологии партийных систем заложил своеобразную шкалу уменьшения конкуренции между партиями: 1) многопартийные системы: полная многопартийность; умеренная многопартийность; 2) двухпартийные системы: несовершенная двухпартийность; совершенная двухпартийность; 3) системы с господствующей партией: господствующая партия; сверхгосподствующая партия [12, с. 61].

Таким образом, существует множество подходов к определению понятия партийной системы, изучения ее динамики и формирования, предложены различные классификации партийных систем. Для анализа партийных систем, в том числе анализа компаративистского толка, представляется оптимальным ис-

пользовать следующие универсальные дефиниции партийных систем: однопартийная, система с доминирующей партией, двухпартийная, умеренного плюрализма, крайнего плюрализма, атомизированная, полупартийная, система двух с половиной партий, партийная система с правлением одной или группы партий, постоянно меняющих своих союзников.

Имеющиеся дефиниции и классификации тем не менее не позволяют в полной мере оценить эффективность той или иной модели партийной системы в некоем государстве. В любом случае собственно конфигурацию партийной системы следует рассматривать в контексте самых разных процессов – демократизации, политической борьбы, согласования интересов в рамках самой партийной системы некоего государства, призванной адекватно реагировать на сигналы внешней среды.

Не всегда именно количественные характеристики должны браться за основу при наличии попыток исключить качественные – плюрализм, устойчивое существование системы на протяжении продолжительного времени, представленность в парламенте системной оппозиции. Часто для достижения перечисленных характеристик хватает малого числа партий. Например, в США и Великобритании существуют устоявшиеся двухпартийные модели, а эти государства обладают демократическими традициями, измеряющимися несколькими веками их суверенного существования. Именно при двухпартийном раскладе каждая партия старается максимально расширить свою электоральную базу, а при системе с доминирующей партией правящая политическая сила не сталкивается с необходимостью жертвовать каким-то положением своей программы ради необходимости сливаться в коалицию с другими партиями.

Следовательно, кроме количественных характеристик партийных систем большое внимание должно уделяться их качественному измерению, являющемуся более показательным во многих аспектах рассматриваемой научной проблематики. Тогда определение партийных систем, концепции их классификаций получают дополнительную эмпирическую базу, показывающую эффективность конкретной модели применительно к стране, в которой она существует.

Библиографический список

1. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
2. Алисова Л.Н. Партийная система // Политическая энциклопедия: в 2 т. М., 1999. Т. 2.
3. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
4. Вятр Е. Социология политических отношений / под ред. Ф.М. Бурлацкого. М., 1979.
5. Шмачкова Т.В. Из основ политологии Запада // Полис. 1991. № 2. С. 133–145.
6. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. Second printing. L.; N.Y.; Sydney, 1967.
7. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
8. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
9. Daalder H. In search of the center of European party systems // American political science review. Washington, 1984. Vol. 78, № 1. P. 92–109.
10. Daalder H., Mair P. Western European Party Systems. Beverly Hills, 1983.
11. Sartory G. Parties and Party Systems // Framework for analysis. N.Y., 1976. Vol. 1. P. 122–179.
12. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. М., 1992. Ч. 3.

E.A. Chernov
The Influence of Interest Groups
on Political Decision Making
in Russian Regions
(Expert Polls Results)

Expert Polls results are presented. Mechanisms to implement the influence of interest groups on regional policy are shown.

Key words and word-combinations: interest groups, political elites, influence on politics, political resources, political subjectness.

Представлены результаты экспертного опроса. Показаны механизмы осуществления влияния групп интересов на региональную политику.

Ключевые слова и словосочетания: группы интересов, политические элиты, влияние на политику, политические ресурсы, политическая субъектность.

УДК 32.01:316.334.3(470+571)
ББК 66.04+60.561.3(2Рос)

Е.А. Чернов

**ВЛИЯНИЕ ГРУПП
ИНТЕРЕСОВ НА ПРИНЯТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ
(РЕЗУЛЬТАТЫ
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)**

Ключевым показателем влиятельности того или иного актора политического процесса следует признать его включенность в процедуры принятия решений и способность оказывать воздействие на них. Не являются исключением в этом отношении и группы интересов.

В отличие от органов власти и политических партий, которые институционально вовлечены в процессы дискреционной деятельности, группы интересов оперируют косвенными инструментами влияния. Широта используемого инструментария, эффективность его применения определяют в конечном итоге место конкретного группового интереса в общей картине политической активности регионального уровня.

Как отмечается в исследовательской литературе, механизм взаимодействия российских групп интересов и власти в процессе принятия политических решений скрыт от общества, коррумпирован и хаотичен, а каналы влияния на органы государственной власти монополизированы сильнейшими группами давления [1, с. 287–288]. Функциональная слабость различных общественных организаций, представляющих интересы социальных групп в процессах принятия решений на федеральном и региональном уровнях [2, с. 125], в значительной степени затрудняет исследование данного вопроса, поскольку за-

ставляет аналитика либо оперировать косвенными данными, либо полагаться на включенное наблюдение и экспертные оценки. В этой целью в июне 2011 г. в Саратове был проведен экспертный опрос, результаты которого позволили уточнить формат и особенности участия групп интересов в процессах принятия решений на региональном уровне. В опросе приняли участие 20 экспертов, в том числе представители региональной политической элиты, средств массовой информации, бизнес-структур, общественных организаций, политологического сообщества.

Анкета экспертного интервью состояла из десяти вопросов, которые были посвящены оценкам субъектной структуры регионального политического процесса, потенциала политического влияния акторов, анализу форм, особенностей и мотивов их участия в процессах принятия решений в масштабах региона. В большинстве вопросов экспертам была предоставлена возможность дать открытый ответ, что давало возможность им выразить свое собственное мнение и показать свое видение структуры и динамики регионального политического процесса, роли и места в нем групп интересов. В свою очередь, закрытые вопросы, которые также были включены в анкету, позволяли, с одной стороны, выдерживать содержательные рамки исследования, выступая своеобразными маркерами, на которые мог опереться эксперт, формулируя свои ответы и комментарии, а с другой – сопоставлять авторское и экспертное видение заявленной проблемы.

Анализируя субъектную структуру регионального политического процесса и оценивая потенциал влияния политических акторов в масштабах региона, опрошенные эксперты продемонстрировали явное единодушие, отмечая приоритетные позиции государственных институтов. Политическое влияние региональной легислатуры, губернатора, Правительства области они оценили выше сравнительно других акторов. Однако даже в этом случае полученные показатели оказались все же далеки от своих максимальных значений. На другой полюс рейтинга политического влияния региональных акторов эксперты определили региональную Общественную палату, что также вполне адекватно вписывается в современные политические тренды, учитывая «декоративный» формат этого политического института.

Такое положение является прямым следствием «вертикали власти», выстроенной в стране в 2000-е годы и характеризующейся высоким уровнем влияния в региональном масштабе президентских структур и федерального Правительства. Полученные нами данные в целом подтверждают результаты ранее проведенных исследований (например, результаты экспертного опроса, который проводился в Саратове с 26 апреля по 31 мая 2006 г. в рамках проекта «Будущее России – взгляд из центра и регионов: политическая сфера» [3]).

Группы интересов оцениваются экспертами как довольно влиятельные субъекты региональной политики. В составленном по результатам опроса рейтинге политического влияния они делят пятое-шестое место с институтом главного федерального инспектора, уступая только органам региональной государственной власти (губернатору, областным Правительству и Думе) и региональному бизнесу, который, кстати, также можно рассматривать в качестве определенной

разновидности групп интересов. Высокие оценки, выставленные региональному бизнес-сообществу, позволяют уточнить структуру групп интересов региона. Экономическая составляющая в ее рамках по-прежнему занимает доминирующие позиции. При этом этнические и национальные группы наряду с клиентами, по мнению экспертов, играют в региональной политике явно маргинальную роль.

Определяя термин «группы интересов», подавляющее большинство экспертов использовало преимущественно функциональные трактовки. В общем, под «группами интересов» понимались разнообразные группы людей, которые имеют общие интересы и ориентированы на их реализацию посредством давления на органы государственной власти. При этом в качестве примеров, как правило, экспертами приводились сюжеты из собственной текущей деятельности. Депутаты акцентировали внимание на роли формальных и неформальных депутатских объединениях в парламентской деятельности, чиновники в большей степени апеллировали к практике лоббирования, журналисты и общественники чаще всего в качестве примеров групп интересов приводили бизнес-сообщества.

Если суммировать ответы экспертов, то вырисовывается весьма объемная картина, позволяющая рассматривать группы интересов как на ассоциативном, так и на неассоциативном уровне. Однако в отдельности экспертные оценки такой системностью не обладают (исключение составляют, пожалуй, лишь ответы представителей политологического сообщества). В качестве базовых характеристик групп интересов большинство экспертов отметило общность целей и ориентаций, сплоченность и широкие организационные возможности, а также ресурсный потенциал.

Обобщая экспертные оценки об уровне влияния групп интересов на принятие политических решений в Саратовской области, можно выделить три группы субъектов.

В первую группу (наиболее влиятельных групповых субъектов) попадают финансово-экономические группы и экономические корпорации, а также депутатский корпус. Они лидируют не только по усредненным показателям, но и по количеству максимальных оценок, которые им выставили эксперты. Это вполне ожидаемая тенденция, которая подтверждена отечественной исследовательской практикой. В настоящее время имеются в виду две наиболее ресурсоемкие группы, которые в условиях современного российского политического режима и сложившемся формате отечественной политической системы имеют возможность эффективно конвертировать финансово-экономический и организационно-партийный потенциал в политическое влияние.

Вторая группа объединяет субъектов со средним уровнем влияния на процесс принятия политических решений в масштабах региона. Она наиболее представительна по своей численности и объединяет государственную бюрократию, партийные фракции, региональные ассоциации бизнеса, этнические и конфессиональные группы, профсоюзы. Воздействие этих групп интересов на процесс принятия решений неравнозначно. В рейтинге влияния, без сомнения, лидируют различные группировки чиновников и партийные фрак-

ции, которые имеют прямой выход на административные и парламентские площадки в масштабах региона и используют сосредоточенные в их рамках механизмы. Другие представители этой группы (профсоюзы, бизнес-ассоциации, этнические и конфессиональные группы) свое влияние на процесс принятия решений обеспечивают в основном за счет организационного оформления (ассоциативный формат) и встраивания в существующую административную и парламентскую практику, демонстрируя свою лояльность правящему классу и режиму. Это, безусловно, снижает уровень их самостоятельности, но обеспечивает при этом реализацию минимального набора инициатив и требований.

Третья группа субъектов, с точки зрения экспертов, представлена маловлиятельными по участию в процессах принятия решений группировками – муниципальными группами, клиентами и некоммерческими организациями (НКО). Экспертные оценки в данном случае также хорошо вписываются в современные тренды общественно-политического развития, исходящими из ресурсной и организационной слабости этих субъектов.

Для определения приоритетных сфер влияния в процессах принятия решений на региональном уровне экспертам был задан открытый вопрос, при ответе на который они могли самостоятельно сформулировать ответ. С этой задачей успешно справились все эксперты, однако для того, чтобы представить сводные результаты, потребовалось объединить ответы экспертов в несколько разделов.

По мнению большинства экспертов, основной сферой региональной политики, в которой ощущается влияние групп интересов, выступает бюджетный процесс. Группы интересов проявляют активность фактически на всех его стадиях, привлекая все имеющиеся в их арсенале ресурсы для распределения государственных финансов. Ряд экспертов отмечает, что в современных условиях явного бюджетного дефицита влияние групповых субъектов значительно возросло, однако уровень конкуренции снижается, поскольку сегодня активность в бюджетном процессе могут поддерживать лишь ресурсоемкие субъекты с устойчивой организационной структурой. В качестве таковых чаще всего называются бизнес-группировки и бизнес-ассоциации.

Другой сферой региональной политики, в которой группы интересов проявляют свою активность, можно считать кадровую политику и рекрутирование элиты. Работа в этом направлении – еще одна важная функциональная составляющая групповых субъектов, которые за счет продвижения в различные государственные структуры своих представителей получают возможность более эффективно реализовывать свои интересы. Эксперты полагают, что в настоящее время в регионе подобного рода деятельность реализуется группами интересов весьма успешно, особенно преуспели на этом поприще экономические и национальные группы. Некоторые эксперты также отмечают влияние клиентов на процессы элитообразования в регионе, подчеркивая, что неформальные сети, образованные по персональному принципу, по-прежнему сохраняют свою значимость как на уровне отдельных политических институтов, так и в масштабах всей политической системы.

Активность в социально-экономической сфере, связанная с принятием решений, направленных на регулирование целого комплекса вопросов, — еще один функциональный сегмент в деятельности региональных групп интересов. Экспертные оценки в этом отношении не отличаются однозначностью, которая была присуща двум предыдущим сюжетам, но тем не менее количество формулировок дает возможность рассматривать эти сферы региональной политики также в качестве приоритетных с точки зрения групп интересов. Высокие показатели активности позволяют сделать вывод не столько о социальной и экономической ответственности групп интересов, сколько об их развитой политической субъектности в масштабах региона. При этом, обобщая оценки экспертов, можно отметить, что в лоббировании своих социально-экономических интересов задействованы фактически все групповые субъекты, но результативность такого участия напрямую зависит от ресурсного потенциала групп.

Отдельным сегментом региональной политики, на который, по мнению экспертов, оказывают влияние группы интересов, выступают национальные и культурные вопросы. Значимость этой сферы отметили семь респондентов. По их мнению, активность в этом направлении проявляют, как правило, национальные и этнические группы и ассоциации, а также группы гражданских интересов. Некоторые эксперты (представители региональных общественных организаций) подчеркивали, что коммуникации с органами власти по данным вопросам не всегда проходят гладко и по единому сценарию, но они используют все имеющиеся у них возможности и ресурсы для проведения этой работы.

Отдельно экспертам был задан вопрос о том, какие инструменты и методы сегодня используются группами интересов для влияния на региональный политический процесс.

Анализ ответов респондентов по линии методов позволил четко зафиксировать приверженность неформальным практикам. 16 из 20 опрошенных экспертов отметили, что группы интересов для достижения своих целей используют личные связи, неформальные контакты, идут на подкуп, заключают негласные сделки и соглашения и так далее. На этом фоне только 9 экспертов указали в своих ответах формальные методы, связанные с представительством групп интересов в государственных и партийных структурах или использованием информационных ресурсов для популяризации своей деятельности. При этом неформальные инструменты и методы чаще всего указывали в своих ответах эксперты, представляющие бизнес-сообщество и государственные структуры. Эксперты из общественных организаций и научной сферы, напротив, отмечали в первую очередь представительские практики групп интересов и важность использования средств массовой информации как инструмента и канала коммуникации власти и общества. Такое положение свидетельствует не о разных подходах к функционированию групповых субъектов на уровне региона, а скорее о разном ресурсном потенциале групп, разных целевых ориентирах их деятельности, а также о различном уровне информированности экспертов.

В оценке целей и мотивов политического участия групп интересов эксперты проявили единодушие. Все респонденты отметили, что группы интересов стре-

маться оказать влияние или давление на власть, посредством этого реализуя свои интересы, которые, как подчеркивалось в ряде ответов, зачастую идут вразрез с общественными запросами и потребностями. При этом многие группы интересов не рассматриваются экспертами в качестве самостоятельных субъектов (различные примеры приводил почти каждый третий респондент). В целом в рейтинге несамостоятельности лидирующие позиции прочно удерживают различные гражданские ассоциации, которые призваны защищать интересы тех или иных социальных и профессиональных групп. По мнению экспертов, они активно используются властью в различных политических проектах, формально вовлекаются в процессы принятия административных и законодательных решений.

Специфика политического влияния групп интересов в основном рассматривалась экспертами посредством их сопоставления с политическими партиями. В этом случае в числе главных отличий назывались отсутствие у групп интересов стремления к захвату власти, ориентация на оказание влияния на государственные структуры, эффективная интеграция в процессы принятия решений. В современной России, по мнению респондентов, существующая в обществе система потребностей и интересов практически не коррелирует с теми интересами, которые выражают групповые субъекты и ассоциации. Такой разрыв пагубно отражается не только на политической структуре, которая теряет динамизм и социальные контакты, но и на обществе в целом, подавляющее большинство групп и слоев которого не имеет возможности эффективно участвовать в политическом процессе.

Многие респонденты отмечали также, что на определенный уровень политического влияния могут рассчитывать лишь группы интересов, обладающие достаточным объемом административных и экономических ресурсов. Этот тезис наглядно подтверждается экспертными оценками уровня взаимодействия различных групп интересов, действующих в Саратовской области, при принятии политических решений. Как показал анализ, многие групповые субъекты фактически не интегрированы в процессы принятия решений, не будучи, по мнению экспертов, вовлеченными в разветвленную сеть существующих в этой сфере коммуникаций. В таком положении, в частности, находятся некоммерческие организации (НКО), профсоюзы, отчасти этнические и конфессиональные группы, клиентелы, а также партийные фракции.

Наиболее устойчивые альянсы групповых субъектов при принятии решений, по мнению большинства экспертов, выглядят следующим образом:

региональные ассоциации бизнеса + финансово-промышленные группы и экономические корпорации;

государственная бюрократия + региональные ассоциации бизнеса;

государственная бюрократия + финансово-промышленные группы и экономические корпорации;

депутатский корпус + муниципальные группы. Некоторые эксперты указывали на коммуникативные пары: депутатский корпус – партийные фракции и государственная бюрократия – этнические и конфессиональные группы, однако в общей массе ответов они имеют незначительный вес (соответственно 2 и 3 эксперта отметили эти позиции).

Сложившаяся картина дает основание делать вывод о высоком уровне институционализации процесса принятия решений на региональном уровне власти. Эффективное участие в нем могут принять только группы интересов, образованные на базе или в рамках существующих институтов, или организационно оформленные ассоциативные образования, специально созданные для этих целей. Таковы объективные тенденции в условиях дефицита демократических практик и механизмов как в масштабах региона, так и России в целом. Имеющийся дефицит ресурсов в сочетании с общей ресурсоемкостью процесса принятия решений не способствует активности гражданских групп интересов, откладывая вместе с этим перспективы модернизации отечественной политической системы.

О высоком уровне институционализации процесса принятия решений на региональном уровне свидетельствует и структура базовых конфликтов, связанная с выработкой и согласованием ключевых политических решений. К числу таковых большинство экспертов относят конфликты государственной бюрократии и депутатского корпуса, государственной бюрократии и партийных фракций, государственной бюрократии и муниципальных групп.

В заключение экспертам предлагалось оценить: участие групп интересов в процессе принятия политических решений на региональном уровне – скорее позитивный или негативный фактор? По данному вопросу мнения респондентов распределились практически поровну: 8 человек отметили позитивный характер этой практики, 10 – негативный. Еще два эксперта затруднились с ответом, усматривая как положительные, так и отрицательные тенденции. В качестве аргументов одни чаще приводили возможность за счет нее обеспечить реализацию максимально широкого круга общественных интересов, обогатив тем самым функциональные и коммуникативные компоненты политической системы, повысив результативность разворачивающихся в ее рамках процессов, улучшив тем самым рейтинг ее демократичности. Другие эксперты в своих ответах подчеркивали ограниченность рамок функционирования групп интересов в отечественной политической системе, что в целом практически не отражается на показателях уровня ее эффективности и результативности. Некоторые респонденты отмечали, что высокое представительство субъектов можно рассматривать в качестве позитивного фактора лишь на этапе согласования общих параметров и формата будущих решений, тогда как в дальнейшем, на стадиях его подготовки, принятия и реализации – это скорее негативный компонент, расшатывающий весь механизм, вносящий в процесс его функционирования весомый элемент неопределенности.

Экспертные оценки дают возможность сделать вывод о преимущественно традиционном восприятии процесса принятия решений на региональном уровне, первую скрипку в котором играют государственные институты, по проверенным каналам и через доверенных лиц получающие информацию о приоритетных проблемах, нуждающихся в административном или законодательном регулировании. Такая традиционность ставит под сомнение не только функциональность групп интересов в региональном политическом процессе, но

и перспективы модернизации политических институтов и практик на современном этапе развития отечественной политической системы.

Размышляя о том, какие мероприятия будут способствовать повышению уровня и качества участия групп интересов в процессах принятия решений, большинство экспертов сошлось во мнении, что базовым фактором выступит демократизация всей политической системы, причем не на нормативном, а на процессуальном уровне. При этом весомая доля респондентов (8 человек) считает, что демократизация отечественных политических институтов и практик никак не связана с результативным участием групп интересов в политическом процессе на федеральном и региональном уровне власти. Главным сдерживающим фактором, по их мнению, выступает комплекс социокультурных и политических традиций, на современном этапе по-прежнему выступающих фундаментом политической системы. Именно они даже в условиях масштабных демократических преобразований будут ограничивать политическую субъектность групп интересов.

Таким образом, результаты экспертного интервью позволили определить формат и особенности участия групп интересов в процессах принятия решений на региональном уровне.

Группы интересов в целом можно рассматривать в качестве активных субъектов регионального политического процесса, интегрированных в систему принятия решений. Однако большинство из них не имеют возможности эффективно реализовать свою политическую субъектность в условиях недостаточной демократичности политических институтов и практик, высокой институционализации политического процесса и низкой обеспеченности ресурсами большинства групп интересов. В роли формальных субъектов, не обладающих самостоятельностью, в частности, выступают группы интересов, агрегирующих совокупность гражданских потребностей и инициатив, этнические и конфессиональные группы, профессиональные группировки, а также клиентелы. Вне конкуренции, напротив, остаются группировки и ассоциации бизнеса, а также группы интересов, образованные на базе государственных институтов.

Структурно оформившись в таком формате, группы интересов в основном ориентированы на традиционные для себя сферы региональной политики, связанные с распределением бюджетных средств, рекрутированием элитных групп, решением комплекса социально-экономических вопросов и проблем. При этом в качестве методов используются главным образом неформальные инструменты и механизмы, что позволяет делать вывод о кулуарности современной практики функционирования групп интересов, скрытости от общества ее основных практик.

Библиографический список

1. *Меньшенина Н.К.* Становление лоббизма в политическом процессе современной России // Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2004.
2. *Половнева Л.С.* Функционирование объединений предпринимателей в политической системе России // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 3.
3. Политическое будущее России: взгляд из региона. Саратов, 2007. С. 19–47.

K.A. Spiridonova
Formation of the Rental Market
as a Way of Solving the Housing
Problem in Russia

The problem of providing citizens with housing is actualized. Project proposals for the development of the housing rent institution are formulated.

Key words and word-combinations: housing market, housing rent, development program.

Актуализирована проблема обеспечения граждан жильем. Сформулированы проектные предложения по развитию института аренды жилья.

Ключевые слова и словосочетания: рынок жилья, аренда жилья, программа развития.

УДК 332.8:351
ББК 65.441+67.401.11

К.А. Спиридонова

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ

Жилищный рынок представляет собой целостный управляемый объект, включающий в себя: рынок жилищных и коммунальных услуг, рынок строительства жилья, вторичные рынки жилья (розничный и оптовый), рынок найма (аренды) жилья, ипотечный рынок. Государственная политика в сфере жилья должна исходить из учета взаимных связей этих рынков, иначе возможны нежелательные экономические эффекты от принятия, казалось бы, целесообразных мер.

В настоящее время государственная жилищная политика России отдает приоритет развитию жилищного фонда, находящегося в собственности проживающих граждан, а также малоэтажному жилищному строительству. Однако сегодня должна идти речь о формировании государственной жилищной политики, обеспечивающей функционирование комплексной системы финансирования и направленной на обеспечение жильем всех категорий граждан независимо от их доходов.

К сожалению, в настоящее время остается нерешенной жилищная проблема для тех граждан, уровень доходов которых не позволяет отнести их к категории малоимущих, но его не достаточно, чтобы улучшить жилищные условия путем приобретения жилья в собственность самостоятельно или с помощью ипотечного кредита. С нашей точки зрения, в данной ситуации для многих категорий граждан (военные, врачи, учителя, со-

трудники банков, молодые семьи, трудовые мигранты, командировочные) предоставление арендного жилья может стать альтернативой длительному накоплению средств на приобретение жилья, позволяя быстро вселиться в квартиру, отвечающую современным требованиям.

Наличие большого выбора арендного жилья позволит снизить спрос, а соответственно и цены на жилье, приобретаемое в собственность. Развитие рынка арендного жилья позволит оживить инвестиционную активность в реальном секторе экономики, способствовать его интеграции с финансовыми институтами, обеспечит переход имущества в руки наиболее эффективного собственника. Для кредитных организаций и банков такое жилье является перспективной сферой долгосрочных инвестиций.

Как представляется, наилучший сценарий развития рынка арендного жилья может быть реализован в крупном городе, привлекательном для мигрантов, лояльном к инновациям, отличающемся высокими ценами на жилье, имеющем все виды бизнеса, родственного арендному.

Доходные дома в мегаполисе как новая форма предоставления жилищных и коммунальных услуг и развития жилищной сферы являются весьма перспективным направлением. При этом новая услуга может работать в двух вариантах решения жилищной проблемы: во-первых, для представителей среднего класса, а во-вторых, для деловых партнеров мегаполиса из регионов России и других стран, которые связали свой бизнес с конкретным регионом или городом. В первом случае доходный дом может стать постоянным местом жительства на период от 1 года до 15 лет и более, во втором, учитывая ограниченное предложение бизнес-гостиниц с европейским уровнем качества сервиса и доступными ценами, – временным, но долгосрочным комфортным местом проживания деловых людей. При этом в обоих случаях доходные дома станут цивилизованным способом решения жилищной проблемы, а также позволят пополнять бюджет мегаполиса.

Исходя из актуальности арендного жилья как инновационной формы развития жилищного комплекса, рассмотрим подробнее проблемы и перспективы развития доходных домов в современных российских условиях.

Согласно общепринятому определению, доходным называется дом, в котором все жилые помещения предоставляются во временное владение или пользование на основании договоров аренды и коммерческого найма [1, с. 21]. В этом определении, по нашему мнению, упускается из виду еще одно неотъемлемое свойство доходного дома – предназначение приносить доход его владельцу.

Для России идея строительства доходных домов не нова. Первые такие дома появились еще в XVIII в., основной пик их строительства пришелся на XIX столетие. Большие строения «под жильцов» возводили состоятельные люди, сдавая жилье нуждающимся. Особенно преуспел в этом отношении Санкт-Петербург, который развивался в основном как город доходных домов. Доходные дома приносили их владельцам хорошие деньги, так как жилье в них пользовалось большим спросом. В доходных домах жили не только (и не столько) бедняки, но и вполне платежеспособные обитатели. Жить в доходном доме было выгодно, так как не нужно было платить налог на жилье и тратить деньги на его

содержание. Большинство этих зданий до сих пор как памятники архитектуры сохранились в Санкт-Петербурге, Москве, Саратове.

О строительстве доходных домов в современной России заговорили еще в 1999 г. Однако существовавшее тогда законодательство позволяло арендаторам квартир в доходном доме их приватизировать. В связи с этим был принят ряд законопроектов, вводящих понятие коммерческого найма жилья и запрещающих его приватизацию в случае коммерческого найма. Так, Федеральный закон от 15 мая 2001 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ и Закон Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [2] узаконил необходимые поправки.

Имеющаяся в настоящее время законодательная база в отношении сегмента доходных домов несовершенна. Показательно, что в действующем законодательстве отсутствует само понятие «доходный дом», фактически отсутствует правовое регулирование отношений в данной сфере, и, как следствие, отсутствует сама основа для разработки мер государственной поддержки данного направления решения жилищной проблемы.

Первый современный доходный дом был построен в 2003 г. в Москве в Большом Николоворобинском переулке (дом № 10). Проект строительства реализован Департаментом инвестиционных программ строительства города Москвы (ДИПС); управление домом осуществляет ГУП «Мосжилкомплекс». Данный дом относится к категории элитной недвижимости. Стоимость проекта составила 12,3 млн долларов. В доме 47 квартир: 6 двухкомнатных, 19 трехкомнатных, 21 четырехкомнатная и одна семикомнатная двухуровневая квартира площадью 300 кв. м. Арендная плата составляет от 3 до 12 тыс. долларов в месяц.

В качестве примера строительства арендного жилья экономкласса можно привести опыт Чувашии, где реализован «пилотный» проект по возведению жилых доходных домов для социального и коммерческого найма. Снять квартиру в государственном жилищном фонде могут учителя, врачи, нянечки и воспитатели детских садов, библиотекари, пенсионеры, молодые семьи – для очередников стоимость аренды составляет всего 35 рублей за квадратный метр. Арендный платеж за двухкомнатную квартиру составляет меньше двух тысяч рублей в месяц (плюс коммунальные услуги), за трехкомнатную – чуть больше двух с половиной тысяч рублей без коммунальных платежей. Расценки на коммерческий найм более высокие, поскольку в таком случае субъект не компенсирует часть арендного платежа. Однокомнатная квартира в новом доме, с мебелью, ремонтом, сантехникой обходится в 5–7 тыс. рублей в месяц, двухкомнатная – в 7–10 тыс. рублей в месяц [3].

Подчеркнем, что в приведенных случаях речь идет о государственном или муниципальном арендном жилье. Для частных инвесторов проекты строительства доходных домов не представляют интереса из-за длительного срока возврата инвестиций: 7–12 лет в бизнес- и премиум-классе, более 20 лет в эконом-классе. Частных застройщиков, в памяти которых свежи всевозможные экономические потрясения, это не устраивает, они не хотят рисковать, замораживая деньги на длительный срок. К тому же строить доходные дома невыгодно с точки зрения налогового обременения. Кроме налога на добавленную стои-

мость, сдача жилья в наем облагается налогом на прибыль. В первую очередь по этой причине доходные дома не смогут конкурировать с жильем физических лиц, сдаваемым в аренду. Кроме того, бизнес доходных домов – очень сложное хозяйство, сравнимое с гостиничным, требующее от инвесторов детальной проработки дополнительных услуг и обеспечивающих процессов. Для реализации такого проекта потребуется сильная и опытная управляющая компания.

В связи с этим часть аналитиков полагают, что в настоящее время в России нет условий для массового появления доходных домов. Общемировые тенденции свидетельствуют о «существенном сокращении доли рыночной аренды» [4], поэтому развитие доходных домов в нашей стране не приведет к какому-либо существенному решению жилищного вопроса. Тем не менее анализ зарубежного опыта развития рынка арендного жилья показал, что в США доля арендного жилья на протяжении последних десяти лет колеблется в пределах 30–32% от всего жилого фонда. Аналогичная ситуация сложилась и в Великобритании, где за последние десять лет доля рынка арендного жилья не опускалась ниже 28%, а в последние три года, в связи с экономическим кризисом и, как следствие, ростом сектора коммерческого найма, доля рынка арендного жилья увеличилась еще на 3%.

По-нашему мнению, возрождение строительства доходных домов – свободная ниша на российском рынке недвижимости, и для инвесторов такие проекты являются весьма успешным вложением денег, приносящим стабильный доход. Доходные дома могут оказаться реальным инструментом для привлечения в регионы квалифицированных специалистов, а также способом сокращения очередей на улучшение жилищных условий. Кроме того, появление доходных домов способно благотворно повлиять на рынок наемного жилья в целом, выведя его из «тени» хотя бы частично и введя понятные правила взаимоотношений арендаторов и арендодателей.

Очевидно, что для создания полноценного рынка арендного жилья необходимо изменение федеральной политики. Эти изменения должны быть направлены, с одной стороны, на стимулирование бизнеса, осуществляющего строительство и эксплуатацию доходных домов, а с другой – на поддержание арендаторов – жителей этих домов.

В развитых странах государство участвует в рынке аренды: регулирует арендную плату (Чехия, США); субсидирует малоимущих или предоставляет им в аренду социальное жилье (США, Австралия); субсидирует арендодателей, предоставляющих жилье малоимущим; регулирует развитие рынка аренды фискальными методами; привлекает общественные организации для управления арендуемым социальным жильем (Канада, Великобритания); выделяет на льготных условиях земельные участки под строительство жилых многоквартирных домов для социальной и коммерческой аренды (Китай, Бразилия); субсидирует строительство жилья для социального найма (Канада, Китай); организует фонды финансирования строительства и сдачи жилья в наем (Бразилия, США). Многие из этих государственных мер могут и должны быть применены и в России.

Для того чтобы идея массового строительства арендного жилья воплотилась в реальность, необходимо несколько расширить линейку инструментов для за-

стройщиков, управляющих компаний, банков, субъектов РФ; внести изменения в Земельный и Жилищный кодексы РФ; проработать вопрос налоговых льгот и преференций, стимулирующих застройщиков и компании по ведению этого бизнеса. Уже сейчас, не дожидаясь этих изменений, в рамках существующих в каждом субъекте региональных программ жилищного строительства можно активно развивать строительство доходных домов с помощью механизмов государственно-частного партнерства.

Очевидна необходимость не только определенных требований (условий) со стороны государства, создающих гарантии от злоупотреблений недобросовестных участников, но и разнообразных мер государственного стимулирования (поддержки) данного направления. В качестве требований государством могут быть определены условия, выдвигаемые при проведении торгов по продаже земельных участков, или права на заключение договора аренды земельных участков в целях строительства доходных домов. В частности, земельные участки, выставляемые на торги, должны объединять в себе площадки для строительства доходных домов как эконом-, так и бизнес-класса; они должны выставляться на торги с условием, что застройщик (инвестор) обязан определенный процент от общей площади построенных квадратных метров доходных домов предоставить в наем (без перехода права собственности) установленным категориям граждан, в том числе состоящим на жилищном учете, с предоставлением последним компенсации для оплаты найма жилья застройщику (инвестору) [5].

Меры государственного стимулирования могут быть следующими:

- введение приоритетного порядка рассмотрения органами исполнительной власти вопросов, связанных с реализацией проектов строительства доходных домов;
- обеспечение проведения торгов по предоставлению земельных участков в аренду в целях строительства доходных домов;
- введение льготной ставки арендной платы за земельный участок, предоставленный для строительства доходного дома, на период строительства и на определенный период после ввода в эксплуатацию;
- разработка системы стимулов для заинтересованного участия коммерческих структур в формировании цивилизованного рынка арендного жилья в части предоставления налоговых льгот и преференций для юридических и физических лиц при создании, приобретении и эксплуатации арендного жилья, а также снятия или предоставления рассрочки в оплате инфраструктурных обременений при строительстве доходных арендных домов;
- обустройство инженерной и транспортной инфраструктурой земельных участков под строительство доходных домов экономического класса и предназначенных для социального найма за счет бюджетов органов местного самоуправления и / или средств инфраструктурных концессий;
- в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности, с целью создания заинтересованности со стороны их собственников в использовании таких земельных участков для строительства доходных домов, требуются дополнительные меры государственной поддержки – создать механизм по выдаче в приоритетном порядке необходимых исходных и разрешительных докумен-

тов на проектирование и строительство доходных домов, разработать регламент по рассмотрению в упрощенном порядке заявлений собственников земельных участков об изменении видов разрешенного использования, в том числе заявлений о внесении изменений в правила землепользования и застройки, иную градостроительную документацию, заявлений о выдаче технических условий на подключение к инженерно-техническим коммуникациям и прочих заявлений;

– пропаганда пользования жильем на правах долгосрочного найма среди жителей России и содействие формированию ассоциаций наймодателей.

В современных условиях государство в большей степени, чем бизнес, заинтересовано в развитии рынка арендного жилья, в связи с чем оно может инициировать формирование различных форм государственно-частного партнерства в этой сфере. Вариантом успешного партнерства государства и частного бизнеса может стать развитие закрытых паевых инвестиционных фондов (ЗПИФ) недвижимости. Эта правовая конструкция позволяет на рынке арендного жилья выступать государству или муниципалитету участником ЗПИФ недвижимости. Такой участник может вносить земельный участок и денежные средства в ЗПИФ под последующую застройку (при этом он является равноправным пайщиком в фонде, имеет дальнейшую возможность получения прибыли от аренды жилья, которое будет строиться) и при последующей продаже, которая неизбежна, потому что фонды в России создаются на срок не более 15 лет, получить деньги от реализации этого объекта коммерческой аренды. Прибыль фиксируется на момент закрытия фонда или на момент выхода любого пайщика из фонда. Этот механизм достаточно привлекателен и для частного инвестора. В течение всего срока проекта обеспечен надежный поток арендных и коммунальных платежей, обеспечивающий функционирование арендного комплекса и выплату дохода пайщикам.

Закрытый паевой инвестиционный фонд – реальный, причем один из многих, механизм законодательных отсрочек и льгот по налогу на прибыль. Закон об инвестиционных фондах подразумевает, что прибыль, которая получена в рамках инвестиционного фонда, может реинвестироваться, при этом она освобождена от налога на прибыль. На эти деньги можно как содержать «проперти менеджмент», так и строить новые доходные дома [6].

Благодаря государственно-частному партнерству у государства и муниципалитетов появится дополнительная возможность реализовать социальные жилищные программы за счет государственных (муниципальных) конкурсов на строительство и эксплуатацию доходных домов для целей сдачи их на определенный период в социальный найм. Актуальная задача городского самоуправления – проявить инициативу, форсировать развитие рынка с учетом своих полномочий, создавая необходимые условия для формирования предложения арендного жилья в рамках существующей институциональной среды.

Таким образом, строительство доходных домов должно стать стратегическим направлением жилищной политики России на ближайшие годы при решении проблемы доступности жилья.

В условиях жесткого административного контроля над жилищной сферой признание органами власти арендного рынка как института, безусловно, будет способствовать повышению привлекательности арендного бизнеса. Сегодня, когда

рынок коммерческой недвижимости близок к насыщению, а девелоперы начинают рассматривать альтернативные направления инвестирования, органам власти необходимо продемонстрировать готовность к сотрудничеству в рамках реализации арендных проектов. Приоритет должен отдаваться мерам по созданию благоприятной институциональной среды. При этом важно соблюдение баланса между защитой интересов квартиросъемщиков, с одной стороны, и повышением (сохранением) привлекательности арендного бизнеса, желаемым качественным и количественным развитием предложения – с другой.

Библиографический список

1. Ноздрина Н.Н., Тореев В.Б., Шнейдерман И.М. Доходные дома: старый миф или реальный способ решения жилищной проблемы? // Экономика мегаполисов и регионов. 2008. № 1. С. 20–29.
2. Говердовский Ю. Арендное жилье: возвращение в прошлое // Парлам. газ. 2011. № 33.
3. Пузанов А.С. Жилищная политика в России – мифы, заблуждения и реальность // Имущественные отношения в РФ. 2006. № 10.
4. Доходные дома: государство и бизнес в поисках компромисса // Риэлто.ру. 2011. URL: <http://www.realto.ru/journal/recomm/show/?id=23773>
5. Об инвестиционных фондах: Федер. закон от 29 нояб. 2001 г. № 156-ФЗ (в ред. от 4 окт. 2010 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

L.I. Rusanova
Public-Private Partnership
and Private Organizations:
Trends and Practice

The Phenomenon of public-private partnership in conditions of transforming society is studied. Public functions performed by private organizations are revealed.

Key words and word-combinations: public-private partnership, non-governmental organizations, provision of public services.

Исследуется феномен публично-частного партнерства в условиях трансформирующегося общества. Раскрываются публичные функции, выполняемые частными организациями.

Ключевые слова и словосочетания: публично-частное партнерство, неправительственные организации, оказание услуг населению.

УДК 658.114(497.2)
ББК 65.290(4Бол)

Л.И. Русанова

ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЧАСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКА

Тема публично-частного партнерства стала особенно актуальной для постсоциалистических стран современной Европы, которым необходимо соответствовать экономическим и социальным стандартам, принятым в Европейском Союзе. Для этого требуется достичь более высокого качества публичных услуг и обеспечить прозрачность процедур и контроля над публичными расходами.

Публично-частное партнерство выступает механизмом достижения заранее определенной цели, имеющей установленные количе-

ственные и качественные параметры. Оно может анализироваться как долгосрочное договорное соглашение, по которому возможности, активы, риски и прибыли, связанные с созданием и обновлением публичной инфраструктуры, делятся между публичным и частным сектором. Есть основание ожидать, что путем публично-частного партнерства будет достигнуто хорошее соотношение между устойчивым результатом и средствами, вложенными в осуществление публичной услуги [1, с. 1].

В публично-частном партнерстве участвуют несколько сторон. Внимание специалистов, как правило, привлекают государственные и общественные структуры. На наш взгляд, представляется интересным проанализировать тенденции публично-частного партнерства с позиций частных организаций. Именно поэтому объектом исследования является существующая практика партнерства между а) неправительственными (частными) организациями и государствам и б) неправительственными (частными) организациями и общиной.

Неправительственным организациям принадлежит особая роль в публично-частном партнерстве. Ученые предлагают критерии разграничения неправительственных организаций от публичного и частного сектора [2, с. 21–44], определяют место и роль неправительственных организаций как посредников между государством и рынком [3, с. 211–213]. Чаще всего они сходятся во мнении, что распространение неправительственных организаций в мире связано с «правительственным провалом» во многих странах при предоставлении публичных благ государственными структурами. В итоге неправительственные организации не только утвердили за собой особое место в современных экономиках, но и способствовали обособлению гражданской инфраструктуры, а также стимулировали «правильное» развитие рынков и политических институций.

Для раскрытия наших позиций важно понимать, что развитие частного сектора в Болгарии ограничивается рамками, установленными государством и общинами. При этом, с нашей точки зрения, тесное взаимодействие частных организаций и государства, частных организаций и общин может привести к повышению качества публичных услуг, обеспечить более высокую эффективность расходов и общественного контроля за ними. Доказательство этих основных тезисов базируется на теоретическом обзоре и исследованиях, посвященных рассматриваемой проблеме.

Публично-частное партнерство – форма сотрудничества между государством (общинами) с одной стороны и частными организациями с другой. Публичные услуги оказываются представителями и публичного, и частного сектора, в силу чего между участниками складываются достаточно сложные взаимоотношения, подразумевающие не только конкуренцию, но и взаимозависимость и взаимодополнение. В своем взаимодействии обе стороны совместно несут ответственность и подвергаются рискам, связанным с реализацией общественно необходимых услуг. Концепция публично-частного партнерства базируется на понимании того, что распределение рисков при реализации проектов между публичным и частным секторами приводит к более эффективному использованию публичных средств и повышению качества оказываемых публичных услуг.

По понятным причинам публично-частное партнерство не может быть анализировано как одно целое. Специалистами выделяются различные виды пуб-

лично-частного партнерства, отдельными примерами которого выступают традиционные заказы в общественном секторе на проектирование; строительство и эксплуатация объектов; трансфер и концессия.

В Болгарии нет специализированного законодательства для публично-частного партнерства. В общих чертах его правовая регламентация осуществляется Законом об общественных поручениях [3, с. 2]. Под общественными поручениями понимается экономический инструмент управления, который регулирует взаимоотношения между публичным и частым сектором при выполнении действий общественного значения. Как рыночный механизм, общественные поручения призваны удовлетворить нужды демократического общества в публичности, прозрачности, свободной и лояльной конкуренции, равноправии и недопущении дискриминации. Отдельные аспекты публично-частного партнерства регламентированы в некоторых общих законах или же в отдельных пунктах конкретных действующих законов. В то же время в ряде европейских стран публично-частное партнерство – не только объект специального законодательства, но и устоявшаяся практика. Как представляется, создание соответствующей правовой базы будет способствовать развитию публично-частного партнерства в качестве инновационного инструмента, предназначенного для улучшения публичной инфраструктуры.

Разнообразие нормативных документов, регламентирующих каждую из форм неправительственного сектора и различные условия (экономические, политические, социальные), в которых функционируют подобные организации, не только формирует различия в их поведении, но и обуславливает специфичные модели их взаимодействия с государственным и частным сектором. Например, рыночная активность неправительственных организаций является доказательством их присоединения к частному сектору [4, с. 211–213]. С другой стороны, в ряде европейских стран неправительственные организации загружены выполнением типично государственных функций и рассчитывают на государственное финансирование.

Осмысление практик взаимодействия неправительственных организаций (НПО) с государством и общинами представлено в табл. 1 и 2.

Таблица 1

**Публично-частное партнерство
неправительственных организаций и государства**

Виды партнерства	Основные элементы	Примечания	Сильные стороны	Слабые стороны
Институциональное партнерство	Создание совместных структур, в которых принимают участие представители публичных институций и представители НПО	В зависимости от целей и обязательств участия в НПО партнерство предусматривает: – обязательное участие НПО в постоянных государственных органах; – создание временных структур для решения конкретных проблем	Участие НПО может способствовать более эффективному решению этого вопроса	Возможность участия представителей, обслуживающих политические интересы

Окончание табл. 1

Виды партнерства	Основные элементы	Примечания	Сильные стороны	Слабые стороны
Деинституциональное партнерство	НПО участвуют в подготовке и разработке решения или политики в определенной области	Государственные органы могут осуществлять опрос или консультироваться с НПО по проблеме, имеющей общественное значение	Участие НПО может оказать помощь в формулировании более эффективного решения, имеющего общественное значение	Консультация или опрос НПО не носит обязательный характер, а зависит в целом от воли соответствующего государственного органа
Договоренность между сторонами	В соответствии с договором НПО получают права и обязанности, выполняет действия, попадающие в сферу компетенции государства	Заказчик предоставляет финансовую помощь исполнителю в форме субсидий, а исполнитель обязан исполнить заказ и гарантировать его качество	НПО могут реализовать расходы эффективное управление. Гарантируется более высокое качество деятельности	Осуществление этого партнерства не исключает возможности возникновения конфликтов интересов

Таблица 2

**Публично-частное партнерство
неправительственных организаций
и общины**

Виды партнерства	Основные элементы	Примечания	Сильные стороны	Слабые стороны
Основанное на договоре или взаимопонимании	Община в качестве юридического лица имеет право заключать договора с НПО	1. Заключение договора о совместном осуществлении определенной деятельности. 2. Заключение меморандума об оказании поддержки	Партнерство основано на добровольности и равноправии. Достигается высокое качество осуществленных проектов	Возможность возникновения конфликта интересов
Основанное на финансировании проектов НПО из бюджетов общин	Конкурентная процедура, бенефициаром которой является местная НПО, для реализации деятельности в интересах местной общественности	Проекты со значительными финансовыми вложениями, позволяющие принять инновационные для местного развития решения	НПО могут реализовать расходы эффективные решения в течение всего жизненного цикла проекта	Сложная и длительная процедура, связанная с конфликтом интересов на каждом этапе

Виды партнерства	Основные элементы	Примечания	Сильные стороны	Слабые стороны
Связанное с созданием или участием НПО в общественных советах	Создание структур ориентированных на общественно-полезную деятельность	1. Создание общественных советов. 2. Создание региональных содружеств общин. 3. Создание местных инициативных групп	Содействует более эффективному использованию европейских финансовых средств, устойчивому решению местных проблем	Общественные советы не регламентируются законом; местные инициативные группы могут злоупотребить европейскими средствами

Представленные модели партнерства позволяют сделать ряд выводов:

1. Механизмы публично-частного партнерства при взаимоотношениях «НПО – государство» и «НПО – местная власть» приводят к неоднозначным результатам. Тем не менее они свидетельствуют о большом потенциале неправительственных организаций в решении важных общественных проблем, улучшении качества предлагаемых публичных услуг и формирования публичной политики.

2. Существующие практики взаимодействия свидетельствуют о наличии серьезных рисков независимости неправительственного сектора.

3. Используя преимущества публично-частного партнерства в области минимизации рисков и максимизации пользы, болгарские политические и государственные структуры учреждают неправительственные организации, целью которых является освоение средств финансовых фондов ЕС.

4. Действующее национальное законодательство превращает неправительственные организации в механизм «освоения» фондов, а не в инструмент защиты и проведения политики в интересах граждан.

В заключение еще раз подчеркнем, что публично-частное партнерство способствует успешному решению важных проблем и позволяет использовать инновационные подходы в сфере предоставления публичных благ. Разделение риска между различными участниками и реализация экономической выгоды при низких расходах имеют решающее значение для успешного использования и развития различных форм взаимодействия между публичным и неправительственным секторами. Опыт Болгарии показывает, что необходимо формировать и проводить адекватную политику в развитии самого «третьего» сектора, а также устанавливать прозрачные механизмы партнерства. Один из возможных способов связан с устранением причин конфликта интересов, созданием преград возможностям политического захвата и недопущением зависимости неправительственных организаций.

Библиографический список

1. Green Paper on Public Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions / European Commission, April 2004. Brussels, 2004.
2. Anheier H.K., Seibel W. The Third Sector: Comparative Studies of Nonprofit Organizations. Berlin; N.Y., 1990.
3. Обществени поръчки: сборник от нормативни актове. София, 2009.
4. Weisbrod B.A. Toward a Theory of the Voluntary Sector in a Three-Sector Economy. N.Y., 1986.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

I.V. Lobanov
The Constitutional-Legal
Category “Interaction
between Authorities”:
Application to the Russian
Federal State

The constitutional-legal category of “interaction between authorities” is analyzed. Various forms of such interaction that differ in their objectives, membership, directions, forms, and methods are shown.

Key words and word-combinations: federal system, authorities, interaction between authorities.

Анализируется конституционно-правовая категория «взаимодействие между органами власти». Показаны различные формы такого взаимодействия, которые различаются по целям, составу участников, направлениям, формам и методам.

Ключевые слова и словосочетания: федеративное устройство, органы власти, взаимодействие между органами власти.

УДК 342.4(470)
ББК 67.400.2(2Рос)

И.В. Лобанов

КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ»: ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В Российском федеративном государстве реализуется совместная деятельность органов центральной и региональной власти для достижения общей цели. Будучи урегулированной нормами права, эта деятельность приобретает качество правовой категории «взаимодействие».

В юридической науке имеются различные подходы к исследованию взаимодействия органов власти. Н.В. Симонова рассматривает его как связь и как процесс. Взаимодействие как связь между различными органами публичной власти характеризуется одновременным и взаимообусловленным изменением состояния двух или большего числа органов в процессе обмена информацией. В то же время взаимодействие органов публичной

власти на территории субъекта Федерации анализируется как процесс, направленный на установление закономерных связей между органами публичной власти на данной территории с целью выработки эффективного механизма совместных действий, необходимого для слаженного функционирования государства и населения [1, с. 16]. Такая связь носит как объективный, так и субъективный характер. К субъективным факторам взаимодействия органов публичной власти относится «наличие желания взаимодействовать; психологическую готовность к взаимодействию; способность к компромиссам в процессе взаимодействия; умение проникнуться интересами взаимодействующей стороны; готовность действовать ради достижения общей цели» [2, с. 28].

Взаимодействие между органами власти в федеративном государстве основано на принципе разделения властей, причем действующем как по горизонтали (разделение на законодательную, исполнительную и судебную власть), так и по вертикали (разделение между федеральными и региональными органами власти). При этом данный принцип не является схематичным, застывшим, раз и навсегда установленным. Наоборот, в сложном федеративном государстве он наделяется таким свойством, как динамичность, поскольку многообразие жизни диктует необходимость поддержания баланса не только между различными ветвями власти, но и между уровнями власти. В этой связи следует согласиться с Т.М. Пряхиной в том смысле, что «стерильная чистота» разделения властей является ненужной и до сих пор не воспринята ни одним государством. Между различными ветвями власти не может быть и не должно быть непроходимой преграды. Они должны иметь возможность взаимодействовать и контролировать друг друга в целях эффективного управления, а также с тем, чтобы не допустить опасной концентрации полномочий в руках одной из ветвей власти» [3, с. 75].

Существуют различные точки зрения на формы взаимодействия органов власти в Российской Федерации.

По мнению А.В. Безрукова, следует различать взаимодействие при активном Центре (законодательное определение федеративных отношений), паритетное сотрудничество (сотрудничество на равных основаниях), взаимодействие с активной ролью субъектов (участие в федеральном законодательном процессе). Взаимодействие также может быть общим, межотраслевым и отраслевым (в зависимости от органов, осуществляющих взаимодействие), прямым, косвенным и промежуточным (по степени непосредственности воздействия) [4, с. 18].

О.Ю. Бакаева и Е.В. Шилина называют такие формы взаимодействия, как поддержка, сотрудничество, координация усилий, совместная деятельность, взаимопроникновение [5, с. 25]. А.Г. Голубев [6, с. 25] и И.И. Гусенбеков [2, с. 15] выделяют контроль и координацию деятельности взаимодействующих субъектов.

К.А. Ишеков рассматривает следующие формы взаимодействия законодательных и исполнительных органов государственной власти регионального уровня: организационное взаимодействие, которое проявляется в возможности формирования иных органов власти; взаимодействие при осуществлении правотворче-

ства; взаимодействие в сфере государственного управления; осуществление взаимного контроля и применение мер конституционной и политической ответственности; взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти при разрешении споров между ними [7, с. 49–50]. Однако, как представляется, такая классификация взаимодействия органов власти в Российском федеративном государстве является неполной.

Исходя из современного состояния теоретической разработанности проблемы, считаем возможным предложить собственную классификацию.

Взяв за основу *цели взаимодействия* органов власти, можно выделить взаимодействие для достижения целей государства, **реализации миссии** самого органа власти. Отметим, что понятие «миссия» сейчас используется в основном для коммерческих и иных организаций. Но, как представляется, настало время определиться с миссией органов власти.

Миссия помогает направлять человеческие усилия в нужном для организации направлении. Она делает явными основные цели организации и, таким образом, обеспечивает всех членов организации информацией о целях компании и побуждает к совместной работе по достижению этих целей. Миссия гарантирует, что компания не будет преследовать противоречивые цели, и вселяет уверенность в том, что организация построена на основе ясных, совместимых целей и избегает ненужных трат и возможных конфликтов. Она служит объяснением распределения ресурсов организации (денежные, человеческие ресурсы, сырье, оборудование). В миссии организации содержатся общие руководящие принципы приобретения и распределения этих ресурсов. Миссия является основой для выработки организационных целей, потому что утверждение миссии выделяет общую основную цель организации и служит отправной точкой для установления долгосрочных и краткосрочных целей. Если такая согласованность отсутствует, то цели организации должны быть пересмотрены [8].

Цель современного Российского государства – благополучие и процветание человека и общества. Непосредственно связанная с этой высокой целью миссия органа власти во многом зависит от его назначения, смысла существования и роли в обществе и государстве.

Миссия позволяет разумно распределить усилия и ресурсы для обеспечения постоянной результативности органа власти. Это означает, что для определения миссии необходимо: идентифицировать систему, частью которой является орган власти (федеральной, региональной, местной), установить потребности населения в функционировании данного органа власти и только после этого определить предназначение (миссию) органа власти исходя из его роли в системе государственной власти по удовлетворению потребностей населения государства.

Именно наличие миссии, указанной в нормативном акте, регулирующем деятельность каждого органа власти, окажется ориентиром деятельности как самого органа, так и его сотрудников и граждан, которым предоставляются государственные услуги. Единой миссией всех органов власти в России является обеспечение прав и свобод человека и гражданина, как указано в ст. 18 Консти-

туции РФ. Конкретную же миссию, исходя из данной общей для всех органов власти миссии, каждый орган власти должен определить сам.

В зависимости от *состава участников взаимодействия* в России можно выделять взаимодействие:

- между вышестоящими и нижестоящими федеральными органами власти (об иерархии федеральных органов власти можно говорить применительно к исполнительным, судебным и контрольным органам власти, поскольку орган законодательной (представительной) власти один – Федеральное Собрание РФ; в сфере исполнительной власти структура органов власти определена Указом Президента РФ [9] и включает федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства);
- между федеральными и региональными органами власти;
- между органами власти федерального округа и субъектов Федерации;
- между органами государственной власти субъекта Федерации;
- между органами государственной власти и органами местного самоуправления;
- между органами публичной власти и общественными объединениями.

С учетом *направлений взаимодействия* между органами власти можно выделить взаимодействие: в сфере государственной безопасности и защиты суверенитета России; в области защиты прав человека; при проведении единой государственной политики в социальной сфере (здравоохранение, образование, социальная защита, культура, наука).

По *формам взаимодействия* различаются: контроль; сотрудничество; координация усилий; совместная деятельность.

По *методам взаимодействия*: диспозитивное и дискреционное. Особенность диспозитивного метода взаимодействия заключается в том, что основанием для возникновения взаимодействия является исключительно воля сторон (в частности, это характерно для гражданско-правовых отношений, где стороны действуют на основе принципов равноправия и свободы волеизъявления). Дискреционный метод связан с тем, что взаимодействие возникает по усмотрению одной из сторон, обладающей в отношении другой властными полномочиями, которые закреплены законодательно. В большинстве случаев этот метод взаимодействия применяется при осуществлении органами государства контрольных и надзорных полномочий.

Для достижения эффективности взаимодействия органов власти в федеративном государстве «в настоящий исторический период важно разработать механизмы, которые будут способствовать проявлению инициативности субъектов РФ. Необходимо на практике реализовывать теорию корпоративного федерализма – системы, при которой функционирует вертикальная прямая и обратная связь между федеральным центром и регионами, а также горизонтальное взаимодействие между субъектами РФ. В первом случае речь идет о более тесном взаимодействии федеральных и региональных органов власти по вопросам совместного ведения, разработки социально-экономических программ. Во втором – об эскалации сферы сотрудничества органов власти субъектов РФ в части социально-экономического партнерства, заклю-

чения и реализации соглашений по взаимодействию в различных сферах общественных отношений. В том случае, если действующая ныне система будет подвержена стагнации, запустится процесс деградации региональной власти, утраты ею самостоятельности, опоры в принятии решения исключительно на федеральный центр, что, в свою очередь, ведет к неэффективности регионального управления с последующим кризисом всей вертикали власти» [10, с. 11].

К сожалению, актуальной остается проблема, которую обозначил в своем Послании Федеральному Собранию В.В. Путин: «Мы создали «острова» и отдельные «островки» власти, но не возвели между ними надежных мостов. У нас до сих пор не выстроено эффективное взаимодействие между разными уровнями власти. Центр и территории, региональные и местные власти все еще соревнуются между собой, соревнуются за полномочия» [11]. Представляется, что повышению уровня и качества взаимодействия между федеральными и региональными органами государственной власти будут способствовать четкие правовые ориентиры, выраженные как в федеральных законах, так и в договорах и соглашениях о взаимодействии между различными органами власти.

Библиографический список

1. *Симонова Н.В.* Взаимодействие органов публичной власти на территории приграничного субъекта Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты (на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
2. *Гусенбеков И.И.* Некоторые аспекты взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 6.
3. *Пряхина Т.М.* Реализация принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации // Становление государственности и местного самоуправления в регионах России. Саратов, 1997.
4. *Безруков А.В.* Конституционно-правовые аспекты взаимодействия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
5. *Бакаева О.Ю., Шилина Е.В.* Принципы и формы взаимодействия банковской системы и таможенных органов // Банковское дело. 2006. № 2.
6. *Голубев А.Г.* Организационные и правовые основы участия губернатора во взаимодействии УИС и органов власти региона: исторический и теоретико-управленческий аспект // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 4.
7. *Ишеков К.А.* Реализация принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов, 2010.
8. URL: www.quality.eup.ru/.../mission2.htm
9. Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2290; 2010. № 35. Ст. 4533.
10. *Грохотов А.Н.* Наследие И.А. Ильина и централизация власти в современной России // История государства и права. 2010. № 3.
11. *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2000. 11 июля.

I.A. Bova
Infringement on Banking
Secrecy in the Performance
of Public Functions
by Commercial Banks

Urgent problems of the infringement on banking secrecy in the performance of public functions by banks and other credit organizations are considered.

Key words and word-combinations: banking secrecy, public functions of credit organizations, infringement.

Рассматриваются актуальные проблемы посягательства на банковскую тайну при исполнении банками и другими кредитными организациями публичных функций.

Ключевые слова и словосочетания: банковская тайна, публичные функции кредитных организаций, посягательство.

УДК 347.734
ББК 67.404.2

И.А. Бова

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА БАНКОВСКУЮ ТАЙНУ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ

В банковской системе России осуществляется как частная, так и публично-правовая банковская деятельность: многочисленные коммерческие банки не только стремятся к получению прибыли, но и выполняют публичные функции, делегированные им государством. Эти обязанности зачастую обременительны, но банки вынуждены их исполнять, поскольку указанные полномочия закреплены в ряде действующих нормативно-правовых актов.

Под публичными функциями, выполняемыми коммерческими банками, следует понимать деятельность данных кредитных организаций как финансовых агентов государства в рамках бюджетных, налоговых, валютных и кассовых правоотношений. При этом в современном российском законодательстве нет нормативно-правового акта, в котором были бы отражены все публичные функции, возложенные на коммерческие банки.

Выполняя публичные функции, коммерческие банки вынуждены нарушать так называемую «банковскую тайну», что существенно затрагивает частные интересы клиентов и способно негативно повлиять на репутацию банка. С другой стороны, право банковских клиентов на финансовую тайну часто становится камнем преткновения для

государства, предотвращающего или пресекающего преступления в экономической сфере.

Таким образом, в банковской деятельности наличествует потенциал конфликта частных и публичных интересов, порождаемый неоднородным по своей природе характером этой деятельности.

На наш взгляд, важно подробно рассмотреть публичные функции, при реализации которых происходит посягательство на банковскую тайну с тем чтобы выявить случаи нарушения банковского законодательства в части гарантированности права на банковскую тайну при исполнении банками как финансовыми посредниками делегированных государством обязанностей. Кроме того, считаем необходимым обратить внимание законодателя и общественности на имеющиеся коллизии, вызванные противоречием между законодательно гарантированным частным интересом в сохранении банковской тайны и законодательно обеспечиваемым общественным интересом, реализуемым при исполнении коммерческими банками публичных функций.

В бюджетных правоотношениях основная публичная функция, к выполнению которой могут привлекаться коммерческие банки, заключается в обслуживании банками счетов бюджетных организаций в случае отсутствия учреждений Банка России на соответствующей территории или невозможности выполнения ими этих функций.

Показательным примером посягательства на банковскую тайну при реализации коммерческим банком публичной функции служит ситуация, когда органы местного самоуправления, владея имуществом бюджетных организаций, выполняют контроль за расходованием бюджетных средств и запрашивают у банков сведения, касающиеся счетов подотчетных учреждений. Законные, казалось бы, требования органов местного самоуправления вступают в противоречие со ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) [1], поскольку указанные органы не включены в перечень субъектов, имеющих доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну. Формально они не могут выступать инициаторами соответствующего запроса, вследствие чего банк отказывает в предоставлении истребуемых сведений.

До января 2010 г. аналогичная ситуация складывалась относительно Пенсионного фонда Российской Федерации. Однако хотя Фонд не входил в перечень лиц, которым могут быть представлены сведения, составляющие банковскую тайну, сложившаяся судебная практика подтверждала его право на получение сведений, составляющих банковскую тайну и касающихся обеспечения целевого использования средств обязательного пенсионного страхования, а также осуществления контроля за их использованием. С января 2010 г. Пенсионный фонд РФ наделен правом получения справок по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в пределах, необходимых для осуществления контроля за выполнением банками обязанностей, установленных ст. 24 Федерального закона [2].

Как видим, в обоих приведенных примерах субъекты вступали с коммерче-

скими банками в правоотношения по вопросам предоставления сведений, содержащих банковскую тайну. Случай с Пенсионным фондом наглядно демонстрирует, что там, где дело касается контроля за использованием бюджетных средств, суд выступает блюстителем публичных интересов, что может привести к расширению круга субъектов, включенных в ст. 26 Закона о банках [1].

Выполнения коммерческими банками публичных функций требуют не только бюджетные правоотношения, но и государственные прерогативы в области валютного регулирования и валютного контроля.

Большинство клиентов не задумываются о том, что участие банка во внешне-торговых операциях, осуществляемых ими, не сводится лишь к техническому оформлению паспорта сделки. Так, согласно ст. 22 Федерального закона [3] подотчетные ЦБ РФ уполномоченные банки как агенты валютного контроля в стране передают информацию в объеме и порядке, установленных ЦБ РФ таможенным и налоговым органам для выполнения ими функций агентов валютного контроля. Кроме того, любой коммерческий банк должен своевременно сообщать в Комитет по финансовому мониторингу о «подозрительных» внешне-торговых операциях, проводимых клиентами. Часть полномочий коммерческих банков предусмотрена инструкцией ЦБ РФ [4]. На наш взгляд, в данном случае речь идет об очередном показательном примере нарушения законодательства о защите сведений, составляющих банковскую тайну, при исполнении коммерческими банками публичных функций.

С введением в действие Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [5] у банков появилась обязанность представлять сведения в уполномоченный орган, осуществляющий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в случаях, порядке и объеме, которые предусмотрены данным Законом. Положения этого Закона определяют случаи представления сведений в уполномоченный орган, осуществляющий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Непредставление сведений в уполномоченный орган, осуществляющий меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, может повлечь отзыв лицензии, что, естественно, является для банка самым нежелательным наказанием.

После принятия указанного Закона и руководствуясь ст. 17 Федерального закона [6] Прокуратура Российской Федерации выпустила приказ [7] в целях совершенствования надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В результате в кредитные организации стали поступать запросы в отношении тех или иных лиц, прокуратурой запрашиваются выписки по операциям и счетам. Банки не могут отказать органам прокуратуры, так как в запросах идет прямая ссылка на Федеральный закон [5].

Таким образом, контрольные функции кредитных организаций, выполняемые в связи с противодействием легализации (отмыванию) доходов, получен-

ных преступным путем, и финансированию терроризма, расширяют круг субъектов, вступающих в правоотношения, связанные с посягательством на банковскую тайну.

Одной из основных публичных функций, выполняемых банками в соответствии с положением ЦБ РФ [8, п. 2.14], можно считать обязанность контролировать порядок ведения кассовых операций и работы с денежной наличностью организаций. При осуществлении кассового контроля появляется еще один вид посягательства на банковскую тайну, так как банк сообщает охраняемые сведения налоговым органам без соблюдения указанной в налоговом законодательстве процедуры.

Банковские учреждения не реже одного раза в два года проверяют на предприятиях соблюдение определенного Банком России порядка ведения кассовых операций и работы с денежной наличностью (в свою очередь, по данному вопросу коммерческие банки контролируются территориальными учреждениями Банка России). Материалы проверок при необходимости направляются в соответствующие налоговые органы для принятия к предприятиям мер финансовой и административной ответственности за несоблюдение порядка работы с денежной наличностью.

Например, согласно п. 2.6 [8] предприятия обязаны сдавать в учреждения банков все наличные деньги сверх установленных лимитов остатка наличных денег в кассе, то есть деньги необходимо зачислять на счет, что, несомненно, является операцией по счету. При этом согласно п. 2 ст. 86 Налогового кодекса РФ [9] банки обязаны выдавать справки по счетам организаций в течение трех дней со дня получения мотивированного запроса налогового органа. Кроме того, выписки по операциям на счетах организаций в банке могут быть запрошены налоговыми органами в случаях проведения мероприятий налогового контроля у этих организаций. Соответствующая обязанность банков предусмотрена и ст. 26 Закона о банках: кредитные организации выдают справки по операциям юридических лиц, в том числе налоговым органам в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности. Исходя из буквального содержания п. 2 ст. 86 Налогового кодекса следует, что выписка по операциям на счете может быть запрошена у банка, если проводились мероприятия налогового контроля, а согласно приказу ФНС РФ [10] каждый запрос, направляемый в банк, должен соответствовать определенной форме и содержать определенные сведения и мотивации.

Выполнение публичных функций банками, несомненно, имеет важное значение для финансовой деятельности Российского государства. Как отмечают специалисты, механизм реализации публичных функций коммерческими банками не проработан, в силу чего в процессе исполнения ими своих публичных функций возникают проблемы во взаимодействии с уполномоченными органами государственной власти.

Механизм наделения банков обязанностями по исполнению задач публичного характера не подкрепляется соответствующим правовым и экономическим обоснованием [11, с. 107], поэтому существует необходимость систематизации отдельных норм, регулирующих деятельность банков в части выпол-

нения ими публично-правовых функций. При их исполнении происходит посягательство на институт банковской тайны, что является нарушением, банковского законодательства в части гарантированного права на сохранение банковской тайны. Расширение перечня субъектов в ст. 26 Закона о банках, по нашему мнению, не решит проблемы. Необходимо совершенствовать взаимодействие государственных органов между собой в части предоставления необходимой информации. Посягательство на банковскую тайну в установленных законом пределах возможно только в случае крайней необходимости, такой, как уголовные деяния или налоговые преступления агента. Процедурно оно должно быть оформлено либо через суд, либо в порядке возбуждения уголовного дела.

Библиографический список

1. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (в ред. от 11 нояб. 2011 г. № 200-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; 2011. № 29. Ст. 4291.
2. О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования: Федер. закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г. № 234-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3738; 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4582.
3. О валютном регулировании и валютном контроле: Федер. закон от 10 дек. 2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г. № 200-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; 2011. № 29. Ст. 4291.
4. О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации при осуществлении валютных операций, порядка учета уполномоченными банками валютных операций и оформления паспортов сделок: инструкция ЦБ РФ от 15 июня 2004 г. № 117-И // Вестник Банка России. 2004. № 36.
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 27 июля 2010 г. № 176-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418; 2010. № 30. Ст. 4007.
6. О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. ФЗ от 7 февр. 2011 г. № 4-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2011. № 7. Ст. 901.
7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: приказ № 11 // Законность. 2010. № 4, 19 янв.
8. О правилах организации наличного денежного обращения на территории Российской Федерации: положение ЦБ РФ от 5 янв. 1998 г. № 14-П // Вестник Банка России. 1998. № 1.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 19 июля 2011 г. № 162-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2011. № 27. Ст. 3873.
10. Об утверждении порядка направления налоговым органом запросов в банк о наличии счетов в банке и (или) об остатках денежных средств на счетах, о предоставлении выписок по операциям на счетах организаций (индивидуальных предпринимателей, нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты) на бумажном носителе и форм соответствующих запросов: приказ ФНС РФ от 5 дек. 2006 г. № САЭ-3-06/829@ // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 7.
11. Черникова Е.В. Публично-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

**S.A. Lavrinenkov
Features of the Prosecutor's
Procedural Position
in Civil Proceedings**

The procedural position of the prosecutor in civil proceedings is researched. Corresponding peculiarities in comparison with the status of the procedural plaintiff and other persons involved in the case are defined.

Key words and word-combinations: civil proceedings, procedural position of the prosecutor, procedural plaintiff.

Исследуется процессуальное положение прокурора в гражданском судопроизводстве. Выделяются соответствующие особенности в сравнении со статусом процессуального истца и других лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское судопроизводство, процессуальное положение прокурора, процессуальный истец.

УДК 347.91/.95(470)
ББК 67.410(2)

С.А. Лавриненков

**ОСОБЕННОСТИ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА
В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Изменившееся представление о роли государства в современном обществе вызвало необходимость нового поиска оптимального соотношения частного и публичного в правовом регулировании общественных отношений. Данное обстоятельство породило еще одну закономерную тенденцию – сокращение государственного вмешательства в сферу частноправовых отношений. Появились предложения существенно ограничить влияние государства в лице уполномоченных органов и их должностных лиц на отношения, участниками которых являются равноправные, независимые субъекты, в том числе на процессуальные отношения сторон судебного разбирательства. Организация гражданского судопроизводства на принципах диспозитивности, состязательности и процессуального равноправия сторон, в частности, потребовала пересмотра положения прокурора.

Оптимальный набор процессуальных полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве позволит сохранить баланс частного и публичного в гражданском процессе. Вопрос о его процессуальном положении имеет ключевое значение, так как дает представление о целях и формах участия прокурора в гражданском судопроизводстве, роли в урегулировании спора в судебном порядке.

Действующий Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» [1] должным образом не конкретизирует положение прокуро-

ра в гражданском процессе, указывая лишь на возможность обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства в соответствии с российским процессуальным законодательством (ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 27, ст. 35). Участие прокурора в гражданском судопроизводстве детализируется в нормах Гражданского процессуального кодекса РФ [2]. В частности, в соответствии со ст. 34 ГПК РФ прокурор является лицом, участвующим в деле. В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований. При этом ГПК РФ устанавливает, что заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Федеральным законом [3] была дополнена ч. 1 ст. 45 ГПК РФ положением следующего содержания: «Указанное ограничение не распространяется на заявления прокурора, основанием для которого является обращение к нему гражданина о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования».

В разное время появились представления о том, что в гражданском судопроизводстве прокурор является стороной особого рода [4, с. 104]; представителем стороны [5, с. 27]; представителем государства, занимающим в процессе особое положение в силу предоставленных ему надзорных полномочий [6, с. 178]. Кроме того, существует мнение о двойственной природе гражданского процессуального положения прокурора, согласно которому прокурор, предъявляющий иск, является стороной (в условном или процессуальном смысле), а прокурор, вступающий в судебный процесс для дачи заключения по делу, выступает в качестве представителя государства [7, с. 62–63].

Изложенные точки зрения внесли определенный вклад в развитие представлений о гражданском процессуальном статусе прокурора, позволили посмотреть на данного участника судопроизводства под различными углами зрения. В то же время указанные подходы к определению процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве не лишены своих недостатков.

Сложившееся в последнее время и получившее достаточно широкое распространение представление о прокуроре как истце в процессуальном смысле, на наш взгляд, некорректно и должно быть пересмотрено. Представляется целесообразным привести аргументы в подтверждение указанного предположения. По нашему убеждению, прокурор в гражданском судопроизводстве занимает самостоятельное процессуальное положение, отличное от процессуального положения стороны по делу и ее представителя. Поэтому представляется не-

правданным использование для характеристики процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве выражения «истец в процессуальном смысле».

Отождествление прокурора с «истцом в процессуальном смысле» создает условия для ошибочного понимания его гражданского процессуального положения и отождествления процессуального статуса прокурора с процессуальным статусом истца. Представляется разумным выявить особенности в процессуальном положении прокурора в гражданском судопроизводстве путем сравнения положения прокурора с положением истца в процессуальном смысле.

Признание прокурора истцом в процессуальном смысле противоречит сущности его участия в гражданском судопроизводстве и смыслу действующего гражданского процессуального законодательства.

Во-первых, прокурор не обладает необходимыми для признания его истцом в процессуальном смысле процессуальными признаками. Безусловно, прокурор как лицо, участвующее в деле, имеет процессуальный интерес в исходе гражданского дела. Вместе с тем его интерес иного рода, чем процессуальный интерес истца. В частности, процессуальный интерес прокурора имеет своим основанием укрепление законности и правопорядка, которые воплощаются в жизнь посредством защиты частных и публичных интересов. Процессуальный интерес истца имеет материально-правовые основания, так как его фундаментом является материально-правовое отношение, существующее между истцом и ответчиком.

Во-вторых, процессуальный интерес прокурора никак не связан с его личностью, подтверждением чему могут служить закрепленные в ст. 18 ГПК РФ нормы об отводе прокурора. Процессуальный интерес истца неразрывно связан с его личностью, поскольку истец заинтересован в принятии судом решения, выгодного для него. Даже в тех случаях, когда правоотношение допускает правопреемство и имеет место прекращение существования первоначального истца, связь материально-правовой и процессуально-правовой заинтересованности с личностью такого истца не исчезает, а проявляется, хотя и опосредованно, в правопреемниках последнего.

В-третьих, прокурор не обладает таким процессуальным признаком истца, как несение судебных расходов. Так, в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 333.36 части 2 Налогового кодекса РФ [8] от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, а также мировыми судьями, освобождаются прокуроры – по заявлениям в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований.

В соответствии с ч. 2 ст. 45 ГПК РФ прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Указание в ч. 2 ст. 45 ГПК РФ на некоторое сходство процессуального положения прокурора с положением истца в процессе не дает веских оснований для признания прокурора истцом в процессуальном

смысле. Данное положение лишь указывает на то, что прокурор занимает активное место в гражданском процессе, но не место активной стороны. Такое положение можно объяснить и тем, что законодатель стремился избежать нормативных повторов в процессуальном законе, которые возникли бы в случае закрепления в ст. 45 ГПК РФ прав и обязанностей, предусмотренных ст. 35, 38, 39 ГПК РФ. Поэтому законодатель сформулировал положение о процессуальных правах и обязанностях прокурора путем выделения из общего особенного.

В-четвертых, процессуальная сторона истца свидетельствует о том, что истец всегда является участником процесса, даже в тех случаях, когда его интересы в суде представляет другое уполномоченное на то лицо (представитель, государственный орган и другие). Без истца не будет судебного процесса, поскольку некому будет его возбуждать, так как и не будет лица, в интересах которого может быть инициировано разбирательство по гражданскому делу. Прокурор не может быть процессуальным истцом в силу того, что он не заменяет истца, а лишь обращается в защиту его прав, свобод и законных интересов. Прокурор не связан доводами истца и может отказаться от ранее поданного заявления в его защиту.

В-пятых, процессуальная сторона истца свидетельствует о том, что все процессуальные действия активной стороны совершаются от ее имени и в ее интересах. Отождествляя прокурора с истцом в процессуальном смысле, некоторые исследователи ошибочно полагают, что должностное лицо органов прокуратуры выступает в процессе от своего имени. На самом деле прокурор, как представитель государства, выступает в гражданском судопроизводстве не от своего имени, а от имени Российской Федерации. Данное утверждение имеет нормативную основу. Смысл ст. 1 Закона о прокуратуре заключается в том, что все выполняемые прокуратурой функции осуществляются от имени Российской Федерации.

В-шестых, прокурор не является процессуальным истцом в силу того, что к истцу, как участнику процесса, может быть предъявлен встречный иск, а к прокурору – нет. Данное положение не нашло прямого отражения в нормах ГПК РФ, оно вытекает из смысла гражданского процессуального законодательства и статуса прокурора как представителя государства, а не стороны по делу. Вместе с тем в приказе Генерального прокурора РФ [9] и информационном письме Генеральной прокуратуры [10] на данную особенность обращается внимание.

В-седьмых, в соответствии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. За неисполнение данного нормативного положения истцом в процессуальном смысле суд может применить к нему установленные ГПК РФ санкции. В случае недобросовестного пользования прокурором принадлежащими ему процессуальными правами суд не может применить к нему санкции, предусмотренные ГПК РФ.

В-восьмых, процессуальные права прокурора, как должностного лица, одновременно являются и его обязанностями, что не дает оснований рассматривать его в качестве истца в процессуальном смысле.

В-девятых, представляется нецелесообразной попытка обосновать природу участия прокурора в гражданском судопроизводстве исходя из форм участия, поскольку вопрос о формах участия прокурора в гражданском процессе является дискуссионным.

Таким образом, приведенные аргументы свидетельствуют о самостоятельном процессуальном положении прокурора в гражданском судопроизводстве и принципиальном отличии процессуального положения прокурора от процессуального истца. Представляется неоправданным использование для характеристики процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве выражения «истец в процессуальном смысле». Считаем разумным для обозначения процессуального статуса прокурора в гражданском судопроизводстве использование термина «прокурор», так как им можно обозначать не только должностное лицо органов прокуратуры, но и собственно процессуальное положение данного субъекта в различных видах судопроизводства. При этом для однозначного понимания гражданско-процессуального положения прокурора необходимо введение в научный оборот понятия прокурора как субъекта гражданских процессуальных правоотношений, под которым следует понимать лицо, участвующее в деле, выступающее в суде от имени Российской Федерации в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, государственных и муниципальных интересов в прямо предусмотренных законом случаях.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Рос. газ. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366; СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 901.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2011. № 19. Ст. 2715.
4. О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 5 апр. 2009 г. № 43-ФЗ // Рос. газ. 2009. 8 апр.
5. Щеглов В.Н. Субъекты советского гражданского процесса. Томск, 1979.
6. Адамович В.И. Очерк русского гражданского процесса. СПб., 1895. Вып. 1.
7. Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. М., 1960.
8. Алиева И.Д. Защита гражданских прав прокурором и иными уполномоченными органами. М., 2006.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2) от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2011. № 24. Ст. 3357.
10. Об обеспечении участия прокурора в гражданском судопроизводстве: приказ Генерального прокурора РФ от 2 дек. 2003 г. № 51 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Тула, 2004. Т. 1.
11. О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 27 янв. 2003 г. № 8-15-2003 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Тула, 2004. Т. 1.

**O.V. Kasyanova
Repudiation of Land
as One of the Grounds
for Termination of Property
Rights to Land**

Theoretical and practical aspects of citizens' repudiation of land are shown. Termination of property rights to land is analyzed as a legal problem.

Key words and word-combinations: rights, property rights to land, land, civil right, repudiation.

Показаны теоретические и практические аспекты отказа граждан от земельного участка. Прекращение вещных прав на землю анализируется как правовая проблема.

Ключевые слова и словосочетания: права, вещные права на землю, земельный участок, гражданское право, отказ.

УДК 349.4
ББК 67.407

О.В. Касьянова

**ОТКАЗ
ОТ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА
КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ
ПРЕКРАЩЕНИЯ
ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ**

Земля – основа жизни и деятельности любого человеческого общества. Она представляет собой главный объект хозяйственной деятельности человека. Использование земли предполагает регулирование нормами права. При этом существует объективная необходимость закрепления земельным и гражданским законодательством различных прав на землю.

Одними из основных прав на землю являются вещные права. К их числу согласно ст. 216 Гражданского кодекса РФ [1], помимо права собственности, относятся: право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитут. Помимо Гражданского, права на землю упоминаются в Земельном кодексе РФ (гл. IV), но без разграничения их на виды [2].

Все вещные права на землю когда-либо прекращаются. Традиционно среди оснований прекращения прав на землю выделяют две большие группы: прекращение прав на землю по воле правообладателя и принудительное прекращение прав на землю. Первую группу оснований составляют отказ от земельных прав, отчуждение земельного участка собственником другим лицам, добровольная реорганизация и ликвидация юридического лица. Во вторую группу входят обращения взысканий на земельный участок по обязательствам, изъятие, в том числе путем выкупа, земельного

участка для государственных и муниципальных нужд, изъятие не используемого земельного участка или используемого с нарушением земельного законодательства, реквизиция, конфискация, национализация.

Прекращение прав на землю является добровольным в том случае, если субъект самостоятельно инициирует прекращение принадлежащего ему права на землю, самостоятельно определяет способ и условия прекращения права на землю. При этом воля правообладателя не зависит от каких-либо внешних факторов.

Одним из самых распространенных добровольных оснований прекращения вещных прав является отказ от земельного участка, предусмотренный ст. 53 Земельного кодекса РФ. При его осуществлении на практике возникает ряд проблем.

В первую очередь следует заметить, что объем содержания ст. 53 ЗК РФ логически эже объема ее названия. В содержании статьи упоминаются лишь три разновидности вещных прав на земельный участок: право собственности, пожизненное наследуемое владение, постоянное (бессрочное) пользование. Стремясь разрешить такое несоответствие, авторы Комментария к ЗК РФ [3] высказали предположение, что условие и порядок отказа от права ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитута), учитывая название ст. 53 ЗК РФ, также входит в сферу регулирования данной статьи. Однако в содержании комментируемой статьи не упомянуты ни само право ограниченного пользования чужим земельным участком, ни возможность распространения на него условий порядка отказа от прав на землю, предусмотренных ст. 53 ЗК РФ.

На наш взгляд, данное мнение ошибочно, так как по одному названию четко определить содержание статьи нельзя, да и сервитут отдельно существовать без земельного участка не может и будет следовать судьбе земельного участка. Применение ст. 53 ЗК РФ касательно сервитута возможно тогда, когда будет осуществляться отказ от земельного участка, обремененного сервитутом.

Особого аналитического внимания, на наш взгляд, требует сама процедура отказа от земельного участка. Это актуально прежде всего в связи с тем, что в Земельный кодекс РФ были внесены значимые изменения.

Стоит обратить внимание, что при отказе от права собственности на земельный участок указанная процедура стала проще – достаточно только обратиться в учреждение юстиции, которое осуществляет государственную регистрацию прекращения указанного права. Момент прекращения права наступит очень быстро, поскольку максимальный срок регистрации согласно Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [4] один месяц и по окончании этого срока собственник перестает быть землеобладателем.

Вместе с тем возникает другая проблема – мотивы отказа. Например, возможны ситуации, когда земельный участок был брошен из-за зараженности токсичными отходами или какими-либо иными вредными для здоровья людей, окружающей среды веществами. В связи с этим может возникнуть вопрос об ответственности собственника земельного участка за причинение вреда окружа-

ющей среде, например путем загрязнения почвы, поверхностных или подземных вод. Отказавшись от земельного участка, лицо может избежать ответственности за совершенные неправомерные действия. Поэтому необходимо проверять мотивацию отказа от земельного участка и учитывать ее при вынесении решения о прекращении права.

Рассматривая отказ от таких вещных прав, как пожизненное наследуемое владение и постоянное (бессрочное) пользование, следует заметить, что процедура отказа здесь более сложная и все зависит от того, зарегистрировано ли данное право на земельный участок в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) или нет.

Из анализа ст. 53 ЗК РФ выходит, что более упрощенная процедура прекращения данных прав предусмотрена тогда, когда они не были зарегистрированы, и момент прекращения наступает с принятием решения исполнительными органами государственной власти или местного самоуправления. Что же касается случая, когда права зарегистрированы в ЕГРП, то момент прекращения права не обозначен. На наш взгляд, он наступит после того, как органы, уполномоченные на это, выполнят свою обязанность обратиться в учреждение юстиции для государственной регистрации прекращения права у землепользователя или землевладельца.

Таким образом, для землеобладателя лучше, если право пожизненного наследуемого владения или постоянного бессрочного пользования не было зарегистрировано в ЕГРП. Это значительно облегчает процедуру отказа от названных прав на землю.

На правильность совершения отказа влияет не только то, на каком праве был земельный участок, но и способ осуществления отказа. Например, следует рассмотреть такой спорный момент, когда ст. 236 Гражданского кодекса РФ предусматривает два способа отказа от принадлежащего лицу права собственности: объявление об отказе и совершение других действий, определенно свидетельствующих об устранении собственника от владения, пользования распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Вместе с тем отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до даты государственной регистрации прекращения указанного права. Толкование указанной нормы применительно к процедуре отказа от права собственности на земельный участок осложняется установленным Гражданским кодексом РФ (п. 1 ст. 131) и Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (п. 1 ст. 2), требованием государственной регистрации прекращения права, которая является юридическим актом признания прекращения прав на недвижимое имущество. Согласно ГК РФ, по которому отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника, можно сделать вывод, что отказ считается совершенным с момента осуществления действий, предусмотренных ст. 236 ГК РФ. Однако прекращение прав и обязанностей собственника земельного участка происходит только в момент приобретения права собственности на земельный участок другим лицом. Таким образом, можно сделать вывод, что права и обя-

занности собственника земельного участка, от которого он отказался, прекращаются с момента внесения в ЕГРП записи о прекращении данного права.

Несколько спорных моментов возникают при решении вопроса, каким именно образом должен осуществляться отказ, в частности может ли быть применен любой другой способ отказа, помимо заявительного, или нет?

По мнению М.С. Ромадина, отказ от права собственности может иметь только заявительный характер, предусмотренный ст. 53 ЗК РФ, но в дальнейшем может быть применен механизм приобретательной давности – если предыдущий владелец своими фактическими действиями устранился от владения, пользования и распоряжения земельным участком и в результате у этого земельного участка фактически появился новый владелец [5]. Анализируя нормы не только земельного, но и гражданского законодательства, Н.В. Карлова приходит к выводу, что Земельный кодекс РФ предусматривает только заявительную форму прекращения права собственности на земельный участок [6].

На практике зачастую собственники земли отказываются от принадлежащих им земельных участков именно путем молчаливого совершения действий, определенно свидетельствующих об устранении от владения, пользования и распоряжения этими участками без намерения сохранить какие-либо права на них. Как правило, это выражается в оставлении лицом принадлежащего ему земельного участка, в неиспользовании его и утрате интереса к дальнейшему осуществлению права на землю. Зброшенные земельные участки можно выявить только путем осуществления проверок, что в дальнейшем приводит к принудительному прекращению прав прежних владельцев на земельный участок.

В случаях оставления, на наш взгляд, права на землю могут прекратиться на основании изъятия неиспользуемого земельного участка, в соответствии со ст. 54 Земельного кодекса РФ и ст. 284, 286 Гражданского кодекса РФ. Однако в этом случае процедура изъятия более сложная и требует больше времени. В настоящее время нормы ст. 236 ГК РФ противоречат ст. 53 ЗК РФ, которая не предусматривает возможности отказа от земельного участка путем совершения фактических действий. Однако позиция ЗК РФ представляется более убедительной, так как недвижимость, в том числе и земельные участки, является особым объектом гражданских прав, поэтому формы выражения отказа от права собственности на эти недвижимые объекты должны быть отличными от форм отказа от права собственности на недвижимое имущество в целом.

На наш взгляд, следует внести дополнение в законодательство, на основании которого регулировался бы отказ от права ограниченного пользования чужим земельным участком. При этом отказ возможен только для частного сервитута, так как публичный сервитут предназначен для более широкого круга лиц. Возникает вопрос: нужно ли подавать заявление об отказе от сервитута, если произошло слияние земельных участков между собственником земельного участка, претендовавшим на сервитут, и собственником земельного участка, обремененного сервитутом, или оно наступает автоматически? Судя по процедуре установления сервитута, необходима подача заявления в учреждение юстиции о прекращении данного права, после чего должно быть выдано новое свидетельство о праве собственности на земельный участок без указания обременения.

Таким образом, отказ от частного сервитута должен осуществляться путем подачи соответствующего заявления в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость, с предварительным уведомлением другой стороны.

Характеризуя отказ от земельного участка как основание прекращения вещных прав, можно прийти к следующим выводам. Самая простая процедура отказа предусмотрена ст. 53 ЗК РФ для права собственности. Более сложная – для права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования, при этом лучше, чтобы эти права вообще не были зарегистрированы в ЕГРП. В последнем случае заявительный порядок прекращения указанных земельных прав признается обязательным, поскольку у являющихся собственниками земельного участка государства или муниципального образования есть возможность осуществить оценку качественного состояния земельного участка до того момента, когда право на него прекратится. Они, в случае необходимости, могут предъявить к владельцу или пользователю требования о возмещении вреда, причиненного земле. В случаях же просто оставления земельного участка, на наш взгляд, права на землю могут прекратиться на основании изъятия неиспользуемого земельного участка в соответствии со ст. 54 Земельного кодекса РФ и ст. 284, 286 Гражданского кодекса РФ.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Земельный кодекс РФ от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. *Бархатова М.В., Третьяков С.В.* Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации. М., 2002.
4. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594
5. *Ромадин М.С.* Основания и порядок прекращения прав на землю в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. *Карлова М.В.* Возникновение, изменение и прекращение прав на землю в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

L.V. Konstantinova
Interpretation of Social Policy
in the Context
of Social Inequality

The problematics of social inequality is introduced into the context of identifying the essence of social policy. In the frameworks of generalizing approach basic objectives and mechanisms of social policy are identified.

Key words and word-combinations: social policy, social inequality, social relations regulation.

В контекст выявления сущности социальной политики вводится проблематика социального неравенства. В рамках генерализирующего подхода определяются основные макроцели и механизмы социальной политики.

Ключевые слова и словосочетания: социальная политика, социальное неравенство, регулирование социальных отношений.

УДК 65.01:316.32
ББК 60.80+60.52

Л.В. Константинова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Процессы модернизации, активизирующиеся в современном российском обществе, не могут обойти стороной социальную сферу, основным регулятором которой выступает социальная политика. Это утверждение связано с тем, что социальная политика представляет собой особую функционально значимую сферу социальной деятельности. Высокая общественная значимость социальной политики сделала эту сферу в постсоветской России основной площадкой отработки социально приемлемых идеологем и стратегий, а на их основе и крупномасштабных социальных реформ.

Сложившиеся за последнее время подходы к пониманию сущности социальной политики концентрировались в основном в рамках неолиберальной парадигмы, интерпретирующей социальную политику как систему мер по социальной защите социально уязвимых групп населения. Однако мировой экономический кризис обозначил узость такого

подхода и необходимость выработки принципиально новых подходов к осуществлению социальной политики, модернизации ее действующих моделей. Данная ситуация вновь актуализировала проблему сущности социальной политики и возобновила дискуссии о ее общественном предназначении, что, в свою очередь, потребовало активизации усилий в области теоретической концептуализации социальной политики на системном уровне.

Представляется, что серьезный эвристический потенциал для концептуализации социальной политики содержится в рамках социологической теории социального неравенства. Именно она может быть предложена в качестве обновленного контекста для более широкой интерпретации социальной политики в современных условиях.

Заметим, что классическая теория социального неравенства, выраженного в форме социальной стратификации, формируется в истории науки и получает собственно социологическую окраску с того момента, когда естественное право стало допускать природное равенство всех людей: «Если люди от природы равны, и социальные формы неравенства не могут быть природными или данными Богом, то социальные формы неравенства подлежат изменению, а вероятно, можно устранить даже все виды неравенства» [1, с. 488–489].

Революционный сдвиг в научном осмыслении источников неравного положения людей в обществе, начавшийся со времен Ж.-Ж. Руссо и сохраняющий свою актуальность по сей день, поставил и потребовал решения как минимум двух проблем: 1) откуда происходит неравенство в социальной сфере, в чем причины социально иерархизированного строения общества? и 2) возможно ли регулирование социального неравенства в сторону его уменьшения либо полного устранения, возможно ли политическое и общественное регулирование процессов социальной стратификации и мобильности? В принципе это и есть ключевые вопросы социальной политики, так как, по сути, вопрос о социальной политике в его классическом исполнении есть вопрос о степени социального неравенства.

В этом смысле первая проблема – выявление причин социального неравенства – является инструментальной по отношению ко второй – проблеме регулирования неравенства. Это связано с тем, что конкретные способы, формы и технологии регулирования социального неравенства всегда детерминированы представлениями об его причинах и направлены именно на их коррекцию либо полное устранение. Поэтому вопрос о социальной политике в данной интерпретации есть вопрос о причинах социального неравенства и возможных способах их нейтрализации до заданного уровня. Это классический вопрос традиционной социологии в его прикладном преломлении, решение которого является историчным и парадигмальным.

Социальное неравенство проявляется не только как социальное многообразие, неоднородность и функциональная специализация различных элементов общества, но в первую очередь как их неодинаковый, неравный доступ к общественным ресурсам, необходимым для удовлетворения наиболее существенных потребностей. В качестве же основных первичных факторов, обуславливающих возникновение социального неравенства, его объективный и неустраняемый ха-

ракет, выступают естественная социальная дифференциация и ограниченность общественных благ и ресурсов (природных, материальных, финансовых, политических, организационных, статусных, интеллектуальных, культурных и пр.), причем данные факторы порождают социальное неравенство только взаимобусловливая друг друга.

В силу неравного доступа к общественным благам и ресурсам индивиды, социальные группы, организации, институты и иные элементы общественной системы выстраиваются в обществе в виде определенной иерархии, постоянно воспроизводящейся и модифицирующей в континууме «социальный порядок – социальный дисбаланс». Конкретные границы, формы проявления и причины социального неравенства имеют исторически изменчивый характер. В то же время следует согласиться с утверждениями о диалектическом характере социального неравенства, его внутренне противоречивой сущности, возможности его разнофункциональной направленности в обществе [2, с. 23].

Позитивный потенциал социального неравенства связан с его возможностью упорядочения социальной структуры и общественных отношений, а также со стимулирующим началом, подвигающим членов общества осуществлять усилия по приумножению ресурсной базы общества, по обеспечению себя необходимой совокупностью благ и условий жизни, по повышению индивидуального социального статуса, что в конечном итоге влияет на развитие общества в целом.

Деструктивный потенциал неравенства усиливается по мере увеличения его степени и вызывается постоянно поддерживаемым в сознании людей чувством несправедливости (осознанием факта несправедливого распределения общественных ресурсов). Следствием этого становится рост социального недовольства, социальной напряженности и различных форм протестного поведения в обществе. А.П. Бурдые утверждал: «В самом деле, ничто так не далеко друг от друга и так не невыносимо, как социально далекие друг от друга люди, которые оказались рядом в физическом пространстве» [3, с. 47]. Иными словами, высокая степень социального неравенства может приводить к антагонизации социальной структуры, к открытым социальным столкновениям, к нежизнеспособности и деструкции социальной системы в целом. В то же время разрывы в социальной структуре могут детерминировать не только извержения деструктивной социальной энергии общественных «низов», но и процессы их десоциализации, социального (а возможно, и физического) вымирания, то есть социальной деградации, люмпенизации, маргинализации, криминализации, социальной дезадаптации [4].

Нарастающая динамика этих процессов, увеличение масштабов «социального дна» относительно социализированных элементов социальной структуры является не менее опасной тенденцией для общества, чем высокий протестный потенциал «низов». Отмирание нижней части стратифицированной структуры общества может приводить к постепенному разрушению самой социальной структуры и к нежизнеспособности общества как целостности.

Таким образом, вопрос стабильного существования и развития общества, вопрос его жизнеспособности есть вопрос о степени социального неравенства.

С экономической точки зрения неравенство препятствует экономическому развитию. Как свидетельствует мировой опыт, страны с высоким уровнем социального неравенства развиваются, как правило, медленнее. Более того, в случае экономического роста растущее социальное неравенство может подорвать влияние этого роста на снижение бедности, что приведет к противоположным эффектам [5].

Проблема жизнеспособности общества есть проблема регулирования неравенства, обеспечиваемая посредством регулирования распределения ресурсов общества, что и составляет сущностное ядро социальной политики. Целью регулирования социального неравенства и, следовательно, макроцелью социальной политики становится обеспечение оптимума в соотношении двух внутренне противоположных сторон неравенства, при котором, с одной стороны, обеспечивалась бы активизация потенциала саморазвития, содержащегося в социальном неравенстве, а с другой – происходила бы нейтрализация его деструктивного потенциала. Реализация этой цели в реальности предельно сложна.

Удержание социального равновесия в обществе возможно при мобилизации основных механизмов, обеспечивающих его функционирование, – экономических, политических, правовых, организационных, культурных и собственно социальных. Следовательно, социальная политика есть та форма социальной деятельности, которая осуществляется в некоем континууме, где крайними полюсами являются состояния предельного социального неравенства и абсолютного социального равенства. Стратегии стабильного, оптимально развивающегося общества как единой социальной системы находятся между крайними точками данного континуума. Их реализация зависит от способностей конкретного общества обеспечить оптимальное регулирование, эффективное управление процессами социального иерархизирования и структурирования.

Исследования, проведенные на основе данной методологии по проблемам взаимосвязей структурно-функциональных характеристик социально-экономического неравенства с основными показателями социально-экономического и демографического развития современного российского общества, показали, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство – как негативный, а динамика развития общества хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами. В связи с этим регулирование и оптимизация неравенства являются ключевыми факторами развития общества в целом [6]. Регулирование и управление процессами оптимизации неравенства во всем комплексе своих проявлений и есть системная функция и сущностная основа социальной политики.

Эффективность регулирования социального неравенства, то есть возможность социальной политики становится реальной в условиях наличия необходимых предпосылок, связанных прежде всего с общей массой, совокупным объемом ресурсов в конкретном обществе.

В рамках прогрессивистской методологии исторический контекст позволяет рассматривать и интерпретировать процесс развития человеческой цивилизации в целом как процесс увеличения ресурсной базы и, следовательно, увеличения возможностей доступа к ней как можно большего числа участников общественной жизни в как можно больших масштабах. Именно поэтому возникновение и самоопределение социальной политики стало возможным в эпоху бурного роста национального богатства капиталистических обществ, ставшего следствием промышленной, индустриальной, информационной революций. В результате появилась возможность регулирования и распределения общественных ресурсов, обеспечения ими подавляющей части населения на более или менее равномерном уровне, что привело к формированию среднего класса как базового слоя социальной структуры общества.

В этом контексте можно трактовать и ряд широкомасштабных общественных процессов, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности общества, происходивших на протяжении XIX–XX вв. и изменивших базовые принципы существования общественных систем.

В политической сфере это реальная демократизация политических систем, переход на республиканские, парламентские, президентские формы правления, введение всеобщего избирательного права, децентрализация государственной власти, что привело к расширению возможностей доступа к политическим ресурсам всех членов общества. В правовой сфере – формирование правового государства и гражданского права, реализация принципов равноправия, охват ими различных сфер жизнедеятельности общества, уменьшение факторов дискриминации, что обеспечило создание равных возможностей, равных стартовых условий доступа к общественным ресурсам для всех членов общества. В экономической сфере – широкомасштабные процессы национализации, коллективизации собственности в различных формах, расширение вариативности форм частной собственности, реализация антимонопольного регулирования, что обеспечило более широкие возможности доступа к материальным и финансовым ресурсам широких слоев населения. В интеллектуальной сфере – прежде всего революция в образовании, создание условий для открытого доступа к нему различных социальных слоев, что привело к формированию условий для широкого доступа всех членов общества к интеллектуальным, информационным ресурсам. В культурной сфере – введение и реализация принципов культурной толерантности, мультикультурализма, национальной и религиозной терпимости, диалога культур, идеологии постмодернизма и формирование на этой основе условий для широкой доступности множественных культурных ресурсов поликультурных обществ и возможностей для развития культурных потенциалов.

Данные процессы, явившиеся одновременно и условиями и следствиями целенаправленных действий в сфере регулирования, воспроизводства и распределения общественных ресурсов, существенным образом стабилизировали общественные системы и привели к необратимости тенденций выравнивания социальных структур. Вместе с тем разросшийся ресурсный потенциал общества создал ситуацию постоянной востребованности крупномасштабных и поли-

вариативных действий, направленных на оптимальное управление этими ресурсами и их равномерное рассредоточение между сегментами и участниками общественной жизни. Это и определило постоянную востребованность обществом социальной политики как области регулирования социальных процессов и социальных отношений.

Таким образом, по своей сути социальное неравенство представляет собой универсальные социальные отношения, которые можно определить как отношения, складывающиеся между индивидами и социальными группами, занимающими различные статусные позиции в системе социальной иерархии и имеющими различный доступ к общественным благам и национальному богатству.

Определенный тип взаимодействий общественных субъектов институционализированного и неинституционализированного характера, сформировавшийся на протяжении XIX–XX столетий, обозначил основные траектории регулирования социальных отношений в обществе, направленные на их стабилизацию. Этот тип взаимодействий, реализующихся через регулирующее воздействие на социальные отношения, и составил сущность социальной политики как важного направления государственной и общественной деятельности.

Одновременно и средством и результатом регулирования социальных отношений в рамках социальной политики становится перемещение индивидов и социальных групп по социальной лестнице, изменение их статусных позиций, то есть социальная мобильность, способная привести к трансформации социальной структуры общества. Анализ данных процессов позволяет выделить два особых вида социальной мобильности, отражающих возможную направленность регулирующего воздействия в рамках социальной политики – центростремительную и центробежную социальную мобильность.

Центростремительная социальная мобильность представляет собой такой вид вертикальной социальной мобильности, который предполагает доминирование одновременных перемещений верхних и нижних социальных слоев по социальной лестнице навстречу друг другу, в сторону центральных, срединных позиций социальной иерархии. В результате этого осуществляется выравнивание социальной структуры, снижение степени диспропорций социальных позиций, уменьшение степени социального неравенства, формирование массового среднего слоя с примерно одинаковым уровнем социальных возможностей. Центробежная же социальная мобильность является противоположным процессом, предполагающим доминирование одновременных перемещений средних социальных слоев из центра социальной иерархии в противоположные друг от друга стороны. В результате одна часть среднего слоя оказывается на вершине социальной лестницы, а другая – на ее дне. Следствием преобладания массовой центробежной социальной мобильности может стать минимизация или полное размытие среднего слоя и существенный рост социальной дифференциации и неравенства вплоть до поляризации и антагонизации социальной структуры.

Регулирование социальных отношений может быть направлено на воспроизведение либо центробежной, либо центростремительной социальной мобиль-

ности в зависимости от поставленных целей и используемого арсенала средств. Социальная политика по своей природе в большей степени связана с мобилизацией потенциала центростремительной социальной мобильности, ибо именно этот ресурс способен вывести социальную систему на оптимальный уровень социального неравенства и, следовательно, на ее стабильное и равновесное существование.

Таким образом, можно дать развернутое определение социальной политики:

Социальная политика представляет собой особую, функционально значимую сферу социальной деятельности, имеющую своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование социальных отношений, осуществляемое заинтересованными общественными субъектами в направлении формирования устойчивой, сбалансированной социальной структуры общества посредством создания условий для индивидуальной и коллективной центростремительной социальной мобильности, в результате чего достигается оптимальный уровень социального неравенства и формируются необходимые условия для воспроизводства и развития человеческого капитала.

В рамках такого генерализирующего подхода могут быть выделены основные механизмы социальной политики, представляющие собой систему мер, затрагивающих все ключевые сферы общества. Во-первых, это экономические механизмы, представляющие собой систему регулирования и перераспределения доходов и финансовых ресурсов, действующую посредством налогового-бюджетного регулирования, – систему гарантий от элементарных жизненных рисков (социальное страхование, социальная помощь). Сюда же относятся обеспечение доступности широкого спектра социальных услуг, финансируемых из бюджетных и внебюджетных источников, механизмы антимонопольного регулирования и распределения собственности. Во-вторых, не меньшее значение имеют политические механизмы, выступающие в виде обеспечения режима реальной демократии, всеобщего избирательного права, рассредоточения центров политической власти по уровням и сферам. В-третьих, это правовые механизмы как законодательно закрепленные гражданские и социальные права и гарантии, реальная практика равноправия.

Важную роль играют организационные механизмы в качестве функционирования разветвленной системы отраслей социальной сферы, оказывающих социальные услуги населению в условиях реализации принципа их доступности, а также управленческие механизмы в виде функционирования многоуровневой, скоординированной системы управления социальной сферой и требующими общественного контроля сферами социальной жизни. И наконец, культурные механизмы, представляющие собой создание условий для реализации принципов поликультурного развития и взаимодействия, насыщенность официальной и оппозиционных идеологий социальными и гуманитарными ценностями.

Совокупное действие этих механизмов, при условии их системной скоординированности, позволяет говорить о социальной политике как о некоем системном качестве, охватывающем все перечисленные сферы и реализующемся через них. Социальная политика, имея четкую определенность в области соци-

ального, является полифункциональной сферой и той необходимой, обусловленной объективными социальными закономерностями сферой регулирующего воздействия, которая в современных условиях определяет развитие общества как системной целостности.

Таким образом, интерпретация социальной политики в контексте социального неравенства позволяет в рамках традиционной теории по-новому высветить ее значимые параметры, расширить ее привычные трактовки и определить базовые смыслы, актуальные для сегодняшнего дня. Ориентация именно на такой широкий, генерализирующий и системный подход к пониманию социальной политики очень важна для современной России. К сожалению, зауженная интерпретация социальной политики на теоретическом уровне, постоянная смена государственных социальных стратегий приводят к бессистемной реализации социальной политики на практике, сводит ее до совокупности разрозненных мер и краткосрочных программ и проектов, претерпевающих постоянную корректировку. В результате реальные социальные процессы, в первую очередь процессы социального неравенства, социального структурирования общества в постсоветской России развиваются стихийно, социальные отношения подвергаются лишь спорадическому частичному регулирующему воздействию, что не дает должного социального и экономического эффекта.

Исторический же опыт свидетельствует о том, что ни в одной стране формирование сбалансированной социальной структуры, где массовой группой является средний класс, не осуществлялось стихийно. Стабилизация социальной структуры общества на основе регулирования социальных отношений, направленного на «выращивание» массового среднего класса, всегда являлась результатом осуществления целенаправленной системной долгосрочной политики, предполагающей совместное участие государства, рынка и общественного сектора. Это характерно даже для самых либеральных режимов. Поэтому сегодня для российского общества очень важно при проектировании целей развития не только формировать ожидаемые оптимальные модели хозяйственной (экономической) и политической системы, но и определять необходимые параметры социальной стратифицированной структуры общества, которую целесообразно выстраивать на основе регулирования социальных отношений в системе социальной политики.

Библиографический список

1. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002.
2. Борта С.П. К вопросу об эволюции представлений о социальной стабильности // Проблемы социальной политики. М., 2001.
3. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
4. Kerbo H. Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective. N.Y., 2003.
5. Разумов А.А. Финансово-экономический кризис и новая парадигма государственной социальной политики в России // Уровень жизни населения в России. 2009. № 8 / 9. С. 73–74.
6. Шевяков А. Мифы и реалии социальной политики // Общество и экономика. 2009. № 7. С. 99–116.

N.V. Teltevskaia
**The Role of Interpersonal
Interaction in the Professional
Training of Students**

Peculiarities of interpersonal interaction of the subjects of the educational process are revealed. Approaches to assessing the impact of interpersonal interaction on the nature of the professional training of students are grounded.

Key words and word-combinations: activity, educational process, inter-subject relations, professional formation.

Показаны особенности межличностного взаимодействия субъектов образовательного процесса. Обоснованы подходы к оценке влияния межличностного взаимодействия на характер процесса профессиональной подготовки студентов.

Ключевые слова и словосочетания: деятельность, образовательный процесс, межсубъектные отношения, профессиональное становление.

УДК 159.9:370
ББК 88.40

Н.В. Тельтевская

РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Решение проблемы повышения качества профессиональной подготовки студентов высшего учебного заведения в условиях развития инновационной экономики не может быть сведено лишь к усилению профессионализации изучаемых дисциплин и повышению внимания к прикладному характеру профессионального обучения, хотя их значение очень велико. Важнейшим фактором становления личности является деятельность, ибо только в ней формируется и развивается личность, свойства которой зависят от характера этой деятельности.

В исследованиях психологов и педагогов показано, что решающее влияние на человека как активного субъекта деятельности оказывают межличностные отношения, которые буквально пронизывают совместную деятельность, играя организующую роль и в профессиональном становлении личности. Так, В.В. Давыдов утверждает, что «любая конкретная деятельность субъекта (индивида) осуществляется лишь в системе вполне определенных общественных отношений... и поэтому вне системы производственных и других социальных отношений рассматриваться не может» [1, с. 20].

Современное образование ориентировано на развитие личностных качеств обучающихся. Вследствие этого ощущается необходимость в преподавателе, который, учитывая меняющиеся социально-экономические условия и общую ситуацию в системе профессионального образования, может наиболее эффективно организовать педагогический процесс.

Взаимодействие преподавателей и обучающихся является предметом многих исследований. В соответствующих работах находим различные определения этого процесса, поскольку каждый автор выделяет свои основания. Воспитательное взаимодействие исследуют Н.М. Борытко, Е.А. Крюкова, И.А. Колесникова, Е.М. Сафронова. О диалогическом взаимодействии пишут М.С. Байматова, Н.Н. Саяпина. Вопросы педагогического взаимодействия раскрываются в работах Ю.К. Бабанского, И.А. Зимней, И.Б. Котовой, Е.И. Рогова, Е.Л. Федотовой, Е.Н. Шиянова. Вопросам учебного общения и учебного взаимодействия уделяется внимание В.К. Дьяченко и Р.Ш. Царевой.

Включение студентов в учебный процесс предполагает прежде всего организацию взаимодействия между ними и преподавателями. В результате между его участниками происходит обмен информацией об используемых способах и приемах познавательной деятельности. Но процесс такого взаимодействия опосредован объектом, по поводу которого осуществляется общение и который создается совместными усилиями, благодаря чему происходит социализация личности и формируются социогенные мотивы. Следовательно, одной из важнейших задач, решаемых преподавателями на учебных занятиях, является такая организация познавательной деятельности, которая содействовала бы развитию профессиональных интересов обучающихся, творческому отношению к овладению знаниями и повышению их интеллектуальной активности.

Необходимо учитывать, что познание развивается за счет открытий новых знаний и их обобщений, выработки более эффективных методов исследования реальности, а само взаимодействие участников процесса обучения влияет на формирование жизненных планов и самореализацию студентов. Оно носит социокультурный характер и приводит к тому, что в результате личность: 1) усваивает культуру, принимая типические черты, характерные для своей общности, и 2) создает культуру, развивает и углубляет культурные традиции и ценности [2]. В таком взаимодействии передаются нормы культуры и развиваются культурные интересы, что, безусловно, влияет на формирование личности.

Важным аспектом деятельности преподавателя является создание положительного должного эмоционального настроя. Эмоции существенно влияют на отношения к воспринимаемым объектам и ситуациям и изменяют состав субъективного опыта обучающегося. Благоприятная эмоциональная атмосфера обучения в немалой степени влияет на характер организуемой деятельности, межличностные отношения студентов с преподавателем и другими обучающимися. Осуществляющий эмоциональную регуляцию преподаватель должен содействовать формированию у студентов положительного отношения к учению.

Создание новой системы отношений и организация совместной деятельности со студентами, несомненно, является одной из приоритетных задач любого преподавателя. В этом ракурсе особое значение приобретает широко известное высказывание А.Н. Леонтьева: профессиональное образование – это производство прежде всего человека как человека, а не как работоспособного существа, автоматически выполняющего набор профессиональных функций [3, с. 383]. Следует заметить, что важность такого подхода в принципе осознана давно.

Значение межличностного взаимодействия для развития определенных качеств и свойств личности, для достижения планируемых результатов глубоко раскрывается в работах А.А. Бодалева. Ученый утверждал, что в процессе различных форм взаимодействия люди одновременно познают друг друга, а в процессе наблюдения за внешними проявлениями личности другого человека сам наблюдающий учится соотносить их с внутренним психологическим смыслом [4].

Взаимодействующими субъектами осознается не только ценность межличностного общения, но и его конструктивное назначение при совместном решении различного рода проблем. Эффективность межличностного взаимодействия студентов и преподавателей может не только повышаться посредством отслеживания и оценки достигнутых знаний, умений и навыков, но и определяться особенностями решения различных по характеру коммуникативных задач и выполнением преподавателями определенных функций, к числу которых относятся: 1) стимулирующие, 2) регулирующие, 3) контролирующие, 4) организующие [5, с. 446].

Основываясь на работах психологов, можно сделать вывод, что в результате межсубъектных отношений обучение приобретает деятельностный характер, благодаря чему формируются способы общения, мышления, рефлексии. В нем отражается характер межличностных связей, которые детерминируют формирование мотивационной сферы деятельности личности.

В работах Л.С. Выготского, затрагивающих вопрос взаимодействия, говорится об интериоризации личностью отношений внешнего порядка, в результате чего осуществляется переход от внешних социальных воздействий к социальным воздействиям внутри личности. «Всякая высшая психическая функция, – писал ученый, – была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально является средством воздействия на других или средством воздействия других на личность» [6, с. 197–198]. В исследованиях А.А. Бодалева данное утверждение получило свое дальнейшее обоснование.

Конкретизируя проблему, полагаем, что правомерно говорить о педагогическом взаимодействии, так как оно имеет более широкое значение, учитывает межсубъектные особенности и включает использование диалоговых форм. Поэтому роль преподавателя в организации педагогического взаимодействия сегодня существенно изменяется. Он содействует организации такой познавательной деятельности студентов, в которой отражается интериоризация межличностных социальных связей, накладывающих свой отпечаток на формирование мотивационно-потребностной сферы личности, ее деятельности как социального существа. Однако это становится возможным в том случае, если преподаватели сами являются выразителями профессиональных интересов и могут содействовать их формированию в учебно-воспитательном процессе. Деятельность студентов здесь варьируется, а ее результат отражает межсубъектные отношения, опосредованные объектом, по поводу которого осуществляется общение на основе совместных усилий.

В процессе межличностного взаимодействия раскрываются возможности для развития мотивационно-потребностной сферы личности, ее деятельности как социального существа, профессионального самоопределения, саморазвития и самореализации. Задача педагога состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае выбрать наиболее удачный вариант взаимодействия, лучшим образом учесть индивидуальные возможности и личностные качества студентов, предусмотреть различные виды самостоятельной работы и рациональные формы управления их учебной деятельностью, чтобы достичь максимально возможных результатов. Особенно важно, что в межличностном взаимодействии качественно меняется роль преподавателя, который должен вводить иную систему отношений и осуществлять психолого-педагогическое сопровождение процессом учения студентов, организовывать творческое общение на академических занятиях и вне их, поскольку именно в процессе общения возможно и передавать нормы культуры, и развивать культурные интересы.

Взаимодействие преподавателей и студентов во многом способствует раскрытию творческого потенциала субъектов образовательного процесса. Для этого необходимо их сотворчество, так как личность стремится к достижению таких результатов, в которых проявились бы ее силы и способности, качества, наиболее важные с точки зрения той социальной группы, в состав которой она входит.

Творческая познавательная деятельность предполагает выход из репродуктивного в план продуктивного, преобразующего мышления, которое характеризуется подвижностью, гибкостью, оригинальностью, критичностью. В процессе обучения студенты должны приобретать опыт деятельности, характеризующийся наличием умений осуществлять проникновение в суть изучаемого явления, процесса, установлением новых связей с ранее изученным, применением знания и усвоенных приемов умственной деятельности в новых ситуациях.

Развитие творческой активности студентов означает не только создание соответствующих педагогических условий, но и организацию их деятельности, которая должна быть направлена на открытие чего-либо нового. Этим новым могут быть знания, добываемые путем самостоятельного поиска, или умения приобретения знаний. Включение студентов в активный процесс познания окажется результативным в том случае, если преподаватели сами являются носителями традиций творческой деятельности и могут передавать их в процессе межличностного взаимодействия, в результате которого происходит обмен информацией об используемых приемах интеллектуальной деятельности и творческого поиска.

Таким образом, можно говорить о социокультурном значении межличностного взаимодействия, его влиянии на формирование профессиональной мотивации, возможностей профессионального самоопределения, саморазвития и самореализацию, на творческую активность и формирование у студентов опыта творческой деятельности.

Библиографический список

1. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 6. С. 20–27.

2. Боротко Н.М. Профессиональное воспитание студентов вуза. Волгоград, 2004.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983. Т. 1.
4. Бодаев А.А. Психология общения: избр. психол. тр. М., 1996.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов н/Д, 1998.
6. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций: из неопубл. трудов. М., 1960.

A.A. Karmaev
Introduction of the Method
“Action Learning”
in German Universities:
Innovation Experience for Russia

The practice of introducing the method of “Action Learning” into higher education in Germany is studied. Special attention is paid to the analysis of the conditions necessary for successful application of German experience in Russia.

Key words and word-combinations: innovation in higher education, method of “Action Learning”, forms and methods to develop students’ social activity.

Исследуется опыт внедрения метода «обучение действием» в сфере высшего образования в Германии. Особое внимание уделяется анализу условий, которые необходимы для его использования в России.

Ключевые слова и словосочетания: инновации в высшем образовании, метод «обучение действием», формы и методы развития социальной активности студентов.

УДК 371.3(430)
ББК 74.202(4Гем)

А.А. Кармаев

ВНЕДРЕНИЕ МЕТОДА «ОБУЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ» В НЕМЕЦКИХ ВУЗАХ: ИННОВАЦИОННЫЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ*

В последнее время возросла потребность в инновационных педагогических моделях, которые формируют современные жизненные стратегии у студентов и способствуют созданию эффективных условий для их самореализации в учебной, внеучебной и научно-исследовательской деятельности в период обучения в вузе. Изменение законодательных рамок и переориентация системы высшего образования на управление по результатам предполагает дальнейший пересмотр традиционных практик и внедрение в учебный процесс российских вузов инновационных методов обучения в рамках федеральных государственных образовательных стандартов. В условиях массового перехода российских вузов на новые компетентностные стандарты высшего образования востребован анализ за-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кросс-культурное исследование жизненных стратегий жителей малых и средних городов России и Германии в условиях социально-экономической нестабильности», № 11-06-01175а.

рубежного опыта в аспекте трансфера (управляемого переноса) инновационных педагогических моделей. Особенно значимым представляется опыт немецких вузов из малых и средних городов по трансферу метода «обучение действием» (Lernen durch Engagement), разработанного в США, где по нему ежегодно обучаются более одного миллиона студентов.

Под методом «обучение действием» понимается «стратегия преподавания и обучения, которая объединяет преподавание со значимой общественной работой и рефлексией с целью расширения опыта обучающихся, формирования гражданской ответственности и укрепления местного сообщества» [1]. В контексте Болонского процесса метод позволяет повысить качество образования и усилить практическую направленность подготовки студентов. Он предполагает интеграцию в учебный процесс вузов социальной активности студентов по решению проблем местного сообщества.

Использование метода «обучение действием» в вузах Германии началось в 2003 г., а уже в 2009 г. восемь немецких вузов, преимущественно из малых и средних городов страны, подписали соглашение об объединении в образовательную сеть под названием «Образование и социальная ответственность». Основной целью данной сети вузов является дальнейшее распространение и популяризация в Германии метода «обучение действием».

Университет Эрфурта, который входит в число участников немецкой сети университетов, успешно адаптировал данный метод в контексте идей образования для устойчивого развития. В 2007 г. в каждом учебном семестре в университете Эрфурта впервые были организованы междисциплинарные семинары «Устойчивое развитие как вызов для будущего». Студенты разных направлений подготовки после вводной теоретической фазы разработали практические проекты для местного сообщества. Например, студенты-педагоги организовали проектные дни по темам «вода» и «лес» для учащихся начальных школ города; студенты-журналисты создали соответствующие видеоролики; студенты, изучающие экономику, организовали мероприятия для бизнесменов в целях сбора ресурсов, необходимых для осуществления данного проекта [2].

В немецких университетах разработана следующая примерная структура занятий по методу «обучение действием», которая состоит из шести этапов [3]:

1) этап планирования занятий по методу «обучение действием» – включает в себя анализ теоретического содержания дисциплины, поиск возможных социальных идей, предполагающих использование содержания дисциплины для решения проблем целевых групп партнерских организаций, первичный контакт с партнерскими организациями и конкретизацию проблем партнерских организаций в контексте дисциплины;

2) этап ориентации студентов на метод «обучение действием» – подразумевает разъяснение студентам в рамках установочного занятия целей и задач изучения дисциплины по методу «обучение действием», распределение студентов по видам отчетности (тесты, проекты), планирование результатов деятельности студентов и шкалы их оценивания (например, рейтинговая система оценивания), предъявление студентам списка партнерских организаций и их проблем;

3) этап изучения теоретических знаний по дисциплине – нацелен на получение студентами теоретических знаний по дисциплине, рассмотрение теории в контексте реальных проблем партнерских организаций;

4) этап встречи с партнерскими организациями и разработки проектов студентов в рамках дисциплины – состоит из распределения студентов по партнерским организациям, встреч с партнерами и заключения договоров добровольца, анализа проблем партнерских организаций, разработки студентами практико-ориентированных проектов по решению проблем партнерских организаций с применением изученных теоретических знаний;

5) этап реализации проектов студентов в партнерских организациях – предполагает реализацию студенческого проекта в партнерской организации в контексте изучаемой дисциплины, обратную связь и представление хода промежуточных результатов проектов в партнерских организациях на занятиях, сбор и обсуждение идей научных работ, возникающих в рамках реализации проектов студентов в партнерских организациях, презентацию итоговых результатов проектов студентов;

6) этап рефлексии и оценки – несет в себе итоговое занятие с участием студентов, преподавателей и партнерских организаций для оценки и самооценки деятельности в рамках реализации проектов (партнерами, самими студентами, преподавателем), окончательную оценку итогов проектов студентов, заключение договоренностей с партнерами о продолжении сотрудничества и публикации результатов сотрудничества.

Анализ метода «обучение действием» в аспекте ключевых направлений работы вуза: «учебная деятельность студентов», «научно-исследовательская работа студентов» и «внеучебная деятельность студентов» – позволяет выделить ряд значимых моментов.

Так, в аспекте «учебная деятельность студентов» метод «обучение действием» направлен на связь теории с практикой и позволяет студентам не только получить теоретические знания, но и решить практические проблемы, используя теоретический материал изучаемого предмета. В этом смысле метод по своей организации подобен традиционной учебной практике студентов в организациях, поскольку также предполагает договорные отношения вуза с партнерами и нацелен на приобретение студентами практического опыта. В то же время есть и отличия. В рамках учебной практики студенты выполняют задания, логически вытекающие из теоретического материала. В рамках метода «обучение действием» студенты выполняют задания (проекты), взятые из реальных проблемных ситуаций партнерских организаций, и путь к решению этих проблем частично может быть найден с использованием полученных теоретических знаний по дисциплине.

В аспекте «научно-исследовательская работа студентов» метод «обучение действием» направлен на развитие у студентов научного мышления. Знакомство с реально существующими проблемами в партнерских организациях должно способствовать развитию интереса студентов к научным исследованиям. Столкновение с проблемными ситуациями побуждает к ясному формулированию проблемной задачи, выдвижению и проверке гипотез ее решения с использова-

нием научных методов исследования. В этом аспекте метод «обучение действием» представляет собой значительный потенциал, который еще не используется в полной мере в российских вузах для развития интереса студентов к научным исследованиям.

Во внеучебной деятельности студентов метод «обучение действием» направлен на развитие социальной активности студентов, включение их в реальную добровольческую деятельность в местном сообществе. Этот аспект связан с интересами студентов, их желанием принести пользу местному сообществу в лице детей, оставшихся без попечения родителей, стариков, инвалидов и других социальных групп.

Россия в настоящий момент находится в догоняющей позиции к другим странам по уровню развития добровольческой деятельности в молодежной среде. Метод «обучение действием» в этом контексте является действенным педагогическим механизмом, использование которого позволит изменить текущую ситуацию и увеличить число граждан – участников благотворительной и добровольческой деятельности.

В 2010 г. были опубликованы результаты исследования Европейской комиссии «Study on Volunteering in the European Union» (Добровольчество в Европейском Союзе), которое проводилось в 27 странах [4]. Согласно полученным данным, 23% европейцев старше 15 лет (примерно 92 млн) регулярно участвуют в добровольческой деятельности. Очень высокий уровень добровольчества зафиксирован в Нидерландах, Австрии, Швеции и Великобритании, где более 40% населения вовлечены в волонтерскую деятельность; высокий уровень – в Германии, Дании, Финляндии и Люксембурге (30–39%); средний уровень – в Эстонии, Франции, Латвии (20–29%). Относительно низкий уровень в Бельгии, Ирландии, на Мальте, в Польше, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Испании, Чешской Республике и на Кипре (10–19%); низкий уровень – в Болгарии, Греции, Италии и Литве (менее 10% населения).

В Германии все чаще добровольцам выдается специальный документ (карта добровольца, квалификационный паспорт, удостоверение компетенций), который предназначен для работодателей и содержит характеристику способностей и перечисление компетенций, полученных за период добровольческой деятельности. Наиболее весомым является квалификационный паспорт, дающий возможность по модулям набирать необходимый уровень квалификации параллельно или вне системы повышения квалификации. Паспорт выдается только теми организациями, которые прошли процедуру сертификации федерального института профессионального образования. Удостоверение добровольца официально поддержано объединениями работодателей и признано в качестве документа, достоверно свидетельствующего о квалификациях и компетенциях наравне со свидетельствами о повышении квалификации.

Эта тенденция получает признание и в России. Преподавателю, ведущему занятия по методу «обучение действием», желательно рекомендовать студентам зарегистрироваться на федеральном сайте и подать заявление на получение всероссийской «Личной книжки волонтера» [5]. В настоящее время данный документ выполнен по аналогии с трудовой книжкой. В него вносятся записи

о добровольческой деятельности (срок, организация), но эксперты сходятся во мнении, что необходимо подробнее записывать деятельность и компетенции, которые приобретены за время добровольческой работы.

Экспериментальная апробация метода «обучение действием» позволяет адаптировать педагогическую структуру занятий метода для условий российского вуза.

На первом информационном этапе педагог направляет свои усилия на сообщение базовых знаний обучающимся в рамках дисциплины. Доминирующая позиция педагога при этом информационная, а позиция обучающихся – рецептивная. На этом этапе характерны традиционные методы обучения: лекция, информационные доклады студентов и прочие.

На втором этапе в рамках совместной встречи с партнерскими организациями акцент на занятиях смещается в сторону проблемного обучения. Обучающиеся должны самостоятельно в диалоге с представителями партнерских организаций сформулировать имеющиеся реальные проблемы и предложить способ своего участия в снижении остроты данных проблем. Доминирующая позиция обучающихся на этом этапе – исследовательская, характерные методы обучения – экскурсия к партнерам, мозговой штурм, проблемная дискуссия.

На третьем этапе обучающиеся должны начать реальную добровольческую деятельность в партнерских организациях в рамках заключенных договоров добровольца и согласованных проектов. Педагог на этом этапе делит, как правило, обучающихся на проектные группы. На занятиях идет презентация промежуточных результатов проектов и их обсуждение. Педагог занимает позицию консультанта, тогда как задача обучающихся – применить полученные знания по дисциплине для реализации проекта.

На четвертом этапе происходит оценка и рефлексия студентами выполненной деятельности и достигнутых результатов. Задача педагога – занять позицию фасилитатора. Обмен мнениями о реализованных проектах, суждения о трудностях и успехах желательны в присутствии представителей партнерских организаций. Формами реализации данного этапа могут быть конференции, встречи с партнерами.

Использование методов обучения, таких, как «обучение действием», в российских вузах только начинает развиваться. Основная причина этого – недостаток теоретических исследований в области разработки стратегий трансфера (управляемого переноса) педагогических инноваций из одной социокультурной среды в другую.

Исследования трансфера социально-педагогических инноваций сравнительно недавно стали предметом научного внимания. В Германии в 2010 г. была проведена экспертиза десяти федеральных программ в области образования – оценивалась их результативность по трансферу инноваций. Выводы экспертизы показали, что трансфер является недостаточно очевидным явлением. Без продуманной стратегии трансфера инновации не находят широкой поддержки [6].

В зарубежных исследованиях трансфера в настоящее время используется целый комплекс подходов. В работах немецких ученых Ейлера и Кутта в начале 1990-х годов были выделены следующие условия трансфера педагогических теорий: предметные условия, институциональные условия, личностные условия.

Согласно этим исследованиям, трансфер инновации должен рассматриваться как из контекста стороны, предлагающей инновацию, так и из контекста стороны, принимающей инновацию [7]. Исследователь Инка Борман в своей докторской диссертации рассматривает трансфер в контексте разных аспектов: предметный аспект (Что является предметом трансфера?); социальный аспект (Кто является участником трансфера?); временной аспект (Как долго длится трансфер?); пространственный аспект (Где проходит трансфер?); когнитивный аспект (Что является основой трансфера?); результативный аспект (Что в итоге трансфера?) [8].

Немецкими учеными была предложена оригинальная трактовка трансфера педагогических инноваций, названная «волновой моделью» [6, с. 493]. Идея заключается в рассмотрении трансфера инновации как управляемого процесса, зависящего от трех взаимосвязанных параметров: «личности», «содержания» и «социальной системы». Данная модель базируется на факте, что появление педагогической инновации связано с разработкой ее содержания определенной личностью и в условиях конкретной социальной системы. Эти три параметра определяют появление инновации в А-контексте. Трансфер педагогической инновации в Б-контекст также предполагает управляемое изменение названных параметров: по параметру «личность», например, необходимо создание мотивации и формирование определенного уровня знаний и компетенций для принимающей инновацию стороны; по параметру «содержание» требуется определение целей и индикаторов результатов успешного трансфера инновации; по параметру «социальная система» необходим выбор стратегии управления трансфером инновации.

Проведенный нами в 2009 г. эксперимент по внедрению метода «обучение действием» в вузе показал, что имеются барьеры как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов и партнерских организаций, которые делают процесс успешного трансфера затруднительным. Среди них можно назвать: 1) высокий уровень закрытости вуза и партнерских организаций, который только в единичных случаях позволяет реализовать идею инновации на качественном уровне; 2) попытки преподавателей-новаторов сделать прямой перенос зарубежных моделей не получают поддержки со стороны других преподавателей и студентов и приводят скорее к негативным, чем позитивным результатам; 3) трансфер метода «обучение действием» предполагает изменение учебного процесса не только на уровне отдельного преподавателя, но и на уровне факультета (вуза); 4) необходима специально организованная система совместной работы с партнерами вуза со стороны администрации вуза (договорные отношения, страхование студентов и др.).

Анализ немецкого опыта убеждает, что трансфер метода «обучение действием» актуален для российских вузов. На наш взгляд, в первую очередь важно учесть специфику конкретного вуза, а также создать внутривузовскую структуру, которая выступит посредником для контактов преподавателей и партнерских организаций, будет оказывать методическую помощь при разработке семинарских занятий по методу «обучение действием» и обеспечит информационное сопровождение успешного опыта через вузовский Интернет-сайт.

Библиографический список

1. What is service-learning. URL: <http://www.servicelearning.org/what-is-service-learning>
2. Service-Learning an Hochschulen. URL: <http://www.netzwerk-bdv.de/content/projekte/erfurt.html>
3. Gutes tun und gutes Lernen: Buergerschaftliches Engagement und Service-Learning an Hochschulen. URL: http://www.his.de/pdf/pub_fh/fh-200907.pdf
4. Summary volunteering study. URL: http://www.jugendfuereuropa.de/.../summary_volunteering_study.pdf
5. Всероссийская «Личная книжка волонтера». URL: www.social.jaba.ru
6. Nickolaus R., Gräsel C. Innovation und Transfer: Expertisen zur Transferforschung. Schneider Verlag, 2006.
7. Euler D. Transfer von Modellversuchsergebnissen: Bedingungen und Hinweise für die Gestaltung des Transfersprozesses // Modellversuchsforschung als Berufsbildungsforschung. 1995. S. 269–295.
8. Bormann I. Zwischenräume der Veränderung: Innovationen und ihr Transfer im Feld von Bildung und Erziehung. Habilitationsschrift – Berlin: Fachbereich Erziehungswissenschaft und Psychologie, 2009.

Yu.A. Mamedova
Organizational and Methodical
Conditions of Didactic Systems
Implementation

The results of the didactic learning tools complex application research are presented. Recommendations to organize didactic support of students' learning process are given.

Key words and word-combinations: learning tools complexes, structural and technical conditions, motivation of learning, activation, individualization, differentiation.

Представлены результаты исследований комплексного применения дидактических средств обучения. Даны рекомендации по организации дидактического сопровождения процесса обучения студентов.

Ключевые слова и словосочетания: комплексы средств обучения, конструктивно-технические условия, мотивация обучения, активизация, индивидуализация, дифференциация.

УДК 371.3
ББК 74.202

Ю.А. Мамедова

**ОРГАНИЗАЦИОННО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ
ДИДАКТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

В настоящее время рациональная организация учебного процесса профессиональной подготовки специалистов развивается на основе подходов, связанных с проектированием и комплексным применением средств обучения.

Дидактическая технология проектирования комплексов средств обучения и методика их применения являются ведущими факторами, определяющими их положительное влияние на эффективность и качество профессионального обучения. Результаты исследований, проведенных в Центре развития высшего и среднего специального профессионального образования Республики Узбеки-

тан, показывают, что комплексное применение дидактических средств обучения способствует повышению мотивации обучения учащихся; обеспечению наглядности процесса обучения; мобилизации внимания учащихся, развитию у них навыков наблюдения, воображения, мышления; интенсификации процесса передачи и восприятия учебного материала и сокращению времени на обучение; активизации, индивидуализации и дифференциации самостоятельной учебно-познавательной и практической деятельности учащихся; научной организации и оптимизации процесса управления учебной деятельностью учащихся со стороны педагога; обеспечению обратной связи (внешней и внутренней) в процессе обучения и объективности контроля и самоконтроля за ходом и результатами обучения; повышению объема и качества усвоения и формирования профессиональных знаний, умений и навыков. При этом повышение эффективности и качества профессиональной подготовки зависит не столько от количества и многообразия используемых в учебном процессе средств обучения, сколько от научно обоснованного определения их роли и места, целесообразного их выбора и сочетания, а также от методически правильного применения средств обучения [1].

Под организационно-педагогическими условиями реализации дидактических систем, на наш взгляд, следует понимать совокупность исходных организационных, дидактических, методических и конструктивно-технических факторов, требований и правил, от которых зависит эффективность проектирования и комплексного применения средств обучения и которые необходимо учитывать в процессе их использования.

К числу *организационных и дидактических* условий относятся: подготовленность педагога к применению средств обучения; владение научно обоснованной дидактической технологией проектирования комплексов средств обучения; наличие практических умений по комплексному применению средств обучения в учебном процессе и их обслуживанию; оснащенность учебного процесса дидактическими средствами обучения. *Методическими* условиями являются: наличие методических рекомендаций и методически правильное применение дидактических средств; учет и реализация дидактических принципов и закономерностей процесса обучения; мотивация учебной деятельности учащихся и учет их индивидуальных психофизиологических возможностей в процессе учебно-познавательной и практической деятельности при использовании средств обучения; критерии оценки эффективности комплексного применения средств обучения и правильное их применение. В качестве *конструктивно-технических* условий могут быть названы: эргономичность и эстетичность дидактических средств обучения; надежность и безопасность эксплуатации средств обучения, их ремонтпригодность. Важнейшими *внешними* условиями успешной реализации дидактических систем являются: подготовленность педагога к проектированию и применению дидактических средств обучения; владение технологией дидактического проектирования комплексов средств обучения; наличие у педагога практических умений в использовании (эксплуатации и обслуживании) различных видов технических средств обучения [1; 2].

Выбор видов и комплексов средств обучения на каждый конкретный урок – процесс индивидуально-творческий. Главное место в нем отводится самой сущности (технологии) процесса выбора, которая заключается в умении устанавли-

вать связи средств с основными компонентами методической системы обучения. Фактор индивидуального стиля работы каждого преподавателя и достигнутый уровень подготовленности учащихся вносят в выбранный комплекс средств обучения свои коррективы. Указания, рекомендации, технологии по комплексному обеспечению учебного процесса средствами обучения призваны оказывать действенную помощь инженерно-педагогическим работникам учебных заведений, но не могут учесть всех факторов и условий, с которыми встретится преподаватель в своей практической деятельности [1; 2].

Эффективность обучения зависит не только от правильного, обоснованного определения вида, роли и места имеющихся дидактических материалов в учебном процессе, но и от технического, конструктивного совершенства средств обучения. Систематизирующим фактором этих внутренних условий выступает описанная в методических рекомендациях методика эффективного комплексного применения дидактических средств обучения. Методика комплексного применения средств обучения должна исходить из общих психологических условий и закономерностей формирования профессиональных знаний, умений и навыков, дидактических принципов, форм и методов обучения. В ней должны быть учтены основные положения и принципы успешности проведения педагогического процесса, цели и задачи обучения, методы, приемы и способы организации совместной деятельности педагога и учащихся, место и роль, функциональные возможности средств обучения в их поддержке и реализации, контроле и управлении учебным процессом, критерии оценки достигнутых результатов усвоения знаний, умений и навыков [2; 3].

Многообразие видов средств обучения и широкие дидактические возможности создают условия для систематического использования комплексов на уроках теоретического и производственного обучения. Однако следует помнить, что качество учебных занятий и степень усвоения знаний учащимися, уровень сформированности у них умений и навыков зависят от используемых методик, которые должны учитывать предметное содержание учебного материала, его специфику, тему, цели и задачи обучения, степень сочетания средств обучения с формами и методами работы преподавателя или мастера производственного обучения.

Для реализации общеметодических положений разрабатываются частные методики преподавания как способы и приемы изучения конкретной учебной дисциплины. В этих частных методиках обычно и должно указываться место, роль и способы применения различных видов и комплексов средств обучения. Такие методические указания, рекомендации и составляют методику комплексного применения средств обучения в процессе преподавания учебного предмета.

Методика применения средств обучения – производная часть, элемент частной методики обучения. Ее целью является обоснование и обеспечение выполнения комплексом средств обучения некоторых элементов совместной учебной деятельности педагога и учащихся. Методика применения этих средств в первую очередь должна дать ответ на следующие вопросы: где, когда, какими способами реализуются те или иные элементы учебной деятельности?

Только правильное сочетание средств обучения, отвечающее особенностям изучаемого вопроса и учебно-познавательной деятельности учащихся, дает воз-

возможность достигнуть наилучших результатов. Комплексное применение средств обучения способствует повышению их роли в управлении процессом обучения.

Реализация факторов управления обычно осуществляется посредством использования педагогом различных методов обучения – словесных, наглядных, практических. При словесных методах преобладают слово и образ, при наглядных и практических – действие, образ и слово. Средства обучения позволяют педагогу более полно реализовать все эти факторы управления. Одновременно следует подчеркнуть, что средства обучения, применяемые в комплексе, дают возможность усилить и информационную функцию слова, образа и действия как структурных элементов значительной части учебного материала.

Средства обучения не заменяют и не могут заменить педагога, а их использование дает положительный педагогический эффект лишь в том случае, если они в полной мере связаны с изучаемым материалом и если учащиеся в состоянии определить, выявить эти связи. Поэтому очень важно, чтобы каждый вид средств, включенных в комплекс, составлял органичную его часть и способствовал активизации познавательной деятельности учащихся, развитию их наблюдательности, внимания, способности к анализу и обобщению учебного материала, к осмыслению практической деятельности [2].

Следовательно, важно особо подчеркнуть роль преподавателя на уроке с использованием комплекса средств обучения. Комплексное применение средств обучения вызывает изменения в структуре урока, в содержании деятельности преподавателя и учащихся, при этом уменьшается, например, время, в течение которого преподаватель сам излагает учебный материал, и увеличивается время, отводимое на самостоятельную работу учащихся. Поскольку в процессе обучения не только передаются знания, вырабатываются умения и навыки, но и осуществляется воздействие личности преподавателя на учащихся, в ходе которого формируются их мировоззрение, нормы поведения, то замена педагога средствами обучения неизбежно обеднит и нарушит учебно-воспитательный процесс [2; 3].

Педагогический эффект комплексного использования средств обучения зависит и от частоты их применения. При систематическом комплексном их использовании у учащихся вырабатывается умение работать с ними, устанавливается устойчивое внимание. Для достижения максимальной эффективности комплексов средств обучения, кроме оптимального их объединения и систематического применения, необходимо учитывать еще два важных дидактических условия: 1) постоянное повышение уровня инженерно-технической и методической подготовки преподавателей и мастеров; 2) целенаправленную подготовку учащихся к восприятию и усвоению информации, получаемой ими при помощи комплекса средств обучения [2].

Комплексы средств обучения позволяют успешно реализовать две основные формы наглядности – зрительную и слуховую, если при использовании комплекса обеспечивается рациональное сочетание показа, рассказа (объяснения) и звукового сопровождения. Основными компонентами подобных комплексов являются аудиовизуальные средства или средства новых информационных технологий обучения. Они способны одновременно воздействовать на слуховые и зрительные анализаторы, повышая работоспособность учащихся и порождая

эффект присутствия, ощущения соучастия и сопричастности, подготавливая эмоциональную основу, на базе которой от чувственного образа легче перейти к абстрактному, логическому мышлению [1].

Необходимо проектировать, создавать и применять такие комплексы средств обучения, которые в полной мере отвечали бы образовательным стандартам и требованиям учебной программы, учитывали бы современное состояние производства, уровень его интеграции, новейшие достижения науки, техники и технологии. Своим содержанием и построением комплексы должны способствовать восприятию и усвоению учащимися отображенной в них информации, содействовать преподавателю в управлении учебно-познавательной деятельностью и формированием профессиональных умений и навыков у обучающихся. Педагогически обоснованный выбор средств обучения, рациональное объединение их в комплекс, методически правильная длительность и частота применения в значительной степени определяют прямое и эффективное воздействие этих дидактических условий на результаты учебного процесса и профессиональной подготовки в целом.

Библиографический список

1. Мархель И.И., Овакимян Ю.О. Комплексный подход к использованию технических средств обучения. М., 1985.
2. Новые средства обучения в учебно-воспитательном процессе: (трудовое обучение): метод. рекомендации / А.Я. Сова [и др.]. М., 1991.
3. Сопин В.И. Модель системы дидактического проектирования и применения комплексов средств обучения в процессе профессиональной подготовки по интегрированным группам профессий // Многоуровневое профессиональное образование: сб. статей и метод. рекомендаций. Сыктывкар, 1999. С. 60–76.

A.F. Naumov
Innovational Analysis
as a Scholarly Discipline:
Subject and Method

The subject and method of innovational analysis are considered as a component of the complex economic analysis of economic activities of an organization (enterprise).

Key words and word-combinations: analysis, innovational activities, innovations.

Рассматриваются предмет и метод инновационного анализа как составной части комплексного экономического анализа хозяйственной деятельности организации (предприятия).

Ключевые слова и словосочетания: анализ, инновационная деятельность, инновации.

УДК 330:657.01.5
ББК 65.011:65.052.2

А.Ф. Наумов

ИННОВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ПРЕДМЕТ И МЕТОД

В современных условиях инновации и инновационная деятельность являются единственной альтернативой инерционного энергосырьевого развития страны. Востребованность анализа проблем и оценки результатов

инновационного развития все больше проявляется как на уровне отечественной экономики в целом, так и в ее отдельных отраслях и хозяйствующих субъектах.

Однако неисследованными остаются многие направления анализа и контроля, имеющие важное теоретическое и прикладное значение. В частности, не разработаны вопросы формирования информационной базы, организации и проведения анализа и контроля инновационной деятельности, отсутствуют единые подходы к определению системы показателей анализа и методов оценки рисков нововведений. Вне сферы активных разработок остаются методические аспекты анализа, оценки и внутрихозяйственного контроля инноваций и инновационной деятельности, без чего невозможно или крайне затруднено применение накопленного потенциала в практической учетно-аналитической работе коммерческих организаций [1, с. 5].

Инновации и инновационная деятельность не рассматриваются в качестве самостоятельных объектов бухгалтерского учета, отсутствуют их учетно-аналитические определения и классификации, которые позволили бы выделять их по сравнению с иными, не инновационными (традиционными) видами деятельности. Следовательно, анализ и оценка инноваций не включены в систему комплексного экономического анализа. Недостаточно развиты представления о внутренней структуре и взаимосвязях данного направления экономических исследований.

Таким образом, текущее состояние теории и практики инновационного анализа не отвечает потребностям эффективного управления современными организациями. В то же время от молодых специалистов в области бухгалтерского учета требуется владение современными подходами к анализу инновационной деятельности и оценке инноваций.

Основная образовательная программа подготовки экономистов по специальности 080109.65 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» в цикле специальных дисциплин содержит рекомендательный примерный перечень дисциплин по выбору студента. В их число входит дисциплина «Инновационный анализ», которая в современных условиях экономического развития России является актуальной и содержательно дополняет такие дисциплины федерального компонента цикла, как «Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности», «Анализ финансовой отчетности» и другие [2].

По аналогии с анализом инвестиционной деятельности, то есть инвестиционным анализом, в образовательном стандарте [2] анализ инновационной деятельности именуется инновационным анализом. Цель дисциплины «Инновационный анализ» – формирование у студентов основ знаний и практических навыков в области анализа инновационной деятельности хозяйствующих субъектов и оценки эффективности инноваций и инновационных проектов.

Слово «анализ» в обыденной жизни трактуется достаточно широко. Аналитические методы получили такое распространение, что в настоящее время применяются как в естественных и гуманитарных науках, так и в практической деятельности. Процедура анализа является начальным этапом в изучении практически любого процесса или явления, когда исследователь переходит от простого описания к изучению внутренней структуры и взаимосвязей. Степень

детализации изучения влияния отдельных факторов в процессе анализа зависит от ряда обстоятельств. Первичных, неразложимых факторов, которые не могут быть представлены в качестве производной от других, практически не существует. Ограничение степени детализации того или иного фактора обуславливается стоящими перед аналитиком конкретными задачами.

Анализ инновационной деятельности, или инновационный анализ, изучает инновационные процессы организации (предприятия), ее инновационные потенциал и активность, эффективность инновационных проектов и мероприятий. Инновационная деятельность является одним из составляющих и актуальных в настоящее время видов практической (экономической, хозяйственной) деятельности хозяйствующих субъектов, поэтому положения, заложенные в определении предмета экономического анализа (анализа хозяйственной деятельности), в полной мере распространяются и на инновационный анализ.

В специальных литературных источниках встречаются различные подходы к определению предмета анализа хозяйственной деятельности [3; 4]. Самый простой из них, дошедший до нас со времен социалистической системы хозяйствования, определяет предмет экономического анализа как использование предприятием своих финансовых, материальных и трудовых ресурсов в соответствии с установленным планом. При этом объектом изучения выступают результаты хозяйственной деятельности предприятия, отраженные в системе экономической информации. Исходя из этого, предметом экономического анализа является изучение совокупности данных о финансово-хозяйственной деятельности предприятия и ее результатах, отражаемых в системе экономической информации в целях разработки мероприятий, направленных на повышение ее эффективности.

Однако инновационный анализ имеет специфику, обусловленную особенностями инновационной деятельности, которые в основном сводятся к следующему:

- состав, содержание и качество информации, которая привлекается к анализу, играют определяющую роль в эффективном инновационном развитии организации, поэтому инновационный анализ не ограничивается только экономическими данными, а широко использует научно-техническую, технологическую, статистическую, патентную и другую информацию;
- использование в производстве инновационной продукции уникальных ресурсов (специалистов высокой квалификации, лиц творческого труда, уникальных материалов, приборов и т.д.) предполагает анализ и оценку использования интеллектуального потенциала;
- высока вероятность получения неожиданных (не традиционных), но представляющих самостоятельную коммерческую ценность, промежуточных и / или конечных результатов, что предъявляет дополнительные требования к аналитическим подходам инновационного анализа;
- более высока степень риска и неопределенности производственных и финансовых результатов, сроков достижения намеченных целей организации при использовании отдельных методов анализа (например, трендового);
- объектами инновационного анализа (исследования) могут быть не только организации (предприятия) и их объединения, но и отдельные отрасли народ-

ного хозяйства, муниципальные образования, регионы (субъекты Федерации) и экономика страны в целом.

Учитывая изложенное, можно сформулировать следующее определение предмета инновационного анализа. *Предметом инновационного анализа* является изучение совокупности данных об инновационном потенциале и результатах инновационной деятельности объекта анализа, отражаемых в научно-технической, экономической, технологической, статистической, патентной, экологической, социальной и другой информации, с целью определения эффективности инноваций (инновационных проектов) и выявления факторов, способствующих и сдерживающих инновационное развитие субъекта [5].

Поскольку инновационный анализ является составной частью комплексного экономического анализа, сущность его метода можно сформулировать на основе метода экономического анализа.

Под методом любой науки в широком смысле слова понимается способ подхода к изучению явлений природы и общества. Специфические для различных наук способы подхода к изучению своего предмета базируются на всеобщем диалектическом методе познания, отличительной чертой которого является изучение явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Одной из характерных особенностей метода экономического анализа является представление хозяйственных процессов, происходящих на предприятии, в качестве результата разнонаправленного воздействия различных факторов. В ходе анализа изучается степень влияния на конечные результаты деятельности предприятия внешних и внутренних факторов, оценивается степень их положительного и отрицательного влияния на хозяйственные процессы.

Все хозяйственные процессы (включая инновационные) взаимосвязаны и взаимообусловлены и соответственно не должны рассматриваться в отрыве друг от друга. Однако это не исключает возможности (а порой и необходимости) логического обособления факторов в процессе экономических расчетов. При этом степень влияния каждого фактора на изменение исследуемого объекта определяется при условии, что влияние остальных факторов принимается неизменным.

Сущность свойственного анализу хозяйственной деятельности метода достаточно полно и подробно сформулирована профессорами С.Б. Барнгольц, Г.М. Тацием, другими учеными и применительно к современному этапу экономического развития России может быть определена следующим образом: *метод экономического анализа* представляет собой способ системного комплексного изучения и обобщения влияния отдельных факторов на результаты хозяйственной деятельности организации (предприятия), осуществляемой на основе имеющейся в распоряжении аналитика информации [4, с. 12]. Некоторые особенности метода экономического анализа в целом характерны и для метода инновационного анализа. Например, такая особенность, как системность и комплексность подхода к изучению предмета, достигается при помощи исследования объекта с учетом всех его внутренних и внешних связей и взаимозависимостей. Так, в производстве участок рассматривается как часть цеха, цех рассматривается как часть предприятия, предприятие – как часть холдинга и т.д. При этом деятельность анализируемого объекта оценивается не только с точки зрения достиже-

ния локальных целей, но и с точки зрения их согласованности с целями систем более высокого уровня.

Следующая особенность, характерная как для экономического, так и для инновационного анализа заключается в измерении влияния отдельных факторов на исследуемый объект и выделении наиболее существенных из них. Кроме того, общим является осмысление результатов анализа и разработка на их основе практических рекомендаций по повышению эффективности работы отдельных исполнителей, подразделений предприятия, выявление степени и направление влияния каждого из них на совокупный результат деятельности хозяйствующего субъекта.

Вместе с тем инновационный анализ отличают следующие характерные черты:

- комплексность изучения инновационной и интеллектуальной деятельности;
- рассмотрение инновационных процессов во взаимосвязи с другими хозяйственными процессами;
- выявление факторов и определение степени их влияния на инновационную деятельность и финансовые результаты организации;
- объектом могут быть не только хозяйствующие, но и другие субъекты (отдельные отрасли народного хозяйства, муниципальные образования, субъекты РФ, экономика страны в целом);
- результатом являются предложения (план мероприятий) по устранению недостатков и дальнейшему улучшению экономических и социальных показателей субъекта.

Исходя из определения метода экономического анализа, можно интерпретировать *метод инновационного анализа* как способ системного (комплексного) изучения инновационного потенциала и инновационной активности, установления результатов и эффективности инновационной деятельности, выявления факторов, способствующих и сдерживающих инновационное развитие хозяйствующего (или другого) субъекта на основе имеющейся в распоряжении аналитика информации [5].

Следует различать метод инновационного (или другого) анализа и методику, используемую при анализе.

В экономической литературе нет достаточно четкого разграничения между методами и методиками анализа [6, с. 39]. По нашему мнению, *метод анализа* – это способ достижения какой-либо цели либо решения конкретной задачи, а *методика анализа* – инструмент или механизм, с помощью которого реализуется метод анализа. Такой инструмент (механизм), как правило, состоит из набора специфических способов, приемов, критериев, показателей, индикаторов и моделей для измерения величин, систематизации данных и обобщения характеристик и свойств анализируемого объекта.

Совокупность способов измерения результатов, параметров, специальных приемов, критериев, показателей, индикаторов и моделей, которые являются основой алгоритма анализа и могут применяться для оценки инновационного потенциала и уровня инновационной активности, для определения результативности и эффективности инновационной деятельности и инновационных проектов, для выявления факторов, способствующих и сдерживающих иннова-

ционное развитие хозяйствующего (или другого) субъекта, составляет *методику инновационного анализа* [5, с. 41; 6]. Существующие методики инновационного анализа или оценки инновационного потенциала и результатов инновационной деятельности отличаются многообразием [7–12].

Способы и приемы инновационного анализа (по аналогии с экономическим анализом) иногда называют методами по причине уже сложившейся терминологии, хотя при проведении анализа они играют вспомогательную роль и обеспечивают возможность более организованного и рационального проведения отдельных этапов инновационного анализа.

В инновационном анализе применяются способы и приемы, традиционные для экономического анализа. В специальной литературе можно встретить различные способы экономического анализа, которые часто именуют методами. Наиболее простой из них – деление используемых в ходе аналитического исследования приемов на две основные группы: классические приемы экономического анализа и используемые в экономическом анализе модели, разработанные в рамках других наук.

К первой группе можно отнести сравнение, балансовый метод, факторный анализ, метод цепных подстановок и абсолютных разниц и т.д. В качестве основных методов, заимствованных экономическим анализом из других наук (вторая группа), можно выделить статистические и экономико-математические. К статистическим методам относятся методы статистического наблюдения, методы обработки и анализа статистических данных, методы средних и относительных величин, группировки, индексный метод и др. Экономико-математические методы включают корреляционный анализ, регрессионный анализ, методы оптимизации (симплекс-метод, теория игр и др.) и т.д. [10].

Все изложенное подводит к общему выводу: инновационный анализ – самостоятельная учебная дисциплина со своими специфическими особенностями, предметом, методом, методикой исследования и одновременно составная часть комплексного экономического анализа хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Ендовицкий Д.А., Коменденко С.Н. Организация анализа и контроля инновационной деятельности хозяйствующего субъекта / под ред. Л.Т. Гиляровской. М., 2004.
2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 060500 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». М., 2000.
3. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учеб. пособие / под ред. В.А. Колоколова, В.Я. Позднякова. М., 2009.
4. Бариленко В.И. Анализ финансовой отчетности: учеб. пособие. М., 2005.
5. Наумов А.Ф., Буров В.А. Инновационный анализ: учеб. пособие. Саратов, 2010.
6. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие / А.Н. Алексеева, Ю.В. Васильев, А.В. Малеева, Л.Н. Ушвицкий. М., 2007.
7. Трифилова А.А. Управление инновационным развитием предприятия. М., 2003.
8. Аньшин В.М., Филин С.А. Менеджмент инвестиций и инноваций в малом венчурном бизнесе: учеб. пособие. М., 2003.
9. Зинченко В.Н. [и др.] Принципы разработки и применения методики комплексной оценки инновационного потенциала промышленного предприятия // Инновации. 2005. № 5.

10. Анисимов Ю.П., Пешкова Н.В., Солнцева Е.В. Методика оценки инновационной деятельности предприятия // Инновации. 2006. № 11.

11. Сергеев В.А., Скобеева В.В., Баширов К.Э. Оценка и анализ инновационного потенциала Ульяновской области // Инновации. 2008. № 1.

12. Захарова А.А. Механизм управления инновационным развитием организации. Саратов, 2009.

Е.А. Koreneva
Criteria and Levels
of Preparedness of Future
Teachers to Work on Early
Intellectual Development
of Preschool Children

Preparedness of future teachers to work on early intellectual development of preschool children is studied. Criteria are identified and components of preparedness for this kind of activity are described. The factors that determine its formation and ensure the effectiveness and success of the process are substantiated.

Key words and word-combinations: preparedness as a goal and result of an activity, preparation of future teachers to work, early intellectual development of preschool children.

Исследуется готовность будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста. Выделены критерии и описаны компоненты готовности к данному виду деятельности. Обоснованы факторы, определяющие формирование и обеспечивающие действенность и успешность данного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: готовность как цель и результат деятельности, подготовка будущих педагогов к работе, раннее интеллектуальное развитие детей дошкольного возраста.

УДК 371.3:37.013.2
ББК 74.202+74p

Е.А. Коренева

КРИТЕРИИ И УРОВНИ
ГОТОВНОСТИ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
К РАБОТЕ ПО РАННЕМУ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ
РАЗВИТИЮ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Радикальные изменения в современном обществе, высокий динамизм его развития актуализируют роль и значение образования человека в обществе как абсолютной ценности и источника прогресса. Этим определяется современное направление реформирования системы многоуровневого образования, одной из ведущих целей которого становится подготовка будущих специалистов к профессиональной деятельности.

Понятие «готовность» является ключевым при характеристике целей, содержания и средств образования и широко представлено в психолого-педагогических исследованиях, где рассматриваются общетеоретические основы готовности, ее содержание и структура. Между тем само понятие «готовность» трактуется неоднозначно. Анализ научной литературы показывает, что авторы рассматривают профессиональную готовность и трактуют ее как установку и условие успешного

выполнения деятельности, при наличии способностей, знаний и навыков, необходимых для результативной деятельности [1–4]; особое психическое состояние и избирательную активность, направленные на выполнение профессиональной деятельности [5–9]; интегральное и структурированное качество личности или же способность успешно и активно усваивать знания, приобретать умения и навыки [10]; предпосылку и регулятор деятельности [11]; наличие определенных способностей личности к профессиональной деятельности [12, с. 101–108]; психологический и нравственный показатель личности или убежденность и умение осуществлять профессиональную деятельность [13].

Как видим, различные подходы к раскрытию готовности к профессиональной деятельности касаются не только психологических свойств личности, но и подразумевают процесс приобретения знаний и умение оперировать ими в профессиональной деятельности.

Решение проблемы подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста неразрывно связано с поиском ответа на вопрос о готовности молодых специалистов к данной профессиональной деятельности. В связи с этим рассмотрим психологический и педагогический компоненты готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Психологический компонент выражает мотивационный и эмоционально-волевой аспект. В него включены: потребность студентов в систематическом самосовершенствовании, стремлении ставить и достигать цели профессионального и личностного роста; способность к волевому напряжению при достижении этих целей; осознание социальной значимости самостоятельной, профессионально-творческой деятельности. *Педагогический компонент* содержит процессуально-деятельностный аспект и включает в себя усвоение студентами комплекса необходимых профессионально-педагогических знаний и умений.

Компонентный состав готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста определил выбор критериев, по которым можно судить об уровне сформированной готовности к профессиональной деятельности. В их число входят: профессиональная направленность, компетентность и способность к рефлексии.

В *профессиональной направленности* личности ведущую роль играет наличие убежденности в значимости раннего интеллектуального развития детей дошкольного возраста как действенного фактора развития интеллекта и актуального аспекта профессиональной деятельности, которая проявляется в высокой внутренней мотивации, познавательном интересе и личностно значимом смысле деятельности. *Компетентность* будущих педагогов определяется совокупностью профессионально значимых личностных качеств: профессиональным самосознанием, эффективным стилем деятельности, развитыми навыками педагогического общения, психологическими умениями, сформированной системой глубоких профессиональных знаний и умений, необходимых и достаточных для работы по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста, практической готовностью к их применению в профессиональной деятельности, умением проектировать и осуществлять свое профессиональное развитие.

Способность к рефлексии определяется наличием адекватной самооценки характера и уровня личной теоретической и практической подготовки, целенаправленного самообразования, профессионального саморазвития и самосовершенствования, сформированной ответственности за результаты своих действий в процессе подготовки студентов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей.

На основании выделенных критериев нами были определены три уровня готовности студентов к рассматриваемой педагогической деятельности, которые отличаются самостоятельным применением знаний, умений и навыков в будущей профессиональной деятельности, что нашло свое отражение в названиях предлагаемых уровней: *активно-творческий, действенно-практический и пассивно-познавательный*.

Методологическое обоснование уровневого подхода психических образований было дано С.Л. Рубинштейном [7], который считал, что все уровни связаны между собой и каждый предшествующий является подготовительным по отношению к последующему, более высокому. Каждый из последующих уровней, по мнению ученого, включает в себя все предыдущие и потенциально вносит в них новые качественные изменения. Выделяя уровни готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей, мы исходили из иерархических отношений между уровнями формируемых качеств и понимания готовности к данной деятельности как структурного потенциала непрерывного образовательного процесса. Это означает, что подготовка студентов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста начинается с постановки и осознания важности цели, определения способа достижения цели и принятия решения действовать в соответствии с поставленной целью. Переход от одного уровня к другому не предполагает исключение предыдущего уровня, наоборот – знания, умения и навыки, полученные на предыдущем уровне, являются базой для их переосмысления и углубления на новом, более высоком уровне.

В соответствии с обозначенными критериями возможно представить качественную характеристику уровней готовности будущих педагогов к работе по интеллектуальному развитию детей раннего дошкольного возраста.

Активно-творческий уровень готовности проявляется ярко выраженной и осознанной мотивационной установкой на получение знаний и практических навыков по раннему интеллектуальному развитию детей, в гуманном отношении к детям раннего возраста, способностью самостоятельно и творчески владеть умениями и навыками, необходимыми для раннего интеллектуального развития детей дошкольного возраста. Данный уровень предполагает быстрое, точное решение педагогических задач с учетом перспективы развития личности дошкольника, его психических и возрастных возможностей. В педагогической деятельности молодого специалиста присутствует стремление не только творчески использовать, но и проектировать стратегии раннего интеллектуального развития детей дошкольного возраста.

Высокоразвитая рефлексивная позиция студентов проявляется в позитивной профессиональной «Я-концепции», адекватной самооценке своих действий, в

позитивном отношении к критике, преодолении возникших трудностей, готовности пополнять и углублять знания, совершенствовать свои навыки. У них наблюдается устойчивое стремление к поиску, постоянному творческому самосовершенствованию, корректировке полученных результатов. Они отличаются желанием наиболее полно реализовать себя в педагогической деятельности по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Действенно-практический уровень характеризуется достаточно высокими показателями готовности к педагогической деятельности, наличием у студентов осознания профессиональных целей, мотивов и планов, что проявляется, например, в желании получать хорошие отметки, присутствии ценностно-мотивационной установки на интеллектуальное развитие детей дошкольного возраста как важного средства их психического развития, признании значимости умственного развития детей раннего возраста.

Студенты, находящиеся на данном уровне, характеризуются ситуативным включением полученных знаний в практическую деятельность, неспособностью максимально реализовать свои возможности из-за отсутствия уверенности в том, что могут ее эффективно выполнять. Их практические умения детерминированы устойчивыми базовыми психолого-педагогическими и специальными знаниями, методологическими основами и спецификой работы с детьми раннего дошкольного возраста. В то же время студенты не владеют в достаточной степени «техникой» их применения в практической деятельности. Это находит свое выражение в недостаточно развитых практических умениях, в невозможности отойти от стандартных подходов в работе с детьми раннего возраста. Любые нестандартные педагогические ситуации у студентов вызывают затруднения в анализе и выборе способов решения, не позволяют эффективно реализовать намеченные планы. Рефлексивные способности таких студентов недостаточно развиты, и это отчетливо проявляется в неадекватной самооценке, в неточности прогнозирования результатов деятельности, неуверенных самостоятельных действиях по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста, недостаточной способности корректировать профессиональную деятельность при неожиданном изменении условий.

Пассивно-познавательный уровень характеризуется узкоутилитарной мотивацией студентов к работе по раннему развитию детей, пассивным отношением к перспективе заниматься данной деятельностью. Это проявляется в ограниченном объеме базовых психолого-педагогических и специальных знаний, незаинтересованности в получении новой информации, затруднениях в определении сущности раннего интеллектуального развития детей дошкольного возраста.

Несформированность практических умений по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста в рассматриваемом варианте выражается в преимущественной ориентации на словесные методы воздействия, формальном владении методами интеллектуального развития детей раннего возраста, решении педагогических задач по заданному алгоритму, без учета конкретной ситуации, индивидуальных и психических особенностей данной категории детей. Неразвитость рефлексивной позиции студентов проявляется в отсутствии эмпатии и педагогической децентрации, непонимании их важности в педаго-

гической деятельности и в профессионально личностном росте, в отсутствии познавательного интереса, стремления к корректировке действий, в неумении прогнозировать и адекватно оценивать свои возможности по раннему интеллектуальному развитию детей. При отсутствии стремления к овладению знаниями и навыками учебная деятельность студентов носит ситуативный характер без ориентации на перспективу.

Выделенные уровни готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста находятся в иерархических отношениях, то есть реализация нижестоящего является необходимым условием для освоения последующего.

Формирование более высокого уровня готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста возможно при взаимодействии следующих факторов:

социальных – которые определяют социальные условия и общественный заказ на формирование специалиста, готового к деятельности по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста;

личностных – которые составляют цель и результат формирования готовности будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста;

образовательных – которые обосновывают деятельность высших образовательных учреждений, способных целенаправленно формировать готовность студентов к раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста;

информационных – которые содействуют осознанию значимости раннего интеллектуального развития детей дошкольного возраста будущими педагогами через средства массовой информации, изучение педагогической и психологической литературы, Интернет-ресурсы.

Выделенные критерии и уровни готовности студентов к профессиональной деятельности и исследование различных факторов, влияющих на готовность к данной деятельности, являются важнейшими показателями успешной подготовки будущих педагогов к работе по раннему интеллектуальному развитию детей дошкольного возраста.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные педагогические труды. М., 1980.
2. Вопросы формирования готовности к профессиональной деятельности: экспресс-информация / отв. ред. Ю.К. Васильев. М., 1978.
3. *Крутецкий В.А.* Педагогические способности как профессионально значимые качества активной личности учителя. М., 1983.
4. *Тельтевская Н.В.* Формирование системы профессионально-педагогических знаний: теоретический аспект. Саратов, 2002.
5. *Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А.* Психологические проблемы готовности к педагогической деятельности. Минск, 1996.
6. *Беспалько В.П.* Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательных процессов подготовки специалистов. М., 1989.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002.
8. *Сериков В.В.* Формирование у учащихся готовности к труду. Волгоград, 1964.

9. *Сластенин В.А.* Формирование личности учителя советской школы в процессе профессиональной подготовки. М., 1976.

10. *Калмыкова З.И.* Обучаемость и принципы построения методов ее диагностики. М., 1975.

11. *Яковлева Н.М.* Подготовка студентов к творческой воспитательской деятельности. Челябинск, 1991.

12. *Узнадзе Д.Н.* Общее учение об установке: хрестоматия по психологии. М., 1987.

13. *Шадриков В.Д.* Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 26–31.

E.G. Marchuk
Features of Pedagogical
Approaches and Principles
at School Children Intellectual
Competence Formation

The results of an experimental research of the process of school children intellectual competence formation in educational process are presented. The correlation between pedagogical approaches and principles that ensure the efficient formation of school children intellectual competence is defined and shown.

Key words and word-combinations: intellectual competence, intellectual activity organization, pedagogical approaches, pedagogical principles.

Представлены результаты экспериментального исследования процесса формирования интеллектуальной компетентности школьников в образовательном процессе. Установлены и показаны взаимосвязи педагогических подходов и принципов, обеспечивающие эффективное формирование интеллектуальной компетентности учащихся.

Ключевые слова и словосочетания: интеллектуальная компетентность, организация интеллектуальной деятельности, педагогические подходы, педагогические принципы.

УДК 373+371.3

ББК 74.2+74.202

Е.Г. Марчук

ОСОБЕННОСТИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ И ПРИНЦИПОВ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ
ШКОЛЬНИКОВ

Суть современного полного общего среднего образования состоит в формировании у школьника итоговой способности к самостоятельной интеллектуальной деятельности. Школа оказывается обязанной заботиться о жизненном успехе и благополучии своего выпускника в современном обществе [1]. В связи с этим теория компетенций, лежащая в основе компетентностного подхода, становится все более актуальной для мировой педагогической науки и практики. Соответственно образовательный процесс организуется на ценностях самостоятельной интеллектуальной деятельности и творческой реализации личности.

Однако, как показывает практика, в школе все еще доминирует ориентация на обучение с целью формирования знаний, умений, навыков. По-прежнему главное внима-

ние уделяется предметной стороне, основывающейся на репродуктивных методах работы учителя с учащимися. Формы организации учебного процесса и взаимодействия между его участниками в недостаточной степени способствуют приобретению опыта самостоятельной интеллектуальной деятельности.

Изучение психолого-педагогической литературы и анализ опыта работы показали, что интеллектуальная компетентность не может быть изолирована от конкретных условий ее реализации. О ее развитии имеет смысл говорить только тогда, когда она проявляется в какой-либо ситуации, предполагающей мобилизацию способностей, настроенных на условия конкретной деятельности [2, с. 156]. На наш взгляд, формирование интеллектуальной компетентности школьника более эффективно, если творчески и последовательно применять комплекс соответствующих педагогических подходов и принципов.

До настоящего времени не выработано общеупотребимого определения интеллектуальной компетентности. По нашему мнению, под интеллектуальной компетентностью можно предложить понимать способность и готовность учащегося к пониманию специфики своих мыслительных операций, а также стремлению их оттачивать и совершенствовать; выполнению заданий, требующих креативного подхода в их решении; совершению операций анализа и синтеза; произведению логических умозаключений; оперированию отвлеченными понятиями; структурированию поступающей информации.

Процесс формирования интеллектуальной компетентности, по нашему убеждению, будет результативным, если в его основу положено взаимодействие системного, деятельностного, личностно-ориентированного, средового и компетентностного педагогических подходов.

Системный подход выступает общенаучной основой исследования. Он обеспечивает рассмотрение организации процесса и результата деятельности по формированию интеллектуальной компетентности обучающихся как педагогической системы, в состав которой входят смысловые компоненты, объединенные между собой связями и системообразующими факторами. Педагогическая система формирования компетентностей обучающихся является подсистемой современного общего образования, воплощая в себе основные его системообразующие факторы и особенности и обуславливая возможности конструктивного изменения с сохранением системного единства.

Деятельностный подход обеспечивает становление личности обучающегося, требует учитывать закономерности и характер ведущих видов деятельности, способствующих возникновению психических новообразований личности. В рамках гуманистической парадигмы образования он обуславливает активную позицию педагога в направлении формирования у обучающихся интеллектуальной компетентности [3]. Адресованные школьнику вопросы, замечания, задания стимулируют его активность, поддерживают и направляют учебную деятельность без излишнего фиксирования ошибок, промахов, неудачных действий.

Личностно-ориентированный подход служит конкретно-научной основой образовательного процесса и предполагает выявление практических аспектов решения изучаемой проблемы с ориентацией на разработку специального про-

ектирования формирования интеллектуальной компетентности обучающихся. Этот подход позволяет осуществить построение данного процесса на основе принятия личности обучающегося как наивысшей ценности, обеспечения учета возрастных и индивидуальных особенностей обучающегося, определения специфики роли и места субъектов образования [4].

Средовой подход основан на понимании образования сквозь призму условий, необходимых для становления человека. В связи с этим следует рассматривать среду школы как фактор образования и развития обучающихся. Этот подход позволяет определить организационно-педагогические условия, при которых процесс формирования интеллектуальной компетентности обучающихся будет протекать эффективно.

Компетентностный подход используется в качестве важнейшего критерия отбора содержания образования и разработки учебных программ с ориентацией на формирование у обучающихся ключевых компетентностей. Ориентирующие педагогов на компетентностный подход к организации учебного процесса цели образования предполагают смену требований к существующим образовательным технологиям и критериям оценки результатов обучения. Для педагогов набор ключевых учебных компетентностей выступает в роли ориентира при разработке учебно-методических комплексов и построении образовательного процесса в компетентностном формате.

Перечисленные педагогические подходы определяют ключевые педагогические принципы: преемственности, мотивации учения и труда, гуманизации, культуросообразности, единства и непротиворечивости действий учебного заведения и образа жизни обучаемого.

Принцип преемственности призван разрешать противоречия между необходимостью обеспечения целостности общего образования и дискретным характером обучения. Под преемственностью большинство исследователей понимают передачу чего-либо от предшествующего к последующему. Сущность поступательной преемственности при обучении заключается в преобразовании настоящего и обосновании программы будущего с опорой на прошлое. Поскольку единый процесс обучения является механизмом осуществления преемственности поколений в различных областях, то успешно может протекать лишь при соблюдении преемственности между его отдельными этапами и составными частями.

Принцип преемственности обучения обусловлен объективно существующими этапами познания, взаимосвязью чувственного и логического, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного. Преемственность касается содержания обучения, его форм и способов, стратегий и тактик взаимодействия субъектов в учебном процессе, личностных новообразований обучаемых. Она позволяет объединить отдельные учебные ситуации в единый целостный учебный процесс постепенного освоения закономерных связей и отношений между предметами и явлениями мира. В каждый временной интервал обучения педагог решает конкретные задачи, связь и преемственность которых создают условия для перехода учащихся от простого к более высокому уровню интеллектуальной компетентности.

Последовательность в обучении позволяет разрешить противоречие между необходимостью формирования системы знаний, умений и навыков по предметам и целостного концептуального видения мира. Прежде всего это обеспечивается системным построением программ и учебников с учетом внутри- и межпредметных связей. Системный подход к обучению позволяет более четко структурировать учебный материал, создать комплекты учебных и наглядных пособий по изучаемым учебным предметам. Системное структурирование требует вычленения в изучаемом материале ведущих понятий и категорий, установления их связей с другими понятиями.

В образовательной практике принцип преемственности реализуется в процессе тематического планирования, когда педагог намечает последовательность изучения отдельных разделов, тем, вопросов, отбирает содержание, намечает систему уроков и других форм организации процесса обучения, планирует усвоение, повторение, закрепление материала и формы контроля. При поурочном планировании учитель располагает содержанием темы таким образом, чтобы исходные понятия изучались ранее, а интеллектуальные задания следовали бы за изучением теории.

Принцип мотивации подразумевает создание педагогической системы, побуждающей школьников к активности, расширению коммуникативных навыков взаимодействия. Выполнение требований принципа мотивации учения создает такие условия, при которых потребность учеников в знаниях опережает процесс их приобретения, а формирование у учащихся знаний и умений происходит осознанно. Важно понимать системообразующую роль школьника в организации учебно-воспитательного процесса на всех уровнях, поэтому принцип мотивации наиболее успешно воплощается, если педагог применяет в своей деятельности личностно-ориентированный подход.

Формированию интеллектуальной компетентности школьников содействует выполнение требований принципа гуманизации образования, который включает в себя в первую очередь гуманное отношение к личности школьника, а также уважение его прав и свобод. Смыслообразующей функцией педагогической деятельности в соответствии с данным принципом становится развитие школьника, своеобразие и неповторимость его личности как субъекта познания, общения, деятельности. По очевидной причине наиболее полноценное раскрытие принципа гуманизации образования происходит в случае применения личностно-ориентированного подхода в обучении. Настоящей проблемой является практическое воплощение данного принципа в работе не только педагогических коллективов, но и каждого педагога в отдельности.

Принцип культуросообразности предполагает максимально использовать при формировании интеллектуальной компетентности культуру той среды, в которой находится учебное заведение. Таким образом, наиболее полно он раскрывается в средовом подходе.

Реализация принципа единства и непротиворечивости действий учебного заведения и образа жизни школьников должна привести к повышению взаимной ответственности педагогов и их учеников за результаты формирования интеллектуальной компетентности, установлению прочных связей и отноше-

ний между всеми сферами жизнедеятельности учащихся. Глубже понять этот принцип позволяет деятельностный подход. Сам же принцип направлен на организацию комплексного педагогического процесса, а также установления связей между всеми сферами жизнедеятельности учащихся.

Как представляется, использование перечисленных педагогических подходов и принципов обеспечивает формирование высокого уровня интеллектуальной компетентности школьников. Это подтверждается экспериментальным исследованием, которое проводилось на уроках биологии в гимназии № 5 г. Саратова.

В педагогическом эксперименте принимали участие учащиеся 10–11-х классов. Эксперимент осуществлялся в естественных условиях в рамках текущего учебного процесса и состоял из двух этапов: констатирующего и формирующего.

Для анализа результатов проводилась диагностика уровня формирования интеллектуальной компетентности у школьников в образовательном процессе. Она позволила сделать предположение, что на момент проведения констатирующего этапа эксперимента учащиеся обеих групп (экспериментальной и контрольной) в основной своей массе были на одном уровне формирования интеллектуальной компетентности – репродуктивном.

Повторная диагностика показала, что в экспериментальной группе процент учащихся с репродуктивным уровнем формирования интеллектуальной компетентности стал значительно ниже, чем в контрольной (экспериментальная группа – 3%, контрольная группа – 78%). Процент учащихся с креативным уровнем сформированности интеллектуальной компетентности в экспериментальной группе оказался значительно больше, чем в контрольной (82% против 2%). Результаты сравнения уровней формирования интеллектуальной компетентности учащихся экспериментальной и контрольной групп представлены в таблице.

**Динамика формирования
интеллектуальной компетентности школьников
в образовательном процессе, %**

Уровень сформированности	Экспериментальная группа (53 человека)		Контрольная группа (54 человека)	
	Констатирующий эксперимент	Формирующий эксперимент	Констатирующий эксперимент	Формирующий эксперимент
Репродуктивный	85,0	3,0	79,4	78,0
Эвристический	13,0	15,0	19,6	20,0
Креативный	2,0	82,0	1,0	2,0

Из данных, полученных в результате констатирующего и формирующего экспериментов, наглядно видно, что в экспериментальных классах произошел рост показателей, определяющих интеллектуальную компетентность школьников в образовательном процессе. Наше исследование доказало эффективность и перспективность выделенных педагогических подходов и принципов к процессу формирования интеллектуальной компетентности школьников.

Библиографический список

1. Бермус А.Г. Критерии качества непрерывного образования // Славянская педагогическая культура. 2003. № 2. С. 129–131.
2. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд. СПб., 2002.
3. Бондаревская Е.В. Воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов / Ростовский гос. пед. ун-т. Ростов н/Д, 1995. С. 8–9.
4. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе // Советская педагогика. 1996. № 9. С. 5–6.

K.S. Kuznetsova
The Model of Schoolchildren
Pedagogical Support
in the Development
of Emotional Intelligence

The importance of pedagogical support of schoolchildren emotional intelligence formation in the context of modern society is shown. Stages of such pedagogical support, as well as criteria and indicators of children's emotional intelligence correlated with their corresponding levels are presented.

Key words and word-combinations: emotional intelligence, pedagogical support, formation, stages, criteria, indicators.

Показана значимость педагогического сопровождения процесса формирования эмоционального интеллекта школьников. Представлены этапы подобного сопровождения, а также критерии, показатели эмоционального интеллекта детей, соотнесенные с соответствующими им уровнями.

Ключевые слова и словосочетания: эмоциональный интеллект, педагогическое сопровождение, формирование, этапы, критерии, показатели.

УДК 371.4
ББК 74.200

К.С. Кузнецова

**МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ
ШКОЛЬНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
ИНТЕЛЛЕКТА**

В настоящее время многих исследователей в области педагогики и психологии привлекает к себе проблема связи чувств и разума, эмоционального и рационального, их взаимодействия и взаимовлияния.

Традиционно считалось, что совершенствование умственного развития индивида является залогом его благополучия в жизни, поэтому основное внимание уделялось академическим знаниям, повышению уровня IQ – коэффициента умственного развития человека. Однако в настоящее время наряду с академическим интеллектом выделяют интеллект эмоциональный, позволяющий человеку с помощью грамотного управления эмоциональной сферой положительно влиять на собственную социальную адаптацию и достижение намеченного. Согласно исследованиям современных ученых (И.Н. Андреева, Р. Бар-

Он, Д. Гоулман, Д.В. Люсин, Дж. Мэйер, А.И. Савенков, П. Сэловей и др.) 80% успеха в социальной, личной и профессиональной сферах жизни зависит именно от уровня эмоционального интеллекта и лишь 20% – от IQ [1–6].

По нашему мнению, эмоциональный интеллект следует трактовать как сложное психическое образование, имеющее одновременно и когнитивную, и личностную природу. Он включает в себя способности определять и идентифицировать собственные эмоции и эмоции окружающих, а также анализировать полученную эмоциональную информацию и использовать ее в мышлении и деятельности. Эмоциональный интеллект выражается в направленном на гармонизацию своих отношений с другими людьми и достижение намеченных целей разумном управлении чувствами и эмоциями.

Совершенствование эмоциональной культуры необходимо для адекватного роста психики каждого индивида. Задача педагогов заключается в оказании содействия детям в освоении умений и навыков, формировании и развитии способностей правильно понимать и контролировать собственные эмоции. Это дает возможность растущему человеку успешно функционировать в его последующей взрослой жизни [7, с. 203].

Современная школа, несмотря на инновационную направленность образования, фактически не в состоянии обеспечить полноценное совершенствование эмоциональной сферы детей, развитие их эмоциональных способностей. Сложившаяся система обучения и воспитания подрастающего поколения в малой степени создает благоприятные условия для социальной успешности, адаптированности к жизни, способности к личностному и профессиональному самоопределению, постановке целей и их удачному достижению. С момента, когда ребенок начинает посещать детский сад, и до периода окончания высшего учебного заведения ему дается большой объем знаний для развития академического интеллекта, целенаправленная работа в сфере эмоций не получает должного внимания.

Несмотря на значительный объем исследовательских работ, проблема педагогического обеспечения процесса развития эмоционального интеллекта детей разработана недостаточно. Отсутствует как теоретико-методологическое обоснование, так и комплексная программа педагогического сопровождения детей в процессе развития эмоционального интеллекта. Не разработаны практические рекомендации и алгоритм последовательности действий для специалистов, осуществляющих подобную деятельность. Немало трудов посвящено программам по развитию эмоционального интеллекта (И.Н. Андреева, С.П. Деревянко, Нгуен Минь Ань, Л.М. Новикова, И.А. Юрасов; размещенные на посвященном эмоциональному развитию детей сайте «Дети-академики» материалы и др.) [8–13]. Но в подобных работах данный вопрос рассматривается как отдельный аспект образовательной деятельности, представляющий собой исключительно программу занятий и не подразумевающий разработку комплексного педагогического сопровождения процесса развития эмоционального интеллекта.

Обобщение полученных нами данных позволяет констатировать целесообразность повышения уровня эмоционального интеллекта школьников, создания для этого благоприятных условий и полноценных возможностей посредством

осуществления педагогического сопровождения процесса развития у них эмоционального интеллекта. Подобное педагогическое сопровождение представляет собой комплекс мероприятий, направленных на продуктивное усвоение коррекционно-развивающей программы. Оно предполагает, помимо проведения непосредственно занятий, первоначальную, промежуточную и итоговую диагностику уровня эмоционального интеллекта учащихся, систематическое отслеживание процесса реализации и степени эффективности программы, своевременное оказание помощи школьникам в преодолении трудностей, разработку индивидуальных образовательных траекторий.

Нами разработаны этапы реализации данной деятельности. На наш взгляд, прежде чем непосредственно осуществлять педагогическое сопровождение, необходимо создать комфортную доверительную атмосферу в школе, разработать алгоритм педагогической деятельности, грамотно подготовить преподавательский состав к реализации поставленных задач.

Под педагогическим сопровождением подразумевается вид деятельности, который заключается в сопровождении педагогами процесса приобретения ребенком определенных знаний, умений или навыков, развитии желаемых качеств, незаметном контроле, наблюдении, оказании помощи при необходимости, систематическом отслеживании состояния школьника, своевременной реакции на его запрос о взаимодействии, а также в уважении индивидуальных особенностей, интересов и потребностей личности. Предлагаемый авторский вариант педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта у школьников включает следующие этапы:

1. *Мотивационно-организационный этап* предполагает осуществление деятельности по согласованию вопроса целесообразности развития эмоционального интеллекта детей в пределах данного учебного заведения. Координирование значимости педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта выражается в коллективном обсуждении цели и смысла, возможных последствий, как положительных, так и отрицательных, а также подходящих вариантов программ, возможных форм, методов и средств реализации намеченного. Данная деятельность осуществляется посредством проведения педагогического совета школы, родительского собрания с участием школьников, а также работы психолого-педагогической комиссии. Основными задачами комиссии в рамках подобного этапа можно считать следующие: определение наиболее подходящей программы занятий по развитию эмоционального интеллекта с учетом возраста учащихся, их потенциала, психологических и индивидуальных особенностей, актуальных интересов и потребностей; подбор диагностики уровня эмоционального интеллекта детей для проведения первоначального, промежуточного и итогового диагностического обследования.

Итогом этапа является принятие решения о целесообразности реализации педагогического сопровождения школьников в процессе развития эмоционального интеллекта, а также организация намеченной деятельности.

2. *Диагностический этап* представляет собой определение исходного уровня эмоционального интеллекта (первоначальную диагностику). Первоначальное

диагностическое обследование выявляет уровень развития эмоционального интеллекта учащихся, их текущее состояние, заключающееся в степени успешности адаптации в обществе, наличии возможных затруднений в разрешении сложных ситуаций, внутриличностных и межличностных конфликтов, взглядов на жизнь, стремлений, настроения.

Результаты деятельности в рамках данного этапа представляют собой определение уровня эмоционального интеллекта и текущего состояния каждого конкретного ребенка.

3. *Деятельностный этап* педагогического сопровождения заключается в непосредственном проведении занятий по программе развития эмоционального интеллекта школьников. Предлагается применить некоторые варианты программ, в их числе: программа профилактически-развивающих занятий по психологии для 1-х классов «Страна эмоций», направленная на сохранение психологического здоровья и совершенствование эмоционального интеллекта детей автора Л.М. Новиковой; коррекционно-развивающая программа формирования эмоциональной стабильности и положительной самооценки у детей младшего школьного возраста «Я учусь владеть собой» исследователя Н.П. Слободняка; **программа** «Развитие эмоционального интеллекта у детей начальной школы» для старших дошкольников (5–7 лет) и младших классов (1–4 классы), представленная на сайте «Дети-академики», посвященном развитию эмоционального интеллекта у детей; программа С.П. Деревянко, предназначенная для развития эмоционального интеллекта детей юношеского возраста в тренинговых группах; метод развития эмоционального интеллекта, основанный на использовании средств анализа лирического текста автора И.А. Юрасова [9; 11–14].

Итогом этапа представляется повышение уровня эмоционального интеллекта детей посредством проведения занятий, направленных на развитие данных способностей.

4. *Диагностический (оценочный) этап* основан на осознании важности промежуточной диагностики, которая является частью систематического контроля продуктивности процесса реализации программы по формированию эмоционального интеллекта. Подобный контроль заключается прежде всего в наблюдении за каждым ребенком в отдельности, за его поведением, как в пределах школы, так и вне ее, за успеваемостью школьника, взаимоотношениями с окружающими и, безусловно, за процессом освоения программы по формированию эмоционального интеллекта. Данная диагностика представляет собой тестирование, а также результаты ежедневного домашнего задания, контрольных работ по окончании каждой новой темы, итоговых работ в конце каждой четверти и учебного года.

Результаты оценочного этапа заключаются в определении уровня эмоционального интеллекта и текущего состояния каждого ученика.

5. *Рефлексивный этап* сопровождения включает в себя анализ причин возникновения трудностей и разработку методов коррекции, а также внедрение изменений в осуществляемую деятельность. Задачами психолого-педагогической комиссии на данном этапе является изучение результатов промежу-

точной диагностики, систематического контроля, составление индивидуальных образовательных стратегий. Объективно оценивается учебное, социально-психологическое и эмоционально-личностное состояние учащихся, природа внутриличностных и межличностных конфликтов. Психолого-педагогическая комиссия выявляет также наличие и характер возможных затруднений в освоении программы, причины их возникновения. Вследствие этого разрабатываются способы оказания своевременной помощи и поддержки учащихся, внедрения возможных изменений в процесс реализации намеченного. Указанная деятельность осуществляется посредством проведения психолого-педагогических консилиумов, бесед с родителями, на которых обсуждаются актуальные проблемы, касающиеся успешной и продуктивной реализации программы и построения оптимальных индивидуальных образовательных маршрутов учащихся.

Итогом этапа можно считать разработку и внедрение методов коррекции в осуществляемую деятельность по развитию эмоционального интеллекта учащихся на основе анализа результатов промежуточной диагностики.

6. *Результативный этап* предполагает диагностирование уровня эмоционального интеллекта учащихся по истечении срока действия программы, сопоставление психолого-педагогической комиссией конечных результатов с результатами исходного уровня, а также совместную с родителями и детьми оценку степени достижения запланированных целей и приобретенного субъектного опыта. Эта деятельность позволяет установить продуктивность педагогического сопровождения школьников в процессе формирования эмоционального интеллекта.

Итогом данного этапа является получение результата, выраженного в повышении уровня эмоционального интеллекта детей.

Предложенные этапы имеют определенную последовательность, четко структурированы и взаимосвязаны между собой с целью всестороннего учета аспектов комплексной, полноценной и продуктивной деятельности по повышению уровня эмоционального интеллекта школьников, направленной на работу с различными сферами развития личности каждого ребенка. Данная модель представляет собой систему, отображающую проектированные структуру, состав и содержание педагогического сопровождения формирования эмоционального интеллекта учащихся, а также организацию образовательного процесса, обеспечивающего его реализацию.

Педагогическое сопровождение школьников в процессе развития эмоционального интеллекта способствует их физическому, психическому, нравственно-ценностному и социальному благополучию, развитию культуры общения, эмпатийных качеств личности, экспрессивных умений учащихся, конструктивному разрешению проблемных ситуаций, снижению тревожности и страхов, повышению уверенности в себе. Подобное сопровождение дает детям возможность разобраться в природе функционирования сферы чувств людей, стать «эмоционально мудрее», эффективно взаимодействовать с окружающими, реализовывать поставленные задачи, принимать верные решения и успешно ориентироваться в современном мире в дальнейшей жизни.

Библиографический список

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект: исследования феномена. URL: <http://www.epolotsk.com/psy/articles.php?lng=ru&pg=58>
2. *Bar-On R.* The Development of a Concept and Test of Emotional Intelligence: Emotional Quotient Inventory (EQ-i) Technical Manual. Toronto, 1997.
3. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. М.; Владимир, 2009.
4. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте. URL: creativity.ipras.ru/texts/books/social_IQ/lusin1_Social_IQ.pdf
5. *Salovey P., Mayer J.D., Caruso D.R.* Emotional Intelligence: Theory, Findings and Implications // *Psychological Inquiry*. 2004. № 15.
6. *Савенков А.И.* Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха // *Вестник практической психологии образования*. 2006. № 1 (6).
7. *Нгуен Минь Ань.* Эмоциональный интеллект, или Новый взгляд на проблему толерантности // *Философия образования*. 2007. № 1.
8. *Андреева И.Н.* Возможности развития эмоционального интеллекта в процессе психологического тренинга // *Психология и современное общество: взаимодействие как путь взаиморазвития: мат-лы 4-й междунар. науч.-практ. конф.* СПб., 2009. Ч. 1.
9. *Дервянко С.П.* Развитие эмоционального интеллекта в тренинговых группах // *Психологический журнал*. 2008. № 2.
10. *Нгуен Минь Ань.* Развитие эмоционального интеллекта // *Ребенок в детском саду*. 2007. № 5.
11. *Новикова Л.М.* Эмоциональный интеллект и его развитие у детей. URL: <http://festival.1september.ru/articles/211278/>
12. *Юрасов И.А.* О нетрадиционных средствах развития эмоционального интеллекта. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1717>
13. Программа курса «Развитие эмоционального интеллекта у детей начальной школы» для старших дошкольников (5–7 лет) и младших классов (1–4 класс). URL: http://deti.akademiki.biz/httpdetiakademikibizmetod_eq/
14. *Крюкова С.В., Слободняк Н.П.* Удивляюсь, злюсь, боюсь, хвастаюсь и радуюсь: программы эмоционального развития детей дошкольного и младшего школьного возраста: практ. пособие. М., 2011.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.V. Arslanov
Establishing the Efficient
Integrated Association
Management System
in the Modernization of Economy

The necessity of the system approach application to operation of a vertical-integrated company is grounded. Management reserves to achieve the strategic goal and ensure the competitiveness of a company are defined.

Key words and word-combinations: management, integrated association, competitiveness.

Обоснована необходимость применения системного подхода к осуществлению процесса управления вертикально интегрированной компанией. Определены управленческие резервы достижения стратегической цели и обеспечения конкурентоспособности компании.

Ключевые слова и словосочетания: управление, интегрированное объединение, конкурентоспособность.

УДК 65.011:658.152
ББК 60.823.1+65.291.5

А.В. Арсланов

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В условиях глобализации и слияния национальных рынков в единую общемировую торговую площадку компании различных стран открыто сталкиваются друг с другом в жесткой конкурентной борьбе, что заставляет стороны изыскивать все более новые методы опережения соперников. При этом используются все возможные средства, начиная с реорганизации своей деятельности и заканчивая помощью правительства и использованием особенностей своих регионов.

Именно обострившаяся конкуренция заставила уделять пристальное внимание таким проблемам, как стратегическое управление, инновации, оптимизация бизнес-процессов, логистика, повышение эффективности управления. Сущность предпринимаемых шагов

сводится к повышению производительности всей системы и выявлению новых методов снижения издержек.

Современная теория управления приводит к необходимости: во-первых, согласования показателей эффективности управления с показателями эффективности и результативности всей системы в целом; во-вторых, учета многостороннего воздействия управления на развитие интегрированных объединений, используя набор дополнительных критериев. По нашему мнению, необходимо стимулировать рост научного интереса к проблемам формирования системы эффективного управления интегрированными объединениями. Полагаем, что формирование эффективной модели управления интегрированными объединениями как сложными экономическими системами в современных условиях, определяющей постановку новых целей, основные направления стратегического развития, выявление собственных конкурентных преимуществ, является важнейшей составляющей управления современной экономикой государства и региона.

Стремление к обеспечению максимума эффективности и результативности в современных условиях становится главной задачей менеджмента интегрированных объединений. Главной проблемой управления для них оказывается принципиально новый, постоянный характер изменений условий хозяйственной деятельности, усугубляющийся кризисными явлениями. В настоящий период эти изменения следуют друг за другом непрерывно и даже накладываются друг на друга. Перемены тесно взаимосвязаны, и каждое из них по цепной реакции может повлечь за собой серию новых изменений, разворачивающихся с нарастающей скоростью как во внешней, так и во внутренней среде компаний. Непредсказуемость и огромное разнообразие протекающих в современной экономике процессов обуславливают необходимость формирования эффективных систем управления интегрированными структурами.

При формировании таких систем управления с учетом изменяющихся условий хозяйствования различных интегрированных объединений принято использовать подходы, основанные на ситуационной и эволюционной теориях управления [1]. Впрочем, эти подходы все чаще оказываются неэффективными. Так, ситуационные методы предполагают разработку организационных структур управления для дискретной, случайно сложившейся ситуации, которая может сохраняться неопределенное время. Эволюционные методы опираются на типизацию эффективных практических организационных структур, которые позволяют учесть индивидуальные особенности управления объединениями. Именно в силу этих особенностей и возникают конкурентные преимущества, определяющие основные направления дальнейшего развития систем управления интегрированными объединениями. Однако непрерывность адаптации таких систем управления нарушается, что противоречит логике изменений внешней среды таких хозяйствующих структур.

Поиски новой, более эффективной модели управления привели к идее использования при формировании систем управления интегрированными объединениями универсальных принципов управления такими сложными системами, которые опираются на теорию синергетики, теорию стратегии, теорию инноваций, теорию оптимизации и другие [2]. При этом важно учитывать социально-экономический аспект управления подобными интегрированными структурами.

В соответствии с обозначенными подходами поиск эффективного управления на каждом этапе развития интегрированного объединения осуществляется посредством сочетания процессов самоорганизации и роста внутренней эффективности и результативности. Процесс самоорганизации заключается в приведении в соответствие всего многообразия управленческих решений развития таких систем с многообразием изменений и воздействий на них внешней среды. Следует учитывать, что такие экономические системы, как интегрированные объединения, могут сознательно проводить стратегию достижения целей и поддерживать внешнюю эффективность и результативность, обеспечивая тем самым конкурентные преимущества.

Процесс достижения конкурентных преимуществ выражает соподчинение и взаимосвязи ряда наиболее значимых проблем управления с интегрированными структурами. К ним можно отнести обеспечение и развитие производственных, организационных, маркетинговых, экономических, технологических, финансовых конкурентных преимуществ. Особое место занимают конкурентные преимущества в реализации социально ориентированной политики интегрированного объединения.

Рост внутренней эффективности деятельности интегрированного объединения должен обеспечиваться таким сочетанием ресурсов и использованием положительного эффекта масштабов, при котором затраты на достижение целевого эффекта будут минимальными. Этот аспект заключается в оценке параметров конкурентной среды, в выборе и реализации стратегии, в более эффективном удовлетворении запросов клиентов, в цене и качестве продукции, в более эффективной организации процесса производства и труда, построении рациональной структуры управления бизнес-процессами, реализации гарантийных обязательств, в более эффективном использовании ресурсов и росте ресурсоотдачи, но преимущественно за счет интенсивных факторов [3]. Безусловно, такая модель не может отразить все многообразие и уникальность подходов в формировании эффективной системы управления интегрированным объединением, однако ее применение на практике позволит оптимально решать эти проблемы в их соподчинении и взаимосвязи, а также рационально перераспределять ограниченные ресурсы.

К основным инструментам эффективного управления интегрированным объединением относятся следующие:

- конкурентная стратегия, обеспечивающая взаимосвязь целей и задач развития компании с целями и задачами нововведений, повышение конкурентоспособности продукции и ориентирующая на более эффективную, в сравнении с конкурентами, реализацию конкурентных преимуществ;
- единая комплексная информационная система управления, позволяющая обеспечивать использование новых форм информационных технологий, достаточную полноту, качество и своевременность поступления информации для подготовки и выработки управленческих решений, осуществление в реальном масштабе времени регулирования хода производства и недопущения критических отклонений от запланированной траектории ведения бизнес-процессов;
- интегрированная система логистики, позволяющая более эффективно, чем конкуренты, управлять ресурсами, сбалансированно распределять их на реализацию

целевых программ и проектов, обеспечивать реализацию общей стратегии предприятия, в том числе конкурентной, и достигать поставленных целей компании.

Таким образом, эффективное управление интегрированным объединением преимущественно базируется на: оптимальной организации потоков информации между его подразделениями; сопоставлении и увязывании данной информации; выявлении наиболее активных потребителей и поставщиков; оценивании оборачиваемости материальных ресурсов и рентабельности активов и, на основании обобщения, анализа, систематизации и конкретизации информации, в принятии оптимальных решений в целях повышения эффективности использования всех ресурсов компании, в достижении конечных целей, связанных с расширением бизнеса, завоеванием позиций на рынке, уменьшением издержек, оптимизацией бизнес-процессов и обеспечением конкурентных преимуществ.

Рассмотрим более подробно авторскую концепцию интегрированной логистической системы управления ресурсами и бизнес-процессами компании и соответствующий механизм управления.

В условиях модернизации экономики важнейшим инструментом управления интегрированным объединением становится технологический форсайт как комплексный подход в управлении инновационной деятельностью таких структур. Нами предлагается создание инжиниринго-логистического центра, который позволит наиболее полно реализовывать преимущества законченных технологических цепочек, начиная от добычи и переработки углеводородного сырья до выпуска и реализации продукции высоких переделов.

Создание инжиниринго-логистических центров экономически и организационно оправдано и необходимо. В их рамках должна повышаться эффективность НИОКР. В этих целях предлагается проводить научно-техническую и инновационную политику компании. Она включает в себя: реализацию инновационных проектов по обеспечению структурной перестройки производства и созданию нового научно-технического задела; концентрацию бюджетных и внебюджетных средств для создания и реализации инновационных проектов; создание научно-производственных центров с привлечением частного капитала для обеспечения непрерывности функционирования цикла «наука – производство – потребитель»; сотрудничество с ведущими высшими учебными заведениями; создание технопарков. Механизм функционирования центра представлен на рисунке.

Основные методологические принципы и методический инструментарий системного построения эффективной модели управления интегрированным объединением на основе интеграции всех ресурсов, технологий и бизнес-процессов осмысливались нами на примере ОАО «Татнефть» (Республика Татарстан). Анализ тенденций и перспектив развития «Татнефти» в условиях модернизации экономики показал потребность в совершенствовании управления ею на основе современных научных подходов с применением актуальных и адаптированных к условиям рынка инноваций. Предложенная концепция управления интегрированным объединением в условиях модернизации экономики позволит достичь значительной экономической выгоды за счет наиболее оптимального осуществления процесса принятия управленческого решения в каждом из подразделений компании и согласованного, единообразного протекания бизнес-процессов.

Механизм функционирования инжинирингово-логистических центров

Концепция формирования системы эффективного управления интегрированным объединением отражает главную идею, согласно которой обеспечиваются конкурентные преимущества в результате более качественного и более полного, относительно конкурентов, уровня удовлетворения нужд потребителя, оптимального использования ресурсов, улучшенного протекания бизнес-процессов, более эффективного управления ресурсами.

Библиографический список

1. *Закс С.* Эволюционная теория организаций // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1. URL: <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/27570.html>
2. *Коллинз Дж., Поррас Дж.* Построенные навечно: Успех компаний, обладающих видением / пер. с англ. В. Мичушкова. 2-е изд., испр. СПб., 2005.
3. *Штейн Е.В.* Управление ресурсами российских интегрированных компаний // Экономические науки. 2010. № 3 (64). С. 108–112.

L.L. Belykh
Interaction of Large
and Small Businesses
as a Factor of Increasing
the Efficiency of Integrated
Agro-Food Structures

The results of research into some specific features of interaction between large and small enterprises operating within different types of integrated agro-food structures are presented. Directions of modernizing the institutional environment facilitating the deepening of the integration processes taking place in the agro-food complex are substantiated.

Key words and word-combinations: integration, clusters, territorial-industrial complexes, synergistic effect.

Представлены результаты исследования особенностей взаимодействия крупных и малых предприятий в различных типах интегрированных агропродовольственных структур. Обоснованы направления модернизации институциональной среды, способствующие углублению интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе.

Ключевые слова и словосочетания: интеграция, кластеры, территориально-производственные комплексы, синергетический эффект.

УДК 338:338.43
ББК 65.290+65.32

Л.Л. Белых

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КРУПНОГО И МАЛОГО БИЗНЕСА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Одной из целевых установок проводящихся с начала 1990-х годов аграрных преобразований является повышение эффективности функционирования агропродовольственного комплекса на основе предоставления крестьянам возможности выбора форм собственности и хозяйствования. Укрепление многоукладной аграрной экономики определяется необходимостью создания условий для реального обеспечения свободы указанного выбора, а также разнообразием природных, экономических, демографических, исторических и других объективных факторов, от которых зависят состояние и перспективы развития комплекса.

В настоящее время заново формирующийся мелкотоварный уклад, основу которого составляют крестьянско-фермерские (КФХ) и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), играет значительную роль в аграрном развитии. В отдельных регионах (Астраханская, Саратовская области) по производству основных видов сельскохозяйственной продукции фермерский сектор вполне сопоставим с коллективным: ЛПХ дают более половины производимых в стране картофеля, овощей и молока, значительная часть их продукции принимает товарную форму; фермеры производят 20,9% зерна, 28,9% подсолнечника,

10,3% овощей и около 10% сахарной свеклы [1]. В целом представителями малого агробизнеса производится более половины валовой сельскохозяйственной продукции страны, здесь сосредоточена значительная часть трудовых и материальных ресурсов.

Государственная поддержка оказывается в первую очередь крупным предприятиям, развитие малого предпринимательства происходит преимущественно за счет внутренних ресурсов. Так, в 2010 г. КФХ и ЛПХ смогли получить лишь 9,6% от общего объема кредитов, выдаваемых по льготной схеме Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в 2008 г. 11,3%, в 2009-м – 13,8%) [2]. Между тем, хотя доля крупных организаций в валовом производстве сельхозпродукции в последние годы несколько стабилизировалась, данный сектор не проявляет тенденции к существенному росту, а многие его предприятия продолжают находиться в сложном финансово-экономическом состоянии.

Сторонники точки зрения, что государство должно оказывать поддержку главным образом крупным предприятиям, считают: только крупномасштабное производство способно обеспечить устойчивое эффективное развитие агропродовольственного комплекса. Действительно, крупное производство имеет ряд существенных преимуществ по сравнению с мелким. Однако в условиях рыночных отношений малые формы хозяйствования располагают рядом достоинств, которых лишены крупные предприятия. В качестве основных из них можно назвать: возможность быстрой переориентации деятельности в зависимости от меняющихся условий внешней среды; короткие сроки адаптации к новым условиям и особенностям процесса производства; сравнительно низкий уровень затрат, в том числе на оплату труда управляющего персонала; возможность постоянного контроля ситуации и более оперативного принятия управленческих решений; более высокую скорость оборачиваемости капиталов.

В настоящее время из всех отраслей АПК особенно высокими темпами малое предпринимательство развивается в пищевой промышленности. Этому способствуют более низкие, чем в других отраслях, входные барьеры в виде минимальных размеров предприятия и величины стартового капитала. Вместе с тем пищевая промышленность России представлена главным образом концернами, холдингами, разного рода интегрированными структурами, где интеграторами являются крупные промышленные и торговые предприятия. Созданы разветвленные финансово-промышленные структуры, включающие множество производственных, торговых и сервисных предприятий. В пищевой промышленности наиболее заметно, что крупные интегрированные структуры нуждаются в малых предприятиях, выполняющих обслуживающие функции.

Взаимодействие крупного и малого предпринимательства обусловлено появлением дополнительной выгоды и поэтому становится все более распространенным, охватывающим как запросы производства, так и научные разработки. В немалой степени этому способствует положительный иностранный опыт. Так, в США успешно применяется государственное регулирование квот на участие малого предпринимательства в выполнении государственных заказов.

Добровольное сотрудничество крупных предприятий, опирающееся на конкурентные возможности малого предпринимательства, практикуется в Южной Корее и на Тайване.

Вопросам повышения эффективности взаимодействия малых и крупных предприятий в различных отраслях АПК в последнее время уделяется достаточно большое внимание. Особый акцент при этом делается на производственно-технологическом и организационном аспектах, разработке моделей эффективного взаимодействия. Однако общие концептуальные подходы к решению данной проблемы до сих пор не нашли надлежащего научного обоснования.

Процесс интегрирования крупных и малых форм – важный фактор использования региональных преимуществ. В каждом регионе имеются свои условия для организации эффективных интегрированных структур на основе производства, хранения, переработки сельскохозяйственного сырья и реализации конечной продукции. Такие структуры должны объединять сельскохозяйственные предприятия, научные учреждения, инфраструктурные и перерабатывающие предприятия, торговые сети. Конечным продуктом при этом являются продукты питания, устойчивый рост производства которых обеспечивает стабильность конъюнктуры продовольственных рынков.

Определенная тенденция экспансии крупных предприятий из столицы в регионы и поглощения региональных предприятий первичной переработки, по нашему мнению, далеко не всегда приводит к росту концентрации производства. Кроме того, малые предприятия пищевой промышленности выполняют важную задачу стабилизации местных продовольственных рынков, имеют возможность использовать за посильную арендную плату производственные площади, транспорт, оборудование крупных предприятий. В этой ситуации более целесообразен перевод новых видов производства в статус дочерних малых предприятий в целях минимизации издержек и повышения качества управления.

Процесс разукрупнения как один из вариантов взаимодействия крупных и малых предприятий направлен на сокращение численности работающих и числа подразделений, подготовку к реструктуризации. Он предусматривает передачу прав и ответственности многим субъектам хозяйственного права, организацию новых производств, освоение новых территорий, перераспределение полномочий между подразделениями.

Разукрупнение в пищевой промышленности, в частности, нацелено на снижение транзакционных издержек и повышение восприимчивости к рыночным сигналам. На малых предприятиях скорость реакции на рыночные изменения усиливается из-за снижения числа уровней управления. Качество управленческих решений при разукрупнении возрастает, так как руководителю легче контролировать работу подчиненных при уменьшении числа занятых.

Среди перспективных направлений интеграции малого предпринимательства с крупными предприятиями чаще всего называют формирование кластеров, территориально-производственных холдингов, кооперативов, совместных с зарубежными производителями предприятий.

Одним из сравнительно новых направлений развития аграрной экономики является формирование кластеров, представляющих собой объединения пред-

приятий в группы, имеющие сходство по технологии производства и видам конечной продукции. Кластеры в разной степени могут реализовывать конкурентные выгоды от концентрации деятельности и ресурсов. Для оценки их преимуществ и недостатков предлагаются различные варианты классификации кластеров. Так, М. Портер выделяет следующие типы успешно функционирующих кластеров: латентные, где имеются необходимые ресурсы, но неразвиты информационные и партнерские связи; потенциальные кластеры, имеющие условия для развития; кластеры, которые поддерживаются их организаторами, но не имеют реальных предпосылок для успешного функционирования [3].

Кластеры объединяют конкретные предприятия в эффективные интегрированные структуры. При этом развитие базового предприятия способствует развитию предприятий поставщиков и потребителей продукции и услуг, входящих в состав кластера. Анализ состояния предприятий, оценка их потенциалов необходимы для выбора стратегических направлений развития агропродовольственных кластеров, конкурентоспособность которых основана на интеграции крупных и малых предприятий, объединенных информацией, потоками товаров и услуг.

В состав кластера включаются крупные, средние и малые предприятия. Успешное развитие крупных промышленных и торговых предприятий является базовым условием повышения эффективности функционирования связанных с ними средних и малых предприятий. Реализация сравнительных конкурентных преимуществ региональных агропродовольственных кластеров осуществляется через использование особенностей размещения экономических ресурсов и развитие соответствующей структуры производства.

Проектирование системы взаимных обязательств предприятий кластера должно быть направлено на повышение конечных результатов его деятельности, удовлетворение запросов конечных потребителей. Такая система предполагает постоянное совершенствование производственных и технологических процессов для снижения издержек, обеспечивая соответствие потребительских свойств товаров запросам потребителей, повышает конкурентоспособность предприятий кластера, региона и страны.

Взаимоотношения поставщиков и потребителей в кластере усложняются по мере роста специализации компании, появления многочисленных поставщиков сырья и полуфабрикатов, ускорения процесса интеграции. В развитых зарубежных странах эти взаимоотношения устанавливаются таким образом, чтобы как изготовители конечной продукции, так и поставщики были нацелены на максимальное снижение издержек производства и обеспечение высокого качества продукции. При этом предприятия, выпускающие конечную продукцию, особое значение придают контролю качества и требуют поставки комплектующих изделий в строгом соответствии с установленными сроками. Развитие кластерной формы организации повышает близость взаимосвязей поставщиков и потребителей и наращивает возможности их эффективного функционирования как условия роста национальной и региональной конкурентоспособности. В кластерах имеются изначально заданные условия для развития спроса, объединения фирм единой стратегией, реализации инновационной политики.

Размеры кластеров варьируются от масштабов села, сельского административного района до уровня страны. Они объединяют различные отрасли экономики и социальной сферы, представлены на разных уровнях управления. Причина роста конкурентоспособности кластера кроется, в частности, в появлении синергетического эффекта от взаимодействия его составляющих, наличие которого свидетельствует о том, что такое объединение действительно является кластером.

В кластеры могут объединяться предприятия конкретного региона, имеющие налаженные производственные связи по поставкам сырья и реализации продукции. В таком случае повышается конкурентоспособность региональной экономики при условии углубления интеграции сельскохозяйственных предприятий и предприятий перерабатывающей промышленности. Особое значение для повышения конкурентоспособности регионального агропродовольственного комплекса является включение в состав кластеров средних и малых предприятий производственной инфраструктуры. Организация их в сельских регионах необходима для бесперебойной реализации скоропортящейся конечной продукции фермерских хозяйств, обустройства сельских территорий, укрепления кадров, роста занятости населения.

Организационное оформление территориально-производственной интеграции составляют, наряду с кластерами, территориально-производственные комплексы, объединяющие на определенной территории предприятия, связанные единой технологической цепочкой от переработки сырья до реализации конечной продукции, и социальные объекты [4]. Подобные комплексы уже созданы во многих регионах России. Формирование территориально-производственных комплексов и сочетание их с кластерами способствует развитию конкурентоспособного потенциала каждого региона, дает новые возможности для обеспечения устойчивого роста конечной продукции агропродовольственного комплекса и повышения эффективности функционирования АПК в целом.

Взаимодействие крупного и малого бизнеса выступает значимым фактором повышения эффективности интегрированных агропродовольственных структур. Как уже отмечалось, малые предприятия имеют более низкие, по сравнению с крупными, затраты на оплату труда, обладают преимуществами в части диверсификации производства и освоения новых продуктов. Следовательно, использование малого предпринимательства в составе существующих производственных цепочек с технологической точки зрения целесообразно и может быть использовано как ресурс развития, обладающий высоким потенциалом.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник – 2010. М., 2010.
2. О ходе и результатах реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы: национальный доклад. URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/297.htm>
3. Porter M. System: A Comparative Analysis. N.Y., 1993.
4. Дозоров А.В. Опыт проектирования социально-производственного комплекса в сельском регионе // Региональные агросистемы: экономика и социология: ежегодник. Саратов, 2010. № 1. URL: <http://www.iagpran.ru/index.php>

V.A. Rudenko
Socioeconomic Feasibility
of Associated Petroleum Gas
Utilization and Metering

One of priority objectives of Russian oil and gas industry related to utilization and metering of associated petroleum gas is studied. Particular attention is paid to social and economical analysis of this problem.

Key words and word-combinations: associated petroleum gas, coefficient of utilization, associated petroleum gas metering.

Исследуется одна из приоритетных задач российской нефтегазовой промышленности, связанная с утилизацией и учетом попутного нефтяного газа. Особое внимание уделяется анализу социальных и экономических аспектов данной проблематики.

Ключевые слова и словосочетания: попутный нефтяной газ, коэффициент утилизации, учет попутного нефтяного газа.

УДК 338.45:662.7(470)
ББК 65.305.143(2)

В.А. Руденко

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ УТИЛИЗАЦИИ И УЧЕТА ПОПУТНОГО НЕФТЯНОГО ГАЗА

Мировое сообщество в настоящий момент особо пристально смотрит на проблему сжигания газа прежде всего потому, что осознает ухудшение экологической обстановки. Сжигание попутного нефтяного газа приводит к значительным выбросам твердых загрязняющих веществ, вредит экологии в нефтепромысловых регионах, а также является составной причиной концентрации парниковых газов в атмосфере.

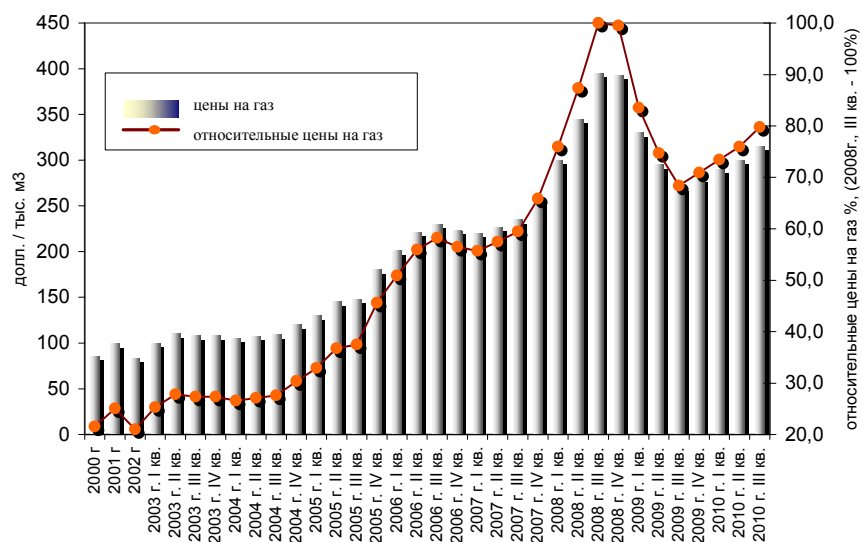
В начале 2005 г. перед нефтегазодобывающим комплексом Российской Федерации поставлена задача по учету и утилизации попутного нефтяного газа – во исполнение принятого в декабре 1997 г. в дополнение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) Киотского протокола – международного документа, определяющего для каждой из подписавших его стран обязательства по количественным показателям сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу. Протокол был ратифицирован Россией и вступил в силу 16 февраля 2005 г., исходя из значения документа для развития международного сотрудничества, в том числе в нефтяной и газовой сферах [1].

Для реализации положений протокола и принятых обязательств было издано постановление Правительства РФ [2], устанавливающее требования по снижению объема сжигаемого газа нефтедобывающими компа-

ниями до 5%. Обозначенного показателя нефтяные компании обязаны достичь к началу 2012 г., вследствие чего для большинства участников рынка разработка программ утилизации газа стала приоритетной задачей, приобретая чрезвычайно актуальный характер.

Утилизация попутного нефтяного газа имеет социальную и экономическую обоснованность. Суть первой заключается в решении проблемы нерационального использования добытого природного ресурса, а также в опасности значительного ухудшения экологической обстановки за счет выбросов в атмосферу загрязняющих веществ. Суть второй раскрывается в результате анализа мировых цен на энергоносители. Так, в последние годы экспорт газа из России составляет 190–200 млрд м³, что составляет более 33% международных поставок сетевого газа и 24% всех экспортно-импортных операций с «голубым топливом»; доходы от продажи углеводородов за рубеж достигают 250–310 млрд долларов, или 60–65% всего экспорта товаров из России. Поступления от реализации газа в этой структуре доходов составляют 50–70 млрд долларов [3, с. 27].

В последние десятилетия в мире наблюдается опережающий рост добычи и использования газа по сравнению с нефтью. Газовый рынок успешно конкурирует с нефтяным. Современная конъюнктура международных цен на газ достаточно благоприятна для производителей, подтверждением чему служит практически троекратный рост средних экспортных цен на газ за последние 10 лет (рисунок) [3].

Средние экспортные цены на газ (2000–2010)

В сложившихся условиях сжигание газа «впустую» не приемлемо. Учитывая то, что в настоящее время в качестве компенсационной меры для экономики России возрастает роль газа, добываемого вместе с нефтью из недр, совершенно необходимо оптимизировать учет нефтяного газа, проводимого нефтедобываю-

щими предприятиями [4, с. 1]. Таким образом, задача использования газа становится все более актуальной и экономически выгодной с позиций обеспечения эффективности производства.

В классическом понимании эффективность определяется как соотношение результатов и издержек (затрат) на их достижение. В данном случае речь идет о социально-экономической эффективности [5, с. 19].

В свою очередь, оценка эффективности реализации задачи по утилизации и учету попутного нефтяного газа может быть проведена на основе двух основных аналитических подходов. Первый из них, традиционно используемый при разработке и мониторинге выполнения программ социально-экономического развития, предполагает оценку степени достижения показателей (критериев), характеризующих непосредственные и конечные результаты реализации программы. В итоге получается оценка результативности. Второй подход заключается в соотношении затрат (издержек) на реализацию программы и полученных результатов (социально-экономических эффектов), по возможности в денежном эквиваленте.

Оценить экономическую эффективность с использованием второй методологии можно, проведя небольшие расчеты по сравнению объемов необходимого финансирования на оснащение всех факельных систем нефтяного предприятия приборами учета и объемами перспективных штрафных платежей за сверхлимитные выбросы при отсутствии систем учета.

Для нефтяных предприятий причиной необходимости максимального использования газа является риск получения огромных штрафных санкций. Согласно постановлению Правительства РФ [2], для объема попутного газа, превышающего 5%-ное значение целевого показателя сжигания за сверхлимитное загрязнение, при расчете к нормативам платы применяется дополнительный коэффициент. Он равен 4,5 и стимулирует хозяйствующих субъектов к сокращению загрязнения атмосферного воздуха продуктами сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках. С 1 января 2012 г. при отсутствии средств измерения и учета, подтверждающих фактический объем образования, использования и сжигания на факельных установках попутного нефтяного газа, значение указанного дополнительного коэффициента принимается равным 6. В мае 2011 г. Правительству РФ и это стимулирование социально-экономической модернизации российской нефтяной промышленности показалось недостаточным. В итоге появился проект новой редакции указанного постановления, в котором установленный коэффициент 4,5 заменяется на 100, а коэффициент 6 – на 1000!

Расчет сумм платы по объектам негативного воздействия (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу) при среднероссийском показателе процента утилизации попутного нефтяного газа за 2011 г., равном 74,5% [6], выглядит следующим образом. При среднегодовой добыче в 1 млн м³ попутного газа и 74,5% утилизации объемы сжигаемого газа составят 260 тыс. м³ ($1000 - 74 \times 1000/100$). При достижении требуемых 95% утилизации объемы сжигаемого газа должны составлять 50 тыс. м³ ($1000 - 95 \times 1000/100$). Таким образом, плата за негативное воздействие в пределах нормы составит

1019,5 тыс. руб. в год при среднем нормативе платы, равном 20,39 руб. за 1 м³ (50 тыс. × 20,39). Плата за негативное воздействие в пределах сверх норматива составит соответственно 21 407,4 тыс. руб. в год при среднем нормативе платы, равном 101,94 руб. за 1 м³ ((260 тыс. – 50 тыс.) × 101,94). Применяв к данным цифрам коэффициенты согласно постановлению [2], получим следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Расчет сумм выплат

Показатели	Ед. изм.		Обоснование
Плата за сверхнормативные выбросы	тыс. руб.	21 407,4	за сверхлимитное сжигание за отсутствие приборов учета
Суммарная плата	тыс. руб.	22 426,9	
Плата за сверхнормативные выбросы (с коэфф. 4,5)	тыс. руб.	97 353	
Плата за сверхнормативные выбросы (с коэфф. 6)	тыс. руб.	134 561	

Как следует из табл. 1, при отсутствии приборов учета газа, сжигаемого на факельных установках, плата за выбросы при наших исходных данных составит 134,561 млн руб. в год.

В табл. 2 приведены основные показатели среднего уровня необходимых затрат на оснащение факельных линий средствами измерения.

Таблица 2

Расчет
необходимого финансирования

Показатели	Ед. изм.	На 1 шт.	Всего
Количество факельных систем	шт.		10
Средняя стоимость узла учета газа	тыс. руб.	450,00	4500
Проектные, строительно-монтажные и пусконаладочные работы	тыс. руб.	600,00	6000
Разработка нормативной документации	тыс. руб.	50,00	500
Итого	тыс. руб.		11 000,0

Сопоставив полученные данные табл. 1 и 2, приходим к выводу, что при инвестировании финансовых средств в размере 11 млн руб. в оснащение факельных линий приборами учета нефтяная компания получит экономию денежных средств в размере 124 млн руб. ежегодно даже при недостижении утилизации в 95%.

Приведенные расчеты наглядно демонстрируют положительный экономический эффект как для нефтяных компаний, так и для государства и общества в

целом. Об этом свидетельствует анализ эффективности всего лишь одного из экономических аспектов в рамках утилизации попутного нефтяного газа, а именно: требований по учету. Усилить наглядность экономического эффекта можно, проведя оценку более глубоких и детальных расчетов по таким составляющим, как увеличение процента утилизации, повышение уровня энергосбережения, а также повышение уровня экологической безопасности страны и всего мирового сообщества. Более точная оценка эффективности социально-экономической модернизации возможна на основе обработки информации по пилотным проектам внедрения учета попутного нефтяного газа на конкретных предприятиях и с помощью мониторинга возникающих проблем и рисков при внедрении.

Таким образом, внедрение системы утилизации и учета попутного нефтяного газа позволит сократить проблему, связанную с нерациональным использованием данного природного ресурса, являющегося национальным достоянием страны. Экономический эффект от полезного использования газа несомненен. Анализ мировых ценовых показателей на газ подтверждает экономическую эффективность рассматриваемой задачи в рамках страны. Как считают эксперты Международного энергетического агентства (МЭА), мировой спрос на природный газ к 2035 г. вырастет на 1,8 трлн м³ до 5,1 трлн м³, а доля газа в глобальном потреблении энергоносителей увеличится с 21 до 25% [7].

Сокращение объемов сжигания газа, сопровождающееся выбросами в атмосферу загрязняющих веществ, напрямую повлияет на улучшение экологической обстановки в нефтепромысловых регионах страны, что качественно повысит уровень социальной сферы жизни населения. Достижение требуемых показателей по утилизации попутного газа позволит России выполнить взятые на себя обязательства по количественным показателям сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу в рамках международного формата.

Библиографический список

1. О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: Федер. закон от 4 нояб. 2004 г. № 128-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 45. Ст. 4378.
2. О мерах по стимулированию сокращения загрязнения атмосферного воздуха продуктами сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках: постановление Правительства РФ от 8 янв. 2009 г. № 7 // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 407.
3. Коржубаев А. На пути к «Газовой ОПЕК» // Нефть России. 2010. № 8. С. 26–30.
4. Кутергин М.А. Предложения по оптимизации учета нефтяного (попутного) газа / Пермский территориальный центр государственного мониторинга состояния недр. Пермь, 2009.
5. Красильникова Е.В. Экономические издержки и результаты реализации концепции электронного правительства в России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4 (25). С. 18–27.
6. У ЯНАО нет шансов выйти к 2012 году на 95-процентную утилизацию попутного газа // Нефть и Капитал. 2011. № 5.
7. Лютова М. Золотой век газа // Ведомости. 2011. 7 июня.

V.V. Gerasimova, A.I. Yefanova
**Social Partnership
as an Institution of Economic
Relations Regulation**

Principal elements of formation of social partnership as an economic phenomenon are considered. Its influence on the development of the modern innovational economy is revealed.

Key words and word-combinations: social partnership, employees, employers, the state, economic development.

Рассмотрены принципиальные моменты становления социального партнерства как экономического феномена. Показано его влияние на развитие современной инновационной экономики.

Ключевые слова и словосочетания: социальное партнерство, работники, работодатели, государство, экономическое развитие.

УДК 338.24
ББК 65.050

**В.В. Герасимова,
А.И. Ефанова**

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТИТУТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Социальное партнерство как общественный феномен начало активно обсуждаться в странах Западной Европы и США в конце 1980-х – начале 1990-х годов, что было связано с рядом причин. В частности, появилась практика коллективного обсуждения представителями бизнеса и представителями работников социальных конфликтов, возникающих на предприятиях. Так, в середине 1990-х годов доля такой тематики занимала ощутимое место в общем объеме обсуждаемых сторонами проблем, однако довольно сильно различалась по странам: в США этот показатель составил не многим более 18%, в Великобритании – 47%, а в Австрии достигал рекордного уровня в 98% [1].

В этот же период отмечается ускорение динамики течения социально-экономических процессов, что вынуждало государство занимать более активную позицию и играть роль ведущего игрока в регулировании отношений занятости и отношений, складывающихся в сфере социального обеспечения нетрудоспособных и пенсионеров. Однако такая активизация не снижала остроты социальных противоречий, а принимаемые государством решения не всегда находили поддержку у основной массы трудящихся в странах Западной Европы. В связи с этим особую актуальность приобретал вопрос консенсуса интересов государства, бизнеса и наемных работников. Таким инстру-

ментом налаживания взаимопонимания и нахождения путей взаимодействия трех сторон и стало социальное партнерство, базирующееся на трехсторонней основе.

Институты социального партнерства и социальной защиты стали составной и неотъемлемой частью «европейской модели социального развития». Эта модель описана в экономической литературе как «совокупность ценностей, которые включают демократию, индивидуальные права, свободное коллективное обсуждение социально-экономических проблем, рыночную экономику, равные возможности для всех в обеспечении социальными благами и солидарность» [2, с. 75].

Совместный поиск компромиссных решений и способов сочетания интересов представителей капитала и наемного труда в проводимой социальной политике государства вызывал широкий резонанс в общественных политических кругах стран Западной Европы и США. Так, Правительство Дании приложило значительные усилия в деле пропаганды в Европейском Союзе социальной защиты и социального обеспечения работника как важного фактора производства, организовало множество конференций и осуществило серию публикаций по этой проблеме. Австрия официально объявила себя одной из стран, чья экономическая политика строится на принципах социального партнерства [3, с. 83–85].

Институты, которые ассоциировались с различными формами коллективного представительства и коллективного обсуждения актуальных для бизнеса и наемного труда социальных, трудовых и экономических вопросов, привлекли повышенный интерес исследователей. Использование различных форм коллективного представительства, коллективного обсуждения при разработке социальной политики и первые положительные успехи в борьбе с социальными конфликтами и противоречиями заставили ученых – экономистов, социологов – серьезно подойти к разработке новой концепции социально-экономической политики в странах Западной Европы.

Анализ теоретических постулатов европейской социальной модели позволяет сделать вывод, что в основе лежит институциональный подход, изложенный в «новой институциональной экономике» и преследующий цель сокращения транзакционных издержек [4, с. 1–31].

С позиции институционального подхода социальное партнерство рассматривается как общественный институт, созданный в условиях усиления взаимодействия субъектов с целью развития экономических, социальных, трудовых, управленческих отношений. Он предназначен для обеспечения взаимодействующих субъектов необходимой и достаточно полной информацией как о самих субъектах, так и об их желаниях и стремлениях к разного рода контактам, к условиям, на базе которых эти контакты и взаимодействия могут осуществляться, к обсуждению условий подписания контрактов и соглашений, к проведению необходимой экспертизы подписанных контрактов.

На наш взгляд, подчеркивая значимость институционального подхода к анализу социального партнерства и его роли в развитии и регулировании социально-экономических отношений, следует отметить ряд моментов.

Институциональный подход к анализу сущности социального партнерства позволяет рассматривать его как общественный институт, объективная необходимость в котором возникла в период перехода общества в фазу постиндустриально-

го развития. Это сопровождается структурными изменениями, вызванными современной научно-технической революцией и развитием научно-технического прогресса, развитием коммуникативного сектора в экономике, созданием производственных и социальных сетей. В итоге коренным образом изменяются условия труда, организация производства, что вызывает объективную необходимость изменения взаимоотношений и взаимодействий бизнеса и работников наемного труда.

Усиление динамизма развития социально-экономических отношений и социально-трудовых отношений в совокупности с повышением значимости человеческого (личностного) фактора в процессе непосредственного производства, его организации и управления потребовало расширения участия субъектов социально-трудовых отношений в управлении производством, в регулировании социально-экономических отношений. Как следствие, возникла объективная необходимость ликвидации социальных конфликтов, социальных противоречий, являющихся в определенной мере тормозом и сдерживающим фактором развития социально-экономических отношений.

Активизация личностного (человеческого) фактора для реализации новых целей и задач современного производства потребовала включения работников наемного труда в процесс управления производством и выполнения ими управленческих функций в активных и пассивных формах. Изменение взаимодействия бизнеса с работниками наемного труда предопределило формирование партнерского, равноправного взаимодействия при решении важных для производства, злободневных и актуальных для субъектов социально-трудовых отношений социально-экономических проблем.

С учетом изложенного социальное партнерство с позиций институционального подхода рассматривается как новый вид взаимодействия равноправных и равнозначных партнеров, участвующих в переговорах, в социальном диалоге представителей бизнеса и наемного труда, озабоченных общей целью, общими задачами и интересами в сфере организации приемлемых условий труда, организации и оплаты труда, организации производства. Считается, что социальное партнерство в конечном итоге обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производства, повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта.

Партнерское взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений нуждалось в признании обществом и законодательном оформлении со стороны государства, то есть в институционализации. Институт социального партнерства стал формальным институтом, имеющим определенную миссию, цель и задачи по регулированию социально-экономических отношений.

Институционализация социально-экономических и социально-трудовых отношений требует учета общественных, социальных затрат на создание новых институтов и повышение эффективности производства как в масштабе фирмы, организации, так и в масштабе общественного производства в целом или в масштабе реального сектора экономики. В связи с этим методологические постулаты институционального подхода ориентированы на учет социальных затрат при организации новых формальных институтов. Думается, что предложенная Р. Коузом методология правомерна и при оценке затрат на формирование и организацию соци-

ального партнерства как института и учета его вклада в повышение эффективности производства, активизации процесса труда и его рациональной организации.

Учет затрат на формирование социального партнерства предполагает учет затрат на объединение (формирование) партнеров по их интересам и желаниям, на получение информации о желании и условиях создания партнерского взаимодействия, на проведение переговоров, ведущих к обсуждению, на подписание контрактов (соглашений) и разработку определенных положений соглашения, его подписания и проверки или инспекции со стороны государственных структур. При сборе определенной информации следует учитывать стоимость посреднических услуг информационных агентств (посредников), информационных дилеров, обеспечивающих релевантной информацией организаторов переговоров, включая затраты времени на переговорный и информационный процессы. В институциональном соглашении, примером которого является социальное партнерство, принимается во внимание информация о поведении субъектов социального партнерства с учетом обычаев и традиций, правил и законов.

Одним из основных преимуществ институционального подхода к формированию социального партнерства является поиск путей сокращения затрат в реальном секторе экономики при комплексном экономическом и социальном взаимодействии экономических агентов, апеллирующих к подписанию контрактов, соглашений на принципах и условиях социального партнерства. Затраты на формирование и организацию социального партнерства, сопоставимые с общественными выгодами, являются стержнем институционального подхода при анализе социального партнерства.

Кроме того, при институциональном подходе к социальному партнерству обращается внимание на поиск преимуществ и потерь для отдельных представителей социального партнерства, подписавших контракт на условиях агентских отношений (в краткосрочном периоде), а также на возможное получение преимуществ или потерь для всех участников социального партнерства (в отдаленной перспективе).

Для нового институционального подхода важно не только определить основных игроков, реализующих функции «принципалов» и «агентов» в процессе осуществления социального партнерства, подписания и реализации партнерских соглашений, но и установить соответствующие правила игры, нормы поведения участников и игроков на рынке. Требуется выработать подходы к оценке продуктивности и эффективности поведения с учетом того, что расходы на осуществление продуктивного поведения принципалов и агентов рассматриваются не как социальные затраты, а в определенной мере как социальные инвестиции, выделяемые на совершенствование организации социальных процессов и социально-трудовых отношений.

Анализ эффективности общественных формальных и неформальных институтов с учетом сопоставления социальных затрат на их формирование и обслуживание и социальных общественных выгод в масштабе всего общества является важнейшей составляющей институционального анализа при определении рациональности и эффективности социального партнерства как института. При этом следует иметь в виду, что соглашения на условиях принципал-агентских соглаше-

ний определяют условия оплаты и условия труда, а соглашения на условиях социального партнерства предполагают создание условий для развития партнерского взаимодействия и продолжение выбранной траектории в развитии социально-трудовых отношений, основанных на консенсусе интересов и доверительности. Институт социального партнерства с учетом его социальной значимости должен обеспечить каждый «голос» с каждого рабочего места в оценке различных позиций при проведении переговоров, поскольку результаты переговоров способствуют реализации потенциальных резервов производительности труда.

Институциональный подход применительно к анализу социального партнерства свойствен главным образом странам Западной Европы. Великобритания, Австрия, Германия, Дания опираются на анализ результативности социального партнерства, его роли в организации производства и труда на предприятии с учетом влияния социального партнерства на активизацию факторов производства. Особое внимание уделяется прежде всего личностному или человеческому фактору, который в современных условиях содействует техническому и социальному прогрессу в обществе, заметно повышает производительность труда на основе технологических, экономических, социальных, управленческих инноваций, обеспечивает обслуживание технического базиса производства с применением современных технологий. Влияние институциональных факторов на спрос и предложение на рынке труда проявляется в том, что социальные институты, к которым относится и институт социального партнерства, смещают кривую спроса на труд вправо, а кривая предложения труда поднимается вверх.

Вопрос активизации экономической деятельности на всех уровнях хозяйствования является центральным. Отсутствие в стране института социального партнерства или недостаточное его развитие могут означать отсутствие оптимального варианта развития экономики для страны ввиду высоких транзакционных издержек и отсталости. В связи с этим широко обсуждаются факторы, обеспечивающие активную экономическую деятельность и экономическое развитие общества.

Как подчеркивается в Программе развития людских ресурсов ООН (1990 г.), экономический успех любой страны неразрывно связан с развитием демократии, капитализм как общественное устройство теряет свои преимущества при отсутствии демократических преобразований в обществе. Продуктивно развивающееся общество должно формировать такие институты, которые толерантны к любому общественному устройству, гарантирующему своим гражданам политические и экономические свободы. Признается, что к институтам, реализующим в определенной мере экономические свободы, могут относиться институты социального партнерства и социальной защиты.

В новых условиях изменяются приоритеты деятельности государства. Теперь точно так же, как оно обеспечивает закон, порядок и защиту граждан, государство должно создать условия и правовые границы для развития страхования, чтобы обеспечить определенные социальные стандарты в обществе, выступить гарантом основных видов социального страхования и минимальных социальных стандартов. В свою очередь, институты социального партнерства и социальной защиты должны способствовать и непосредственно реализовывать государственные обязательства в данной области. Это важно потому, что институты

социального партнерства и социального страхования включены в систему обеспечения экономического развития страны.

Такой контекст позволяет рассматривать социальное партнерство как своеобразный индикатор эффективности или неэффективности экономического развития. Наряду с определением оптимальности института социального партнерства в институциональной системе общества и важности его роли в экономическом развитии страны широкому обсуждению подвергаются вопросы количественной и качественной оценки социального партнерства.

Тот факт, что институт социального партнерства доминирует и занимает главенствующие позиции в системе институтов данной страны, ее институциональном устройстве и ставка делается только на него, означает, что не учитывается радикальная альтернатива в экономической политике и все подчинено только экономическим и социальным интересам занятого населения, национальным фирмам, резидентам данной страны. При этом практически полностью игнорируются интересы безработного населения, не включенного в процесс общественного воспроизводства, и нерезидентов, прежде всего рабочих-мигрантов. В основе экономической политики в таком случае закладывается и будет доминировать распределение прибыли, распределение доходов, и прежде всего национального дохода, с последующим перераспределением. Наряду с распределением будут рассматриваться и решаться вопросы, связанные с инвестированием, занятостью населения.

Подобные проблемы встают и при анализе развития социальной защиты в стране. Она также может рассматриваться как индикатор экономического и социального развития общества в отдельной стране.

В целях достижения экономического, технического, социального прогресса необходимо определить потенциал использования социального партнерства и социальной защиты и варианты использования преимущества института социального партнерства. При этом важно знать, насколько «много» или «мало» социального партнерства в институциональной системе государства, каковы его количественные и качественные характеристики, к каким последствиям в экономическом развитии общества они приведут и в каком направлении следует двигаться, чтобы избежать отрицательных последствий. В результате рассматривается влияние социального партнерства на развитие не только социально-трудовых, но и шире — социально-экономических отношений. Социальному партнерству отводится роль регулятора, особенно в сфере организации производства и управления им.

Таким образом, активизация факторов производства, и главным образом человеческого фактора, способствует повышению эффективности производства, а следовательно, и экономического развития. Это служит обоснованием финансовых расходов на социальные нужды производства, на развитие социального партнерства и социальной защиты работников. Такого рода вложения следует рассматривать как инвестиции, а не как затраты.

Расходы на человеческий капитал, направленные на повышение квалификации и связанные с переобучением, повышением профессионального мастерства, приобретением новых профессиональных навыков и совершенствование профессиональных компетенций, обеспечивают развитие человеческого фактора, интеллекта работников. Вложения в человеческий капитал, в интеллектуаль-

ное и профессиональное развитие работников обеспечивают развитие производства, повышение его эффективности в связи с ростом производительности труда и развитием инновационной деятельности на предприятии. Реализация человеческого фактора проявляется и в социальной активности работника, который включается в обсуждение и принятие решений по социальным вопросам, в частности по вопросам организации и оплаты труда, распределения прибыли, инвестирования. Это не только обеспечивает общемировую тенденцию «гуманизации труда», но и способствует экономическому развитию общества, повышению эффективности производства.

Библиографический список

1. Casey B., Jold M. Social Partnership and Economic Performance: the Case of Europe. London, 2000.
2. The Challenges and Ways for ward into 21th Century. London, 1993.
3. Hostasch L. The European Social Model – a Social Dialogue. London, 1997.
4. Coase R.H. The Firm, the Market and the Law. Chicago, 1998.

А.А. Makarov

Motivation of Labor – the Base of Partnership Type Social Interaction Management in the Employment Market

Based on the analysis of self-esteemed motivation of enterprises personnel in conditions of current changes in Russia the necessity of abandoning the conflict type management and of the transition to management based on the social contract is justified. It is noted that the change of management model entails the introduction of a new model of labor market regulation.

Key words and word-combinations: motivation, labor, self-motivation, quality of life.

С помощью анализа самооценки мотивации персоналом предприятий в условиях современных изменений в России раскрывается необходимость отказа от управления конфликтного типа и перехода к управлению на основе социального контракта. Отмечается, что изменение модели управления влечет за собой внедрение новой модели регулирования рынка труда.

Ключевые слова и словосочетания: мотивация, труд, самомотивация, качество жизни.

УДК 331.108

ББК 60.823.3

А.А. Макаров

МОТИВАЦИЯ ТРУДА – ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ПАРТНЕРСКОГО ТИПА НА РЫНКЕ ЗАНЯТОСТИ

Н арастающий дисбаланс интересов главных агентов рынка – работодателей и наемных работников – повышает практическую значимость мотивации труда. Актуальность проблемы в таком контексте на российском рынке занятости подтверждают данные социологических исследований, которые фиксируют, что у работающего населения России, по сравнению с населением других стран, выраженность достижительных ценностей слабее. При этом у российских работников наблюдается сильное стремление к высокому заработку и желание минимизировать трудовые усилия.

По данным НИИ труда, до 80% работников составляют люди, мотивационное ядро которых основано на стремлении к высоким заработкам в сочетании с желанием иметь работу низкой интенсивности. Это люди с неразвитыми потребностями, невосприимчивые к стимулированию и не стремящиеся к профессиональному росту. Доля людей с богатой мотивацией составляет всего лишь около 10–12%. Но характерной чертой мотивационного комплекса работников этого типа является отсутствие четко выраженной ориентации на высокие заработки и потребительская пассивность. Только 5–6% работников потенциально обладают адекватными рыночными качествами – способностью к инновациям, стремлением к профессиональной мобильности – и имеют соответствующую этим запросам квалификацию и высокую работоспособность [1–4].

Опыт нашей практической работы по подбору кадров и скрининга, а также вторичный анализ эмпирических данных позволяют утверждать, что фронтальное внедрение рыночных отношений в сфере занятости натолкнулось на пассивность, апатию, инерционность, неспособность креативной, творческой деятельности патернализованного массового работника. Столкновение с «диким рынком» заставило людей более взвешенно оценивать свои способности и возможности строить перспективные жизненные планы.

Мотивы и ценности труда управленческой элитой российского общества начали осознаваться в качестве ресурса управления занятостью, позволяющего субъекту рынка претендовать на определенную позицию, выстраивать партнерское социальное взаимодействие, критически оценивать собственные силы к адаптации в рыночных условиях. Эти положения составляют квинтэссенцию и центральную проблему настоящего исследования.

Таким образом, проблема мотивации труда из чисто экономической трансформируется в социально-управленческую, исследование которой заставляет обратиться к имеющимся теориям управления, рассмотреть эволюцию мотивации труда, представленную в различных подходах к управлению производством. Западные модели управления помогают понять социальные факторы, определяющие трудности адаптации работников, а вторичный анализ социологических данных позволяет исследовать проблему адаптации в российском обществе в новых условиях управления.

Значение мотивации труда в принципах оптимального и эффективного руководства связывается с системным и ситуационным подходами, с концепциями «человеческих отношений» (А. Файоль и Ф. Тейлор). В основе «методов обогащения труда» находится теория «двух факторов» занятости и организации труда (Ф. Херцберг).

Управление мотивацией труда с позиций человеческих отношений становится предметом научных исследований в 1960-х годах, когда ученые Д. Рисман и Дж. Гелбрейт ввели в научный аппарат термин «качество жизни». Л. Дэвис предложил вести речь о «качестве рабочей жизни», связывая идейное содержание такового с теорией постиндустриального общества. Таким образом, во второй половине прошедшего столетия механизм мотивации труда соединяет системную и синергетическую методологии и дополняется установлением обрат-

ной связи, а сама мотивация труда приобретает значение социального ресурса или человеческого капитала.

В работах Д. Белла и А. Турена исследуется изменившийся характер труда. Авторы теории постиндустриализма в той или иной мере отказались от основных социальных мотивов наемного труда и связали их трансформацию с изменившимся характером рынка труда. Они считали, что снижение роли материального производства формирует иные мотивы труда и «человеческие отношения» в процессе управления производством преобразуются в консенсусный тип социального взаимодействия.

В условиях постиндустриального общества происходит структурный сдвиг – занятость в производственном секторе уменьшается, все более востребованным становится высококвалифицированный труд, связанный с коммуникацией и общением. По мнению А. Турена, работа превращается в роль, которая точно определяет место работающего в системе коммуникации, производства и социальных отношений [5].

Ряд современных авторов считают, что постиндустриальная модель общества приходит на смену трудовой и одновременно уточняется понятие «управление» как механизм регулирования многофункциональных отношений. Социальный контракт в форме социального партнерства становится основным принципом управленческого взаимодействия.

Развивая теорию мотивации, А. Горц дает оценку отношениям между менеджерами и персоналом сквозь призму культурных и производственных факторов, формирующих «экономическую рациональность и функционализацию труда» [6, с. 29]. Изменение технологической культуры и качества труда, его усложнение приводят к модернизации культуры отношений за счет установления абсолютной власти государства, имеющего своей целью разделение экономической, административной, научной и культурной сфер, что приводит к их автономии, в рамках которой действуют собственные мотивы труда. Общество начинает функционировать как машина. Это влечет за собой специализацию компетентности, увеличение бюрократии или экономических и административных аппаратов, сказывается на организации работы, которая условно делится на две большие сферы: функциональную и самостоятельную. Функциональная – это автономная сфера труда, люди в ней превращаются в «функции», действия которых координирует организация. Самостоятельная – сводится к минимуму; принятие самостоятельных решений ограничено, проявление инициативы сужено настолько, что цели организации, в пределах которой трудятся, становятся не понятны тем, кто трудится. В результате такой дифференциации внутри труда отношения между работниками определяются одним подходом – властью организации.

Изоляция работников принуждает их специализироваться на исполнении узкого круга задач, лишает любой возможности кооперировать свои действия путем сотрудничества и самоуправления. Размывается классовая идентичность внутри социальных групп, смягчается острота конфликта «рабочий – босс». Социальный конфликт, с одной стороны, переходит в сферу отношений индивидов, рациональность которых иррациональна целям организации. С другой

стороны, в отношениях между саморегулирующейся сферой гражданского общества и промышленно-политической мегамашинной также присутствует конфликт.

В отличие от Ю. Хабермаса, обосновавшего возникновение кризиса в случае крайнего расхождения целей системы с мотивами труда, А. Горц считает, что для соотношения мотивов индивида с внешней рыночной средой внутри последней создается приватная ниша для удовлетворения потребностей, в которой субъект труда компенсирует издержки функционализации труда и других деприваций. В этой нише мотив труда обусловлен стремлением работников ко все более полному удовлетворению потребностей. Социальные ограничения, фрустрации и прескриптивные регуляторы сферы труда и производства компенсируются получаемыми материальными благами. Такой функциональный работник может появиться только в условиях, когда в своем другом виде он становится социализированным потребителем [6, с. 35].

Перестройка экономики в 1980-х годах завершила смену социальной парадигмы конца XX в. и вызвала в деловых кругах появление ряда новых организующих стратегий управления. Их, возможно, следует определить как переходные к последующему информационному миру, с присущими только для него закономерностями развития. Системный анализ этой эволюции представлен в работах М. Кастельса, К. Имана, Г. Бенвенисте.

Аналитические работы М. Кастельса объясняют ориентацию различных технологических и организационных траекторий производства на повышение производительности и конкурентоспособности в новой информационной парадигме и глобальной экономике. Крупные корпорации, по его мнению, преобразуются в набор легко программируемых производственных единиц, которые оперативно реагируют на вариации рынка. Мотивация труда приобретает узкий характер и направлена исключительно на материальное стимулирование. Гибкая специализация производства через серию «слияний» попадает под контроль крупных корпораций, или сами мелкие производства преобразуются в корпорации, изменив структуру производства [7].

В новой модели менеджмента особое внимание уделяется качеству продукции, профилактике дефектов и неисправностей на максимально возможных этапах производства. Реализация модели предполагает принципиально иной менеджмент организации труда персонала, при которой каждый работник ответствен, самостоятелен и универсален. Однако вывод М. Фридмана противоположен этому тезису, так как, по его мнению, сеть малых и средних предприятий – субподрядчиков обеспечивающих конкурентоспособность, как это происходит в Японии, – на самом деле прошла не через замену структуры производства. Данные предприятия лишь изменили корпоративную модель управления или прошли через экспансию и в условиях завоевания мировых рынков конгломератами корпораций организовали производство с учетом возрастающего спроса. Для этого и необходимо использование субподрядов мелкого и среднего бизнеса. Но и в этом случае обновленный динамизм попадает под контроль крупных корпораций.

Все это означает кризис традиционных мотивов труда, функциональное управление линейно-аппаратной системы нивелируется и заменяется строго техническим разделением производства и социальным разделением труда. образу-

ются небольшие коллективы универсалов, возглавляемые бригадиром, где мотивы труда приобретают коллективную форму. Анализ показателей результатов труда позволяет понять, насколько коллектив конкурентоспособен.

Смена парадигм управления определила трудности адаптации субъектов рыночной занятости. Особенности социально-экономической адаптации населения нашей страны обусловлены мировыми тенденциями в сфере управления и кризисными явлениями в глобальном мире и в сфере труда. Так, в начале 1990-х годов доминировал работник физически изношенный, с высокой степенью социальной усталости, с деформированной нравственностью.

Анализ самооценки соответствия личностных качеств [3] позволяет сделать ряд следующих выводов.

Самооценка личностных качеств, соответствующих рыночной экономике, наблюдалась у 37,8% респондентов; доля уверенных рыночников составляла десятую часть от приведенного количества; 50% опрошенных представляли «нерыночников»; 17,2% можно назвать «уверенными нерыночниками». Большинство российского трудоспособного населения продолжает оставаться на стадии патерналистского мировоззрения, соответствующего развитию европейских стран 60-х годов XX в.

В первом десятилетии XXI в. субъект рынка занятости характеризуется в качестве «профессионально уставшего», с явной тенденцией снижения уровня притязаний в сфере потребления. Вместе с тем происходит значительное изменение мотивации труда в сторону координации потребностей. Социальные отношения обозначены становлением партнерских отношений, при которых, по результатам социологических исследований, 45% экспертов указали, что стратегию управления предприятием формируют учредители; 48% экспертов считают, что работодатели осознают собственные функции организаторов производства и стремятся к мотивации труда наемных работников [4, с. 183–184]).

Эволюция базисной компоненты социальных отношений в модели трудового общества от парной категории «труд – обмен» и характерной системы занятости приводит к монетаризации труда и потребностей, возникающих на этой основе, к прагматизму и новой рациональности отношений как между субъектами рынка занятости, так и между социальными группами. Изменившийся характер труда и социальных отношений влечет за собой внедрение нового стереотипа социального поведения и мотивов отношения к трудовой занятости.

Библиографический список

1. Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социс. 2006. № 6. С. 26–37.
2. Симагин Ю.А. Изменение трудовой составляющей образа жизни (проект «Таганрог») // Социс. 2004. № 5. С. 86–92.
3. Мониторинг экономического положения и здоровья (РМЭЗ). М., 2002.
4. Гостенина В.И. Социальное партнерство в формирующейся рыночной экономике России (социально-управленческий аспект): дис. ... д-ра социол. наук. М., 2005.
5. Турен А. Социология без общества // Социс. 2004. № 7. С. 6–11.
6. Gorz A. Critique of economic reason. L.; N.Y., 1989.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

**T.L. Rudchenko
Assessment
of Social Development
of a Modern Organization**

Methodological approaches of different sociological schools who study processes of social development of the organization are analyzed. The current content of the organization social development process is specified. Assessment parameters of the phenomenon are concretized.

Key words and word-combinations: assessment of social development, quality of working life, social sphere of an organization.

Показаны методологические подходы различных социологических школ, исследующих процессы социального развития организации. Уточняется современное содержание процесса социального развития организации. Конкретизированы параметры оценки данного явления.

Ключевые слова и словосочетания: оценка социального развития, качество трудовой жизни, социальная сфера организации.

УДК 316.354
ББК 60.55–41

Т.Л. Рудченко

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В условиях перехода к динамичному общественному развитию возрастает значение расширенного понимания трудовой организации как важнейшего элемента социально-экономической системы, формируются практики социального проектирования развития трудовых коллективов. Социальная информация и социальные знания сегодня понимаются «не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производства, а уже как непосредственная производительная сила» [1, с. 101]. Поэтому социально-экономический рост хозяйственной организации в современных условиях связан и определяется социальным развитием трудового коллектива.

Социальное развитие организации способствует накоплению формальных и неформальных знаний тружеников, создает условия для инновационного роста. В свою очередь, социальные компоненты трудовой организации являются главным фактором роста самой организации.

Оценка социального развития организации осуществляется на основе различных методологических подходов. Комплексное исследование данной проблемы в современных социологических работах отсутствует. Поэтому представляется необходимым уточнить имеющиеся методологические подходы к исследованию социального развития организации, предложить интегрированную систему оценки, определить факторы, создающие условия активизации данного процесса в современной организации.

В рамках *структурно-функционального подхода* исследователи анализируют социальное развитие организации в контексте происходящих в ней изменений структуры и функций. Ими доказывается, что структура трудовой организации должна устанавливать границы изменений и пределы случайного в социальных системах, хотя сохраняется пространство для вариаций и творчества индивидов. Признается, что практическое применение идей и изобретений способно изменить общепринятую структуру во всех областях и сферах жизни [2, с. 52–53].

Сторонники данного научного подхода рассматривают обобщенные показатели. Социальное развитие организации, считают они, представляет собой процесс прогрессивных изменений внешней и внутренней среды всякой трудовой организации. Оно анализируется ими через изменение в системе координат социального действия работников. Внимание акцентируется на социальном развитии акторов – «независимо от того, является действующей единицей индивид или коллектив» [3, с. 417]. Социальное развитие организационной системы считается следствием рациональных и скоординированных проектных действий администрации.

Социальное развитие трудовой организации связывают с биологическим, культурным, образовательным ростом человеческого потенциала работников. При этом уровень дохода труженика рассматривается как базовый показатель и фактор социального развития организации. Предлагается учитывать показатели качества жизни семьи труженика, инновационные способности работников, формирование у последних особых экспертных профессиональных знаний, пользующихся одобрением клиентов и коллег, имеющих высокий мотивационный ресурс и статус [4, с. 10]. В данном контексте расширяется содержание категории «профессионал».

Профессионализм рассматривается как результат общего развития работника, для него характерен ряд компетенций: стаж, должность, разряд, культурное, образовательное, общее развитие личности [5, с. 28]. Таким образом, социальное развитие организации связывается с реализацией общих принципов формирования «компетентного работника», это формирование трактуется как создание всеобщего развитого человека [6], являющегося признанным знатоком в определенных профессиональных вопросах [7]. Такой профессиональный работник обладает способностью к обработке и применению новых знаний, работает и проживает в комфортных условиях [8]. Он наделен широким кругом постоянно растущих профессиональных полномочий.

Структурно-функциональный подход предполагает, что все подсистемы организации на разных этапах общественного развития имеют специфику функционирования и развития. Каждая организационная трудовая сфера общественной жизни представляет собой сложную иерархию трансформирующихся социальных и социально-экономических общественных систем, четкое разграничение специфики развития которых может быть осуществлено только в абстрактном виде.

С позиций *мотивационной доктрины* социальное развитие организации, как правило, отождествляется с процессом совершенствования ценностных

приоритетов работников, с ростом их потребностей и с совершенствованием системы побуждения к труду. В данном случае трудовое поведение работников исследуется во взаимосвязи и взаимозависимости с их собственной оценкой условий и форм трудового взаимодействия. Сторонники этой теории утверждают, что если труженики видят и ощущают рост вознаграждения за труд, то они констатируют социальное развитие трудовой организации и будут содействовать работе организации, повышать свою трудовую эффективность. Рост уровня удовлетворенности трудом повышает социальную эффективность, интенсивность труда, качество трудовой жизни работников. Как следствие, для того чтобы обеспечивать рост эффективности труда, активизировать участие работников в делах компании, система управления должна реализовывать постоянный проект социального развития, оптимизировать и развивать материальную и нематериальную систему стимулирования труда [9].

Ряд исследователей выделяют комплексные показатели социального развития организации: 1) рост заработной платы (доказывается, что заработная плата является не только социально-экономическим показателем уровня социального развития организации, но и основным мотиватором трудовой деятельности); 2) ценностные приоритеты работников (оцениваются: активная трудовая самоотдача, трудовые и статусные достижения, социальная ответственность) [10].

Социальное развитие трудовой организации рассматривается в контексте изменений мотивационных ценностей сотрудников. Исследователи опираются на оценку ценностных приоритетов работников, а также на изменение социальных технологий принятия работниками трудовых индивидуальных решений. Обосновывается необходимость всякой организации разрабатывать и планомерно реализовывать инструменты социального развития тружеников, тем самым трансформировать ценности личности в коллективные цели и задачи организации. Признается, что лишь для небольшого количества участников деятельного процесса собственно труд имеет самостоятельную мотивационную ценность [11].

Социологические концепции развития организации обращаются к качеству трудовой жизни работников и состоянию социальной сферы организации (развитие объектов здравоохранения, спорта, баз отдыха, образовательных и развивающих структур). Ключевым является положение, согласно которому в новых условиях социальное развитие трудового коллектива выступает важнейшим фактором повышения эффективности трудового взаимодействия работников. Называются следующие показатели социального развития организации: 1) уровень образования персонала; 2) показатели групповой сплоченности трудового коллектива; 3) привлечение персонала к управленческим процессам [12, с. 177].

В современных социологических исследованиях качество трудовой жизни непосредственно связывается с социальным развитием организации. Считается, что качество трудовой жизни является всесторонним показателем, характеризующим не только социальное, но и экономическое развитие организационной

системы общества: «уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния человека» [13, с. 227]. Перечень показателей качества трудовой жизни, на наш взгляд, можно условно скомпоновать следующими параметрами: 1) условия трудовой деятельности работника; 2) условия, обеспечивающие реализацию трудового потенциала работника; 3) благосостояние человека как в трудовой среде, так и вне ее.

На основе анализа представленных концептуальных принципов социологии организации несложно представить обобщенную двойственную систему показателей оценки социального развития организации. Первую группу показателей составляют: развитие качества трудовой жизни работников (параметры условий труда, возможности карьерного роста и реализации трудового потенциала, уровень благосостояния и совершенствование удовлетворения потребностей работника). Вторая группа показателей включает в себя: совершенствование социальной сферы организации (параметры развития организационных структур здравоохранения, спорта, отдыха, образовательные и развивающие комплексы).

Таким образом, акцент делается на собственно человеческой стороне социального развития организации, которое исследуется через интегрированные показатели роста дохода, общих систем ценностей сотрудников, социальной сферы организации как фактора развития. Важным фактором социального развития представляется гуманизация труда, рост готовности работников к изменениям своих ценностных приоритетов в связи с переменами в условиях трудовой жизнедеятельности. Гуманизация труда внешне выступает как результат проектирования нововведений, направленных на совершенствование трудовых отношений, достижения трудовых отношений, максимально обеспечивающих удовлетворенность потребностей работника. В предлагаемой системе отношений руководитель должен опираться на особый социально-экономический и личностный опыт, ориентироваться в конечном итоге на социальное развитие подчиненных, что и позволит «организациям в частности и обществу в целом преодолеть аномию и социальное равнодушие, пассивность и дезорганизацию» [14, с. 23].

На эффективность трудовой активности влияют не просто вложения в проекты, направленные на социальное развитие, а реальные улучшения трудового пространства, справедливое вознаграждение субъекта трудовой деятельности, а также повышение качества жизни тружеников. Отсутствие социального развития организации характеризуется проявлениями отрицательно направленных форм трудовой активности. Сотрудники начинают имитировать работу, решают личные проблемы на работе, а порой реализуют и коллективные формы трудового вредительства.

В интегрированном виде социальное развитие организации выражается через показатели качественного и количественного роста состава работников организации, данные о состоянии трудового потенциала и качества трудовой жизни сотрудников. Комплексный подход к оценке социального развития организации нами предлагается строить на четырех относительно самостоятельных параметрах: 1) оценке роста доходов тружеников; 2) оценке профес-

сионального и квалификационного развития работников; 3) оценке совершенствования качества трудовой жизни; 4) оценке развития социальной сферы организации.

Социальное развитие организации предполагает в конечном итоге повышение потребности акторов к труду, а также рост эффективности трудового взаимодействия работников. К сожалению, в России труд не является важнейшей потребностью трудящихся. В современных условиях он представляет собой средство для выживания подавляющего большинства непосредственных наемных работников России. В перспективе реализации задач социального развития современных организаций труд должен стать не только способом материального обеспечения труженика и его семьи, но и источником удовлетворения духовных потребностей, средством самореализации, инициативы и новаторства. На первый план должна выйти проблема проектирования трудовой культуры тружеников.

Для эффективного социального развития трудовой организации необходим не только постоянный и динамичный рост заработной платы тружеников, но и оптимизация мотивационных процессов, активизация процессов саморазвития трудового потенциала, совершенствование механизмов и условий трудового взаимодействия, обеспечение условий для побуждения работников идентифицировать свои цели, интересы, ценности с миссией, коллективными целями, интересами, культурой трудовой организации.

Библиографический список

1. *Stehr N.* Knowledge Societies. L., 1994.
2. *Carlstein T.* The sociology of structuration in time and space: a time-geographic assessment of Giddens's theory: Swedish Geographical Yearbook. Lund, 1981.
3. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2002.
4. *Батыгин Г.С.* Профессионалы в расколованном мире // Этика успеха: вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Тюмень, М., 1994. Вып. 3.
5. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования. 2005. № 2.
6. *Гнатышина Е.А.* Компетентностно ориентированное управление подготовкой педагогов профессионального обучения. СПб., 2008.
7. *Найн А.Я., Гнатышина Е.А.* Организатор экспериментальной работы в лицее // Профессионал. 1995. № 1/2. С. 29–31.
8. *Дружилов С.А.* Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход // Сибирь. Философия. Образование: научно-публицистический альманах СО РАО, ИПК. Новокузнецк, 2005. Вып. 8. С. 26–44.
9. *Марч Дж., Саймон Г.* Организации // Личность. Культура. Общество. 2001. Вып. 1 (21). С. 252–302.
10. *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4, № 4. С. 45–74.
11. *Озерникова Т.Г.* Принуждение к труду и вынужденная мотивация. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru>
12. *Mayo E.* The Human Problems of an Industrial Civilization. N.Y., 1933.
13. *Егоршин А.* Мотивация трудовой деятельности. Н. Новгород, 2003.
14. *Баландина Т.М.* Социология управления. Саратов, 2005.

**D.N. Bezrukov
General Assessment
of the Condition and
Development of Organizational
Culture in Modern Russia**

The most important functions of organizational culture are analyzed in direct connection with the type, purpose, and stage of a company's development. The classification of organizational and corporate culture evolutionary processes is proposed.

Key words and word-combinations: company, organizational culture, corporate culture, purposes, typology.

Важнейшие функции организационной культуры анализируются в непосредственной связи с типом, целью, этапом развития компании. Предложена классификация эволюционных процессов организационной и корпоративной культуры компании.

Ключевые слова и словосочетания: компания, организационная культура, корпоративная культура, цели, типология.

УДК 316.354
ББК 60.55

Д.Н. Безруков

ОБЩАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В большинстве случаев современные организации стремятся формировать сильную корпоративную культуру, которая объединяет людей в дружный коллектив с целью поддерживать работу в командах, сотрудничество и взаимное доверие. В такой обстановке люди уверенно обмениваются идеями и знаниями, проявляют творческое начало и открытость, успешнее адаптируются к окружающей производственной среде.

Раньше считалось, что причина отставания развития производства связана с национальной и корпоративной культурой. Сравнительное сопоставление национальных и организационных культур показало, что национальные культуры различаются в основном на уровне ценностей, в то время как организационные находятся на поверхностном уровне практики (символов, героев и ритуалов) и существенно отличаются в разных странах [1, с. 88–89]. В настоящее время стало понятно: культура компании должна соответствовать потребностям внешней среды и корпоративной стратегии, чтобы сотрудники могли создать организацию, которую сложно победить в конкурентной борьбе.

Корпоративная (организационная) культура выполняет ряд важнейших функций, значимость и приоритетность которых для развития инновационной деятельности компании может меняться в зависимости от специфики деятельности организации, ее типа,

этапа развития и от поставленных целей. Особенности корпоративной культуры часто определяются видом деятельности. Например, в банковской сфере она вполне определенная, строгая; поведение сотрудников здесь четко регламентировано, стиль общения – формальный. Корпоративная культура в сфере торговли и продаж более разнообразна, самобытна, менее определена, допускает больше вариаций в поведении, общении; стиль общения менее формален, более демократичен, приветствуется энергичность, общительность, коммуникабельность. Компаниям отраслей высоких технологий присуще наличие культуры, содержащей «инновационные» ценности и веру в изменения, однако эта черта может по-разному проявляться в компаниях одной и той же отрасли.

Российская организационная культура – результат длительного исторического развития.

Организационную культуру СССР можно охарактеризовать как командно-административную и излишне идеологизированную. Она была во многом декларативна, насыщена излишней демонстративностью, призванной компенсировать разрыв между необоснованными планами и реальными возможностями экономики. Организационная культура естественным образом базировалась на советской экономической культуре и культивировала поведенческие стереотипы минимизации экономических усилий, ограничения потребностей до уровня «как у всех». Это способствовало воспроизводству пассивности работников и ориентации на государство при решении проблем жизнеобеспечения.

Деформация культурного, ценностного содержания труда – одно из самых негативных последствий советской эпохи. Внешне труд был возведен в ранг абсолютной социальной ценности, реально же эта ценность не была укоренена в личностных установках индивида. В то же время поддержание на идеологическом уровне положительного отношения к труду, его высокое положение в системе ценностей народа определяло успех социально-экономического развития страны [2, с. 13].

Положительными чертами организационной культуры, сформировавшейся в советский период, являлись развитая коллективистская трудовая мораль, умение подчинять личное общественному, чувство причастности к общему делу, самоотдача и готовность бескорыстно прийти на помощь.

На рубеже 1990-х годов Россия вступила в новый этап своего социально-экономического развития и оказалась в ситуации, когда необходимо существенно модернизировать отечественную организационную культуру. Происходившие преобразования проводились преимущественно на основе западных моделей и технологий бизнеса. Успех производимой модернизации в целом ассоциировался с заимствованием западных ценностей и образцов. Предполагалось, что старые «советские» культурные нормы будут неизбежно вытесняться новыми «рыночными» как более эффективными [3, с. 121].

Результаты многих современных исследований показывают, что при внешней ориентации на новый рынок трудовые отношения на российских предприятиях мало чем отличаются от старых. Решающими факторами, их определяющими, являются вид деятельности предприятия и характер внешней среды, в частности конкуренции. Тип собственности, национальная принадлежность и размер орга-

низации не оказывают существенного влияния на конкретный вид культуры организации. В структурном отношении современная российская организационная культура очень разнородна и включает в себя образцы дореволюционной, советской и частично западной культуры, выражающиеся в стремлении подражать в образе, стиле, уровне и качестве жизни западным странам, заимствовании их стиля и образа жизни. При этом не создается устойчивых механизмов в регулировании трудового поведения, предпринимательских ориентаций и установок.

Специалистами выделяются основные характеристики российской организационной культуры. Присутствует стремление к коллективизму наряду со слабой личной ответственностью. Заметно распыление ответственности между всеми членами коллектива и, как следствие, большая значимость неформальных отношений. Слабо выражены способности к самоорганизации. Отмечается низкая исполнительская культура, обусловленная особенностями стимулирования труда и ответственности. В организациях вертикальные связи преобладают над горизонтальными, в управлении по-прежнему господствуют централизация и авторитаризм. Сохраняется выраженная неритмичность организации труда, периоды простоя чередуются с «авралами».

В тематической литературе имеется объяснение сложившейся ситуации. Причин такого состояния организационной культуры несколько. В частности, происходит слишком быстрое разрушение традиционной системы ценностей и институтов без создания взамен нового уровня культуры, на котором устойчивые традиционные архетипы массового сознания и новые ценности могут конструктивно взаимодействовать, усиливая друг друга. Сказывается системное несоответствие, обусловленное тем, что российская экономическая ментальность больше тяготеет к восточному типу культуры, в то время как общей моделью развития России реформаторы видят Запад. Свою роль играет несоответствие пространства и времени: темпоритмы Запада и России не совпадают, но модернизаторы страны упорно применяют к России западные мерки пространства и времени [4, с. 242].

Характеризуя текущее состояние культуры организации, необходимо подчеркнуть, что уходящие корнями в глубь веков и прочно закрепившиеся в советское время авторитарно-коллективные традиции пока доминируют и в современной России. Однако постепенно под влиянием становления в нашей стране рыночной экономики акцент переносится на ценности автономии и индивидуализма.

На наш взгляд, в современной России можно выделить четыре типа организационной культуры:

1. Для крупных российских предприятий, имеющих твердые позиции на относительно стабильном рынке, характерна *бюрократически-ролевая культура*. Ей присущи: строгая административная иерархия, где каждый работник выполняет определенные трудовые обязанности; в качестве главного источника выступает занимаемое сотрудником положение в организации, а не его способности; централизованное принятие решений.

2. Компании, находящиеся в стадии формирования, предпочитают *силовую культуру*, которая способствует мобильности и легкой адаптации к любым изменениям на рынке. Она характеризуется наличием руководителя, который помимо административной власти обладает и лидерскими качествами. В этом

случае приветствуется проявление лояльности персонала по отношению к своему руководителю. Сотрудники на предприятиях с такой организационной культурой наделены определенными, но все же ограниченными полномочиями, причем круг этих лиц очень узок, за ними ведется строгий контроль и окончательное решение остается все равно за руководителем.

3. В адвокатских конторах, консалтинговых фирмах, архитектурных бюро, дизайнерских студиях чаще всего формируется *лично ориентированная организационная культура*. Для нее характерен высокий профессионализм и личная ответственность персонала, что позволяет сотрудникам использовать огромные возможности как для удовлетворения амбиций, так и для реализации личных интересов благодаря способности сотрудников договариваться между собой, а также благодаря их относительной независимости друг от друга. Культивируются артельные, общинные, товарищеские отношения между сотрудниками, коллегиальное принятие решений. В связи с этим в таких организациях наблюдается не жесткий контроль сверху, а координация. Подчиненные обладают большой самостоятельностью и могут работать по гибкому графику.

4. *Целевая культура* эффективна в тех случаях, когда ситуативные требования рынка являются определяющими в деятельности организации. Она формируется на предприятиях, ориентированных на решение конкретных задач, в силу чего должностные обязанности каждого работника здесь четко ограничены и расписаны, каждый отвечает за свой участок предприятия, а руководитель координирует их деятельность. Работа сотрудников жестко контролируется, иногда используется соответствующая система отчетности, но при этом решения принимаются коллегиально, а сотрудники имеют доступ ко всей внутренней информации. Организационная структура таких предприятий несколько размыта.

Корпоративная культура объединяет людей, определяет ценности и регламентирует возможные способы действий. В целом она выполняет в организации две важные задачи: 1) сплочение сотрудников и определение их отношений между собой; 2) помощь организации в адаптации к внешней среде и выживании, что связано с поиском и нахождением организацией своей ниши на рынке и приспособлением к постоянно меняющемуся внешнему окружению. Между двумя этими задачами нет четко проведенной границы: успешное решение одной из них создает условия для решения другой.

Сильная организационная культура может сплотить сотрудников и направить их деятельность на достижение корпоративных целей, но иногда она поддерживает ложные ценности, не соответствующие требованиям окружающей среды и наносящие вред организации. Она гарантирует успех только в том случае, если поддерживает адаптацию к окружающей среде. Усилия менеджмента, направленные на обеспечение выживания организации во внешней среде, будут напрасными, если они не подкрепляются слаженной работой коллектива.

Изменение условий конкуренции приводит к организационным проблемам, связанным с перестройкой работы персонала организации. Этот процесс может быть значительно смягчен, если аппарат управления правильно определит необходимый в данном случае тип информационной системы и будет проводить работу по выстраиванию организационной культуры, более соответствующей

щей новым условиям. Вряд ли возможно обеспечить единство и интеграцию коллектива, если организация не может достойным образом ответить на вызовы внешней среды. В этом случае фактор неконкурентоспособности может оказывать негативное воздействие на организацию, что само по себе является еще менее желательным, чем слабая организационная культура.

На наш взгляд, организационная культура современной организации в том или ином сочетании включает в себя все названные типы. Чаще на предприятии реализуются несколько типов (субкультур) одновременно, но преобладает какая-либо одна, задающая окраску и специфичность конкретной организации. На основе сочетания типов организационной культуры можно установить такие важные характеристики, как стиль управления, потенциальные возможности возникновения конфликтов, характер их протекания и способы их разрешения, а также сделать заключение о совместимости организаций и возможных последствиях объединения для каждой из них.

Библиографический список

1. Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. М., 2001.
2. Томилов В.В. Культура предпринимательства. СПб., 2000.
3. Темницкий А.Л. Трудовые отношения на новом частном предприятии (социологический анализ данных трех исследований). М., 2000.
4. Шаталова Н.И. Организационная культура: учебник / под ред. Н.И. Шаталовой. М., 2006.

I.V. Manakhova
Social Entrepreneurship
as an Economic Phenomenon

The content of the concept of social entrepreneurship is revealed, and its basic features and criteria of activity are presented. Differences between social entrepreneurship, charity, and traditional entrepreneurship are shown. The classification of social enterprises is given.

Key words and words-combinations: social entrepreneurship, social enterprises, innovations, charities, welfare.

Содержательно раскрыто понятие социального предпринимательства, представлены его основные признаки и критерии деятельности. Показано отличие социального предпринимательства от благотворительности и традиционного предпринимательства. Дана классификация социальных предприятий.

Ключевые слова и словосочетания: социальное предпринимательство, социальные предприятия, инновации, благотворительность, благосостояние.

УДК 338
 ББК 65.290

И.В. Манахова

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Социальное предпринимательство – новое и уникальное явление для нашей страны. Оно отражает готовность некоторой части экономически активных граждан принимать участие в решении социальных проблем через создание устойчивых бизнес-моделей, оказывающих долгосрочное позитивное влияние на уровень жизни и благосостояние населения.

Под социальным предпринимательством

понимается деятельность, направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самоокупаемости, инновационности и устойчивости. Это бизнес с ярко выраженной социальной миссией в своем основном содержании.

Как явление социальное предпринимательство характеризуют следующие критерии:

- социальное воздействие, то есть направленность на решение или смягчение конкретной осязаемой проблемы;
- инновационность, выраженная в применении новых подходов, новых способов решения как существующих, так и вновь возникших социальных проблем;
- самоокупаемость и финансовая устойчивость, обеспечивающая независимость от внешнего финансирования;
- масштабируемость и тиражируемость, предполагающие увеличение масштаба деятельности на национальном и международном уровнях и воспроизводство модели социального предприятия в иных географических и социальных условиях;
- предпринимательский подход, заключающийся в способности социального предпринимателя определять провалы рынка и государства, находить возможности, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения, оказывающие долгосрочное позитивное влияние на общество.

Субъектами исследуемого специфического вида экономической деятельности являются социальные предприниматели – новаторы, которые используют инновационные идеи и различные ресурсы для решения социальных проблем. Многие считают социальных предпринимателей представителями сектора новой, инновационной экономики. Их деятельность приводит к устойчивым позитивным социальным изменениям.

Социальное предпринимательство занимает особое место в обществе (рис. 1). Оно находится на стыке традиционного предпринимательства и благотворительности, поскольку берет от благотворительности социальную направленность деятельности, а от бизнеса – предпринимательские принципы. Это позволяет ему проявлять себя как качественно новый подход к решению социальных задач.

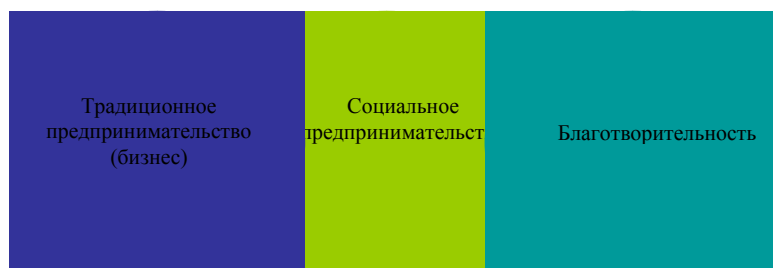

Рис. 1. Место социального предпринимательства в обществе

Сравнивая социальное предпринимательство с традиционным бизнесом и благотворительностью, можно выделить их характерные признаки (таблица).

Сравнительная характеристика социального предпринимательства

Критерии	Традиционный бизнес	Социальное предпринимательство	Благотворительность
Тип структуры	Коммерческая структура	Социально ориентированная структура	Социально ориентированная структура
Целевая функция	Максимизация прибыли	Смягчение или решение конкретных социальных проблем	Решение социальных проблем
Источники доходов	Доход от собственной деятельности	Доход от собственной деятельности	Гранты и пожертвования
Степень финансовой зависимости	Независимость от внешних источников финансирования, необходим только стартовый капитал	Независимость от внешних источников финансирования, необходим только стартовый капитал	Зависимость от внешних источников финансирования, доноров
Распределение прибыли	Прибыль распределяется среди участников или акционеров	Прибыль реинвестируется	Прибыль отсутствует
Капитализация ресурсов	Финансовый капитал; человеческий капитал	Финансовый капитал; человеческий капитал; социальный капитал; культурный капитал; символический капитал	Человеческий капитал; социальный капитал; культурный капитал; символический капитал

Социальным предпринимательством можно назвать деятельность любого социально ориентированного предприятия (коммерческого и некоммерческого), реализующего общественно значимые социальные проекты в рамках своей целевой функции. Социальные предприятия генерируют занятость в таких областях, как производство продуктов питания, сбыт, кредитование, транспортные перевозки, создание семейных гостиниц, благоустройство дворов, строительство музеев и другое. Они также открывают более широкие возможности качественного трудоустройства для молодежи, женщин, коренных народов и маргинализированных групп населения, занимаются трудовой и социальной реабилитацией людей с ограниченными возможностями.

По сравнению с другими предприятиями частного сектора социальные предприятия, как правило, больше внимания уделяют вопросу обеспечения стабильной занятости членов трудового коллектива и членов их семей. Они устанавливают конкурентоспособную заработную плату, содействуют получению работниками дополнительного дохода за счет распределения прибыли, дивидендов и других льгот и поддерживают местные объекты, такие, как медицинские клиники или школы.

Социальные предприятия занимаются задачами, решать которые в полной мере государство не берется. Вместе с тем, во многих странах социальные предприятия довольно тесно работают совместно с государственными организациями как на общенациональном, так и на местном уровне.

В российской экономике институт социального предпринимательства еще только формируется, хотя за рубежом социальное предпринимательство на основе частной инициативы развивается более четверти века, а 20 крупнейших зарубежных частных фондов выполняют социальную миссию. По данным международной статистики, за рубежом 5,5 тыс. социальных предпринимателей поддерживаются четверкой крупнейших западных фондов, 3,3% населения вовлечено в деятельность в области социального предпринимательства, помощь оказывается 175 тыс. человек.

Следует отметить, что в дореволюционной России существовал опыт социального предпринимательства, в частности было открыто 142 дома трудолюбия – некие аналоги современных проектов в этой области. Показательно, что 42% нынешних россиян, по данным опроса Фонда региональных социальных программ «Наше будущее», считают социальное предпринимательство реальностью России [1].

Примером организации социального предпринимательства в современной России и возрождения былых традиций служит основанный в 2007 г. по инициативе В.Ю. Алекперова («Лукойл») Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». Фонд поддерживает и финансирует предприятия, чья деятельность нацелена на решение конкретных социальных проблем общества. В 2008–2010 гг. он инвестировал в социальное предпринимательство 60 млн руб. в форме грантов и займов. За два года фондом поддержано 15 проектов в сфере социального предпринимательства, а в 2011 г. в него подано 379 заявок из 74 регионов России [1].

Примером конкретной производственной организации может служить войлочная мастерская по выпуску игрушек, бижутерии и сувениров, организованная специально для многодетных матерей. Вне зависимости от образования и профессионального опыта, многие из них не имеют возможности и времени вернуться к полноценной работе. Помимо дополнительного заработка, этот вид деятельности означает возможность творческой самореализации для женщин. Другим примером является открытая в 2009 г. в Пермском крае школа фермеров, где обучают сельскому предпринимательству выпускников детских домов. Данный социальный проект привлекает молодежь к работе на селе и воспитывает самостоятельных грамотных фермеров, способных вести прибыльный агробизнес.

Социальное предпринимательство объединяет в своей деятельности предпринимательский, инновационный и рыночные подходы для создания общественно полезных благ и социальных преобразований. При этом специалисты [2] отмечают сочетание следующих характеристик этого явления:

социальный результат – обеспечивает социальное воздействие или изменение путем решения конкретной социальной проблемы либо устранения «изъянов» рынка и / или «провалов» государства;

предпринимательский подход – активно использует в своей деятельности механизмы, свойственные бизнесу: инновации, стратегический менеджмент и маркетинг, финансовую дисциплину, склонность к риску;

общественная собственность – может выражаться в общественном характе-

ре производимого продукта (услуги), общественном управлении, но может не иметь правового статуса.

Теория социального предпринимательства уходит своими корнями в концепцию социально ответственного бизнеса (the Socially-Responsible Business concept). Социальным предпринимателем считается человек, который ставит общественный интерес выше личного дохода, поэтому в теоретических исследованиях предприятия ранжируются по принципу противопоставления «эгоизм – альтруизм». Однако согласно теории разумного эгоизма (enlightened self-interest) социальная ответственность бизнеса характеризуется как просто «хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери в прибыли (long-term profit loss) [3, с. 6]. Направляя денежные средства на социальные и филантропические программы, предприятие сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и, таким образом, устойчивые прибыли в будущем. Другая трактовка социально ответственного поведения бизнеса исходит из того, что основная мотивация заключается в борьбе за социальный статус, который приобретается в процессе дарения (gift giving). Проявление социальной ответственности позволяет улучшить имидж предприятия, отношения в коллективе, привлечь новых клиентов, увеличить объемы продаж своей продукции (услуг), стоимость акций корпорации на рынке. Иными словами, социальность становится новым конкурентным преимуществом современного бизнеса.

Исследователи [4] выделяют ряд факторов, определяющих социальное предпринимательство: 1) принятие на себя миссии создания и поддержания социальной ценности (блага); 2) выявление и использование новых возможностей для реализации избранной миссии; 3) осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения; 4) решительность действий, не ограничиваемая располагаемыми ресурсами; 5) высокая ответственность предпринимателя за результаты своей деятельности.

Социальное предпринимательство рассматривается как процесс, включающий комбинацию ресурсов для создания возможностей ускорения социальных изменений и / или удовлетворения общественных потребностей.

Согласно теории Р.Л. Мартина и С. Осберга социальное предпринимательство содержит три функциональных компонента:

выявление устойчивого, но несправедливого равновесия, обуславливающего социальную исключенность, маргинализацию части общества, которой недостает финансовых средств либо политических рычагов для достижения социального блага путем трансформации;

выявление внутри несправедливого равновесия возможности для производства социального блага – посредством вдохновения, творческой инициативы, прямого действия и риска предпринимателя;

постепенное достижение нового равновесия, высвобождающего скрытый потенциал через «создание стабильной экосистемы вокруг нового равновесия», способствующей повышению благосостояния целевой группы и общества в целом [5].

На практике существуют разнообразные формы социального предпринимательства. По сути, социальные предприятия являются гибридными органи-

ями, сочетающими деятельность, направленную на получение прибыли (for-profit activities), с неприбыльной деятельностью (non-profit activities). Результатом становится создание благ, одновременно сочетающих социальную и экономическую ценность. Данный методологический подход основан на концепции «смешанной ценности» Дж. Эмерсона, которая получила известность в связи с активным участием бизнеса в реализации социально ответственного поведения. Концепция смешанной ценности подразумевает, что благо включает экономическую, социальную и экологическую ценности [6, с. 18–19].

Существуют различные подходы к классификации социальных предприятий. Так, гибридные организации в зависимости от назначения подразделяются на две группы: первые – ориентированные на социальное воздействие, вторые – в большей степени ориентированные на прибыль. Некоммерческие организации создаются для достижения общественно полезных целей. Для выполнения социальной миссии они достигают устойчивости посредством привлечения внешних финансовых ресурсов (донорская помощь, пожертвования, членские взносы) либо ресурсов, воспроизводимых на собственной основе (через организацию коммерческих услуг).

Коммерческие организации создаются в целях производства экономических благ. Для достижения рыночной устойчивости им необходимо делать социальные взносы (отчисления во внебюджетные фонды, благотворительность). С учетом этих критериев данные группы организаций реализуют различные стратегии устойчивости (рис. 2).

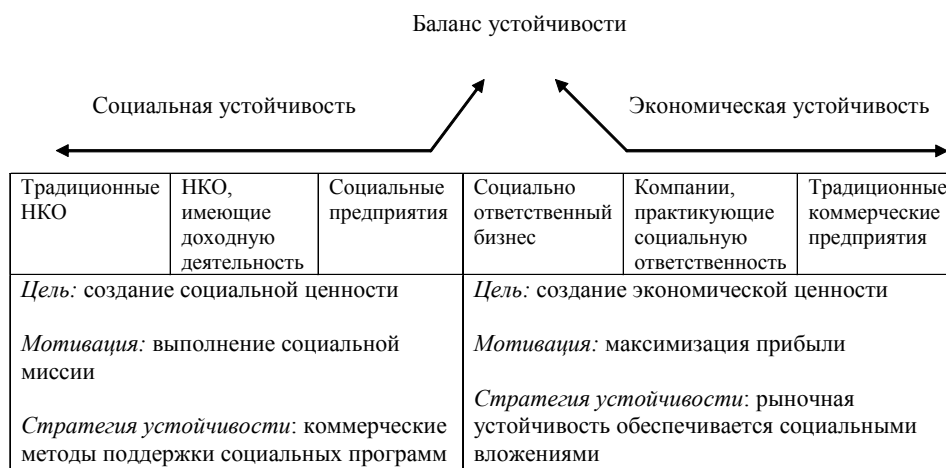

Рис. 2. Баланс устойчивости гибридных организаций

Социальные предприятия могут различаться по типу собственности, то есть быть основанными на общественной, частной или корпоративной. Организованные на базе некоммерческих организаций (НКО) социальные предприятия, созданные на принципах общественной собственности, имеют определенные ограничения: собственность не может ни обуславливать легальную структуру

предприятия, ни служить ее результатом. Общественная собственность может проявляться в принятии решений и участии, пока организация является действующим предприятием. При этом собственность НКО превращается в юридическую проблему, если собственник решит продать либо закрыть предприятие с ликвидацией активов.

Социальные предприятия, основанные на принципах частной собственности, имеют ряд преимуществ: независимое финансирование, прозрачность собственности на активы, свобода купли-продажи. Однако возможна вероятность конфликта между мотивацией получения прибыли и социальной миссией. Более того, прибыльные организации имеют меньше льгот и жесткие налоговые обязательства, что ограничивает социальный характер и назначение предприятия, требует от него большей производительности, нежели удовлетворение социальных нужд.

Результат деятельности социального предприятия может заключаться в обеспечении дополнительного механизма финансирования (социальных программ организации либо покрытия операционных расходов), а может служить устойчивым системным механизмом обеспечения социальной миссии. Назначение социального предприятия может полностью совпадать с социальной миссией организации, быть косвенно включенным или нейтральным, что отражается на степени интеграции социальной и экономической программы предприятия (рис. 3).

Рис. 3. Основные модели социального предпринимательства [7]

Социальные предприятия классифицируются и в зависимости от уровня интеграции между программами социальной и деловой активности, влияющего на выбор определенной бизнес-модели. Выделяются три основные модели социального предпринимательства: 1) встроенная – предпринимательская деятельность полностью нацелена на реализацию социальной миссии; 2) интегрированная – предпринимательская деятельность сочетает реализацию миссии и расширение бизнеса либо покрытие операционных расходов; 3) внешняя – предпринимательская деятельность нацелена на получение прибыли, которая выступает источником финансирования социальных программ (см. рис. 3).

Первая модель распространена в странах Северной и Южной Америки, где социальным предпринимательством называют предпринимательскую деятельность неприбыльных организаций, доход от которой направляется на реализацию уставных целей организации. Предусматривается, что миссия и уставные цели НПО направлены соответственно на решение социальных проблем, предоставление услуг целевой группе, ради которой создавалась организация, и улучшение качества жизни. Субъектами социального предпринимательства в подавляющем большинстве являются неприбыльные организации. В США существуют сильные традиции самоорганизации населения, потому и большую часть социальных проблем успешно решают НПО, получая за это финансирование от целевой группы, населения, государства и доноров.

Вторая модель доминирует в европейских странах, где социальное предпринимательство определяется больше как бизнес с социальной миссией. На первое место выходит социальный эффект от предпринимательской деятельности, а затем финансовая эффективность. Важным критерием социальных предприятий в Британии, например, является коллективная форма собственности и деятельность в интересах территориальных общин. Субъектом социального предпринимательства в данной модели выступают предприятия бизнеса с выраженной социальной миссией.

Третья модель социального предпринимательства используется в большинстве международных частных и общественных фондов, созданных с целью развития и поддержки данного направления социально-экономической деятельности. Такие известные фонды, как Schwab Foundation for Social Entrepreneurship (Швейцария), Skoll Foundation (США) и Ashoka Foundation (Индия), определяют социальное предпринимательство как инновационную предпринимательскую деятельность ради социальных превращений в обществе и общинах [8]. Отличием данной модели является то, что ключевую позицию занимает лидер – социальный предприниматель; кроме того, на передний план выходит поиск социальных новаторов по всем миру, создание благоприятных условий для их труда, их поддержки и признания. Субъектом социального предпринимательства в этом случае является человек и его социально активная деятельность.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о существовании различных форм проявления феномена социального предпринимательства – как деятельности неприбыльной организации ради самофинансирования; социального предприятия как бизнес-структуры; социальных предпринимателей как креативных лидеров и новаторов.

Важнейшее предназначение социальных предпринимателей состоит в создании новых моделей социально значимой деятельности для формирования инновационной социально ориентированной экономики, главной целью которой является человек и человеческое развитие. Социальное предпринимательство представляется новым рыночным институтом, оптимально сочетающим экономическую устойчивость и социальную ответственность, что крайне необходимо в целях модернизации российской экономики.

Библиографический список

1. URL: www.nb-fund.ru (дата обращения: 10.06.2011).
2. Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. URL: <http://socpolitika.ru/rus/ngo/research/document9919.shtml>
3. Матросов В.В., Вайнер В.Л. Некоммерческий сектор и бизнес: построение социального партнерства. Калуга, 2000.
4. Dees G. Social enterprise. 2001. URL: <http://www.tgci.com> (дата обращения: 25.05.2011).
5. Мартин Р.Л., Осберг С. Социальное предпринимательство – определение понятия. URL: http://www.nb-forum.ru/thanalitic_391_76 (дата обращения: 20.07.2011).
6. Социальное предпринимательство: новые перспективы. Бишкек, 2011.
7. Alter K. Social business. 2007. URL: www.virtueventures.com (дата обращения: 07.08.2011).
8. Предпринимательство – движущая сила экономического развития: [офиц. сайт Хайвей]. URL: www.ashoka.org (дата обращения: 25.05.2011).

A.R. Yevstifeeva
**Social Factors of the Region
Investment Climate Formation**

The investment policy is considered in terms of sociological approach. The urgency of the interaction between a state and a civil society for the activation of the region investment potential is underlined.

Key words and word-combinations: investment policy, investment climate, investment activity subjects, social capital.

Инвестиционная политика рассматривается с позиций социологического подхода. Подчеркнута актуальность взаимодействия государства и гражданского общества в целях активизации инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова и словосочетания: инвестиционная политика, инвестиционный климат, субъекты инвестиционной деятельности, социальный капитал.

УДК 330.322+338.24
ББК 65.263+65.050

А.Р. Евстифеева

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОГО
КЛИМАТА РЕГИОНА**

В рамках социологического подхода общество рассматривается как структура, состоящая из разнообразных групп, обладающих собственными интересами и потребностями, главным рычагом реализации которых является власть. Инвестиционная политика в таком случае может трактоваться как отношения государства и различных социальных групп, возникающие по поводу принятия и реализации инвестиционных решений. Указанные взаимодействия определяются инвестиционными интересами участников. Интересы формируются исходя из осознания социальными группами своего положения и предполагают ориентацию этих групп на участие в инвестиционной деятельности как условие закрепления или изменения имеющегося положения.

С позиции социологической науки инвестиционная политика в широком смысле рассматривается не как система мер и мероприятий, а как система взаимоотношений и взаимодействий между государством и гражданским обществом, главной целью которых выступает благосостояние, социальная защита и социальное развитие населения страны. Она ориентируется на создание оптимальных условий для активизации инвестиционного потенциала, которым обладает общество.

Повышение устойчивости и темпов экономического роста, улучшение структуры привлекаемых инвестиций требует активной государственной инвестиционной политики не только на федеральном, но и на региональном уровне. Считаем, что основная работа по привлечению инвестиций должна проводиться в соответствии с региональными приоритетами, а технология реализации инвестиционной политики в том или ином субъекте РФ должна учитывать возможности всех заинтересованных в инвестиционной деятельности социальных групп. С этих позиций решение проблемы формирования положительного инвестиционного климата на уровне региона представляют собой очевидную теоретическую и практическую значимость.

В современных экономиках особое значение придается социальному капиталу, который представляет собой основу социально-экономического развития. Специалисты тесно связывают понятие социального капитала с гражданским обществом [1], а поскольку социальный капитал – это групповой ресурс, который выступает проявлением социально-экономических условий и обстоятельств [2], то он может быть использован в сфере инвестиций, например, как цель или же средство таковых.

Формой накопления социального капитала является создание некоммерческих структур разного рода (союзов и ассоциаций), а также развитие сетей взаимодействующих организаций (предпринимательских, образовательных и других), обладающих устойчивыми связями, которые позволяют вырабатывать единые нормы поведения, объединять усилия по достижению общих целей. В них происходит формирование кооперативных институтов, где реализуется общественная активность, развивается самоуправление [3].

По нашему мнению, социальный капитал несет в себе потенциал формирования и развития гражданского общества, обеспечивая эффективную реализацию социальных интересов, в том числе экономических вообще и инвестиционных в частности. В контексте инвестиционной политики актуальным представляется рассмотрение такого инструмента взаимодействия государственных органов и структур гражданского общества, как сети, объединенные общим интересом, взаимозависимостью, сотрудничеством и равноправием.

Эффективно решить задачу привлечения инвестиций можно только путем повышения инвестиционной привлекательности конкретного региона для потенциальных инвесторов. В то же время формирование и эффективное осуществление инвестиционной политики невозможно представить без обеспечения соответствия интересов инвесторов и регионального гражданского общества. Несмотря на то что риск инвестиционных решений лежит на предпринимательском сообществе, инвестиционный климат в значительной степени форми-

руется воздействием гражданских объединений, которые в настоящее время активно привлекаются к участию в выработке социально-политических решений, осуществляют гражданский контроль над текущей деятельностью властных структур и гражданскую экспертизу законодательных и административных актов.

В рыночных условиях инвестиции в решение социальных проблем традиционно рассматриваются с позиции выплаченных государству налоговых средств [4]. Однако в современных зарубежных публикациях часто упоминается термин «социально ответственное инвестирование» («socially responsible investing», «social investing», «socially aware investing», «mission-based investing»), который обозначает процесс принятия инвестиционных решений, учитывающий социальные и экологические последствия инвестиций. С этих позиций оценка эффективности при обосновании инвестиционных проектов должна учитывать понятие социальной эффективности инвестиций, измеряемой конкретными показателями, в их числе:

- социальный эффект, характеризующий степень удовлетворенности населения качеством жизни;
- социальная эффективность, определяющая повышение уровня жизни людей;
- эффективность, связанная с ценностью человеческой жизни;
- эффект длительного воздействия на состояние людей (совершенствование здравоохранения, образования, культуры, борьбы с загрязнением окружающей среды);
- эффект длительного воздействия на уровень жизни (совершенствование жилищных условий, увеличение уровня доходов населения, улучшение экономической обстановки);
- экономия времени, связанная с совершенствованием инфраструктуры.

По нашему мнению, круг показателей, используемый в настоящее время для оценки инвестиционного климата региона, недостаточно детален для адекватного отражения всего комплекса условий, обычно принимаемых во внимание инвесторами. Основным недостатком описанного подхода к измерению инвестиционной привлекательности регионов является то, что он не учитывает трансформационных процессов, таких, как масштабы институциональных преобразований, состояние и перспективы проводимых реформ, качество трудовых ресурсов. Ни одна из существующих оценок инвестиционного климата не рассматривает социальный капитал как инвестиционную возможность, принимая во внимание лишь количественные характеристики (численность рабочей силы, количество экономически активного населения, уровень образования).

Социологическое понимание инвестиционного климата охватывает собой совокупность субъективных и объективных условий осуществления инвестиционной деятельности, которая формируется под воздействием многообразия взаимосвязанных социальных процессов и влияет на принятие инвестиционного решения. Данный методологический подход позволяет рассматривать региональный инвестиционный климат как систему социальных условий функционирования регионального инвестиционного рынка, включающую в себя такие составляющие, как социальный капитал региона, социальные риски и социальная активность.

На региональном уровне инвестиционный климат проявляет себя через взаимодействие органов региональной власти, местного самоуправления, предпринимательских структур, кредитных учреждений, профсоюзов, общественных объединений и других субъектов инвестиционных отношений. Он является элементом инвестиционной системы (инфраструктуры) региона, которая, в свою очередь, отражает сбалансированность экономических и социальных условий регионального развития.

Преимущества такого подхода к изучению категории «инвестиционный климат» заключается, на наш взгляд, в том, что он позволяет учитывать взаимные интересы участников инвестиционного процесса, обнаруживает связь инвестиционного климата с инвестициями в социальную сферу, а также ориентирует на достижение положительного социального эффекта от инвестиционных проектов. Хотя подобное рассмотрение инвестиционного климата достаточно субъективно, однако оно позволяет определить инвестиционную среду, в которой осуществляется инвестиционный процесс. Конкретизация оценки инвестиционного климата происходит, как правило, уже в ходе реальных контактов инвесторов с региональной средой.

Инвестиционный климат региона обычно рассматривается как комплексная характеристика, состоящая из трех ключевых подсистем: инвестиционного потенциала, инвестиционного риска, законодательных условий [5].

Инвестиционный потенциал складывается из основных частных потенциалов (ресурсно-сырьевого, трудового, производственного, инновационного, институционального, инфраструктурного, финансового, потребительского), каждый из которых, в свою очередь, характеризуется целой группой показателей [6]. В связи с этим считаем, что при оценке инвестиционного потенциала региона необходимо использовать интегрированный подход, который позволяет наиболее точно определить совокупный потенциал и выражается в количественной и качественной оценке, учитывающей не только макроэкономические показатели, но и социально-политические факторы. Обязательной составной частью такого совокупного инвестиционного потенциала видится социальный потенциал, отражающий социальный капитал региона (демографический, этнический, духовно-ценностный, социокультурный, гражданский). Таким образом, категория «социальный потенциал» соотносится, по нашему мнению, с понятием «социальный капитал».

Современное общество переживает важный исторический этап перехода от индустриальной эпохи к новому постиндустриальному обществу, которое принято называть информационным. Значительным стало влияние информационных технологий на социальную организацию. В политической и социальной сфере новые формы коммуникации создают предпосылки развития институтов и структур гражданского общества. Использование новых средств коммуникации принципиально снижает издержки передачи информации, упрощает и стремительно ускоряет процесс создания географически распределенных социальных групп (сетей), характеризующихся преобладанием неиерархических «горизонтальных» коммуникаций, возможностью общения «всех со всеми» [7].

В целях повышения инвестиционной привлекательности региона необходимо, на наш взгляд, формирование системы интегрированных коммуникаций. Они должны объединить всех субъектов инвестиционной деятельности региона – государственные и муниципальные власти, потенциальных и реальных инвесторов, институты гражданского общества и других заинтересованных лиц. Система интегрированных коммуникаций в инвестиционной сфере, по нашему мнению, представляется единым комплексом, объединяющим в себе участников инвестиционной деятельности, каналы и методы коммуникации на уровне региона.

Интегрированные коммуникации призваны способствовать достижению в рамках инвестиционного процесса коммуникационных целей, направленных на установление и поддержание взаимоотношений государства, субъектов инвестиционной деятельности, других заинтересованных лиц и институтов гражданского общества. Последние в данной коммуникационной системе выступают трансляторами общественного мнения, которые должны отстаивать и защищать инвестиционные интересы общества, привлекать внимание к социальным проблемам, требующим инвестиционных вложений, поддерживать реализацию социально эффективных инвестиционных проектов. Наиболее важную роль в формировании инвестиционной привлекательности региона способны сыграть региональные общественные палаты, экологические движения и общественные объединения, ассоциации и союзы предпринимателей, национально-культурные объединения.

Положительная инвестиционная политика на уровне региона содействует формированию инвестиционного климата, создает предпосылки для привлечения социально ответственных инвестиций и обеспечения устойчивого социального развития региона.

Библиографический список

1. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.
2. *Бурдые П.* Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М., 2004.
3. *Калюжнова Н.Я.* Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации. М., 2003.
4. *Стрижов С.А.* Развитие корпоративной социальной ответственности. М., 2006.
5. *Семенова Ф.З.* Инвестиционный климат и потенциал активизации инвестиционной деятельности региона // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 1.
6. Инвестиционный рейтинг регионов России: Информация и методы / рейтинговое агентство «Эксперт». URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2010/part7/>
7. *Шадрин А.* Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к информационному обществу. URL: <http://rvles.ieie.nsc.ru:8101/parinov/arteml.htm>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

О.А. Petrova
**Religion in the Context
of Virtual Reality**

Religion is considered as a complex phenomenon interpreted in terms of virtuality.

Key words and word combinations:
religion, virtual reality.

Религия показана как комплексный феномен, интерпретируемый в терминах виртуальности.

Ключевые слова и словосочетания: религия, виртуальная реальность.

УДК 21:1:316
ББК 86.2+60.028

О.А. Петрова

РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Информатизация в начале XXI в. оказала существенное влияние на социум, активно способствовала виртуализации общества. Выйдя из-под «юрисдикции» компьютерных технологий, понятие виртуальной реальности используется сегодня для описания и исследования психологических, эстетических, религиозных виртуальных реальностей, трансформированного виртуальностью восприятия. Это ставит перед социальной философией задачу осмысления не только происходящих сейчас в обществе процессов и их тенденций, но и проблему исследования специфических форм виртуализации.

Теоретические наработки в изучении виртуальной реальности начала XXI в. дают возможность говорить о каких-то ее общих закономерностях и специфических закономерностях различных ее типов. На наш взгляд, это позволяет по-новому подойти к научному исследованию богатейшего религиозного, мистического опыта людей. Более того, допустимо включить в исследование официальной науки (психология, психиатрия, неврология) *догадки, озарения* отдельных лиц, ис-

пытавших религиозный, мистический опыт, то есть использовать более широкий массив накопленного человечеством опыта подобного переживания.

Предлагаем ввести в обиход понятие религиозной виртуальной реальности. Для этого потребуются обоснование методологии в исследовании религии, которая адекватно отразила бы формирование и функционирование религиозного сознания. С нашей точки зрения, таким теоретическим принципом может быть виртуалистика, разработанная кафедрой виртуалистики в Институте философии РАН.

В качестве исходного определения примем следующее: «Виртуальной реальностью называется реальность, продуцируемая порождающей константной реальностью» [1, с. 27]. Свойствами виртуальной реальности являются: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность. Порожденность выражается в том, что виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; актуальность – в том, что виртуальная реальность существует только «здесь и теперь», только пока активна порождающая константная реальность; автономность – в том, что виртуальной реальности присущи свое время, пространство и законы существования. Интерактивность предполагает влияние виртуальной реальности на константную реальность, вообще на все другие виды реальности и подразумевает, что виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями (в том числе и с порождающей ее константной реальностью) как онтологически независимая от них.

Особое значение исследование религии в контексте виртуальной реальности имеет для духовного мира человека, прежде всего его религиозного компонента. Одна из сильных сторон религии заключается в некоей тайне, которая есть в жизни человека и к которой он может в любое время обратиться. Эта тайна превышает все возможные ценности земной жизни. Кроме того, исчезновение высшей духовной тайны из жизни человека может «выбить» тот фундамент, который в сознании многих людей ставит границу между подлинно человеческим и просто биологическим существованием человека.

Верующий соприкасается с двумя реальностями одновременно – с миром, воспринимаемым органами чувств, и миром сверхчувственным. Религиозный человек полагает, что, хотя он живет в эмпирической реальности, для него имеется еще одна сверхъестественная, сверхприродная реальность, не подчиняющаяся законам природы. Для него надэмпирическая (мистическая, трансцендентальная) реальность является реальностью не в меньшей степени, чем константная [2, с. 45].

Виртуальная реальность религии, на наш взгляд, являет собой синтез эмпирической, внеэмпирической и надэмпирической реальностей. Вера в сверхъестественное предполагает, что верующий человек считает сверхъестественное существующим, особой реальностью, поэтому по данному параметру религиозную реальность можно квалифицировать как виртуальную.

Верующих можно условно разделить на две большие группы. К первой принадлежат люди, чья вера базируется на теоретических доказательствах существования «иного» мира, Бога и иных религиозных феноменов (например, пять доказательств существования Бога Фомой Аквинским). В своей основе их вера

подкрепляется мнением какого-либо религиозного авторитета. Вера людей, относимых ко второй группе, основана на личном духовном опыте, переживании в рамках измененного сознания, доказывающих лично для них существование религиозных феноменов (Бога, ангелов, «того» мира, рая, ада). Здесь для религиозной убежденности верующих действует принцип: лучше один раз самому увидеть или почувствовать, чем сто раз услышать от другого человека или прочесть чужое, пусть даже чрезвычайно авторитетное, теоретическое доказательство существования тех или иных религиозных феноменов. Таких людей обычно называют истинно верующими. Этим подчеркивается, что они имеют подтверждение религиозных истин в собственном опыте переживания. Первая же группа верующих воспринимает религиозные утверждения, не имея личного опыта их подтверждения. Вера этих людей построена лишь на трактовке религиозных догматов средствами как обыденного, так и теоретического сознания. Подобное различие приводит к тому, что если у истинно верующих, как правило, можно наблюдать единство слова и дела, то есть их религиозная вера пронизывает всю их жизнь и поступки, то для верующих первой группы характерен разрыв между словом и делом.

Согласно некоторым моделям виртуальной реальности истинно верующие обрели свою веру в результате религиозно-мистического опыта в некоем гипотетическом виртуальном пространстве, то есть получили для себя практическое доказательство существования некоей духовной реальности. Природу же этой реальности они трактуют по-своему, зачастую в соответствии с различными религиозными концепциями (христианство, ислам, буддизм). Верующие люди, не имеющие личного внутреннего религиозного опыта работы в специфической, гипотетической для них виртуальной реальности, не располагают подтверждением существования духовного мира и религиозных феноменов. Вера таких людей – всегда полувера. Между рассмотренными двумя группами верующих лежит экзистенциальная пропасть.

В рассматриваемом срезе можно, на наш взгляд, выделить некоторые основные тенденции онтологии виртуальной реальности. Очевидно, что одна из тенденций влияния виртуальной реальности на религию связана с десакрализацией (обесцениванием) сакральных / священных образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок [3, с. 126]. Ее современный смысл состоит в том, что тайна духовной жизни человека, духовных феноменов, которые всегда имеют строго индивидуальный характер, может моделироваться в массовом порядке, тиражироваться, типизироваться и предлагаться покупателям массам в качестве типовых программ.

Другой тенденцией влияния виртуальной реальности на религию является ее редукция. Редукция религии связана с тем, что всю сложность духовной жизни в ее религиозном аспекте можно свести к набору определенных образов и программ. С помощью же определенных команд можно «лепить», создавать определенные религиозно-духовные ситуации, сюжеты.

Для понимания проблемы религиозной виртуальной реальности, по нашему мнению, на методологическом уровне следует исходить из концепции коллективного бессознательного К. Юнга [4, с. 79]. Юнг полагал, что в состав коллективно-

го бессознательного входят различные элементы, в том числе и архетипы. Однако возникает проблема: а где находится само коллективное бессознательное? Здесь возможны разные ответы, например – в сознании каждого конкретного человека. Но такой ответ в свою очередь ставит проблему интерсубъективности и порождает целый ряд других вопросов: как взаимодействуют индивидуальные сознания конкретных людей; что их связывает; что является агентом переноса информации между ними? В такой постановке мы выходим на новый виток осознания философской проблемы реальности и природы непредметного мира.

Человечество, как известно, существует в двух мирах – предметном и не-предметном. В.В. Налимов предлагает для построения модели непредметного мира вернуться к гипотезе о субстанциональном существовании полей сознания вне человека [5, с. 56]. По его утверждению, непредметное, как некая полеподобная гипотетическая реальность, существует объективно по отношению к сознанию человека, но субъективно по отношению к человечеству в целом. Налимов предположил наличие особой, трансцендентальной реальности – мира смыслов, где сознание человека постигает мир при определенных условиях и в который попадает содержание индивидуального сознания после физической смерти его носителя.

В современной психологии исследователи рассматривают внутренний мир человека как некую виртуальную реальность, которая может существовать в разных вариантах, в том числе и интерсубъективных [7, с. 68]. В рамках данного подхода виртуальная реальность рассматривается как реалии, обладающие онтологическим статусом существования, а не как феномены. Достаточно показательной иллюстрацией этой мысли служит появившаяся во второй половине XX в. голографическая модель Вселенной, согласно которой мир и сознание человека построены по голографическому признаку [6, с. 84]. Богатый эвристический потенциал этой модели включает в себя возможность объяснить религиозные, мистические и парапсихические феномены как реально существующие и, более того, в разной степени присущие каждому человеку.

В целом же появление во второй половине XX в. конкретно-научных моделей виртуальной реальности дало возможность трактовать природу ряда религиозных феноменов по-новому. Эта новая трактовка заключается в том, что с помощью понятия виртуальной реальности снимается непреодолимая грань между людьми, имеющими собственный внутренний опыт религиозных переживаний, и теми, кто не обладает таким опытом.

Религиозная жизнь во всей ее сложности и многообразии может быть, с одной стороны, формализована, а с другой – из религиозной жизни исчезнет собственно духовный труд (жизнь по духовным заповедям, а также различного рода посты, различные духовные таинства). В результате религия может превратиться в некоторый вид игры, забавы, развлечения. Если государство и церковь договорятся о коррекции содержания компьютерных игр, о жестокой цензуре, препятствующей пропаганде насилия, достижения виртуальной реальности могут быть использованы как мощное средство духовного развития личности путем моделирования игровых ситуаций различного типа, стимулирующих духовный труд человека по решению возникающих проблем.

Виртуальность религиозной реальности является относительной к той константной (эмпирической) реальности, которая ее порождает. И это приводит к выводу, что мы фактически живем в различных виртуальных реальностях и лишь каким-то образом касаемся константной реальности. Виртуальность религиозной реальности нисколько не умаляет ее «достоинства», роли в обществе и, конечно, не уничтожает чувства верующих людей. Она обеспечивает своим адептам реализацию их потребностей, а применяемый в религиозном контексте термин «виртуальная реальность» не снижает социального статуса самой религии.

Библиографический список

1. Носов Н.А. Виртуальная психология. М., 2000.
2. Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М., 2000.
3. Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д, 1996.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 2005.
5. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979.
6. Талбот М. Голографическая Вселенная. М., 2004.
7. Носов Н.А., Михайлов А.Н. Диагностика виртуальной образности. М., 2000. (Труды лаборатории виртуалистики. Вып. № 10).

М.А. Zaychenko
The Specificity of the Semantic
Deployment Principle
in the Process of Human
Comprehension and Exploration
of Reality

The problem of understanding the language meaning in the context of reality actualization is considered. The speech deployment from one element to another and the text pattern formation are revealed.

Key words and word-combinations: semantic deployment, language noise, Dasein.

Исследуется проблема понимания смысла языка в контексте актуализации действительности. Показано развертывание речи от одной части к другой и формирование ее текстового рисунка.

Ключевые слова и словосочетания: смысловое развертывание, языковой шум, Dasein.

УДК 124.2
 ББК 87

М.А. Зайченко

СПЕЦИФИКА ПРИНЦИПА СМЫСЛОВОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Сущность языка и процесс смыслового понимания речи остаются большой научной проблемой, если не сказать загадкой. Что находится в речевом «шуме»? Несет ли звук какой-либо смысл? Эти вопросы представляются значимыми в философском и культурологическом отношении. Постмодернистская методология позволяет приблизиться к их разрешению.

Понимание смысла языка основано на процедуре смыслового развертывания. Механизм актуализации действительности основан на процессе взаимодействия двух сфер языка: аконвенциональной (шум) и конвенциональной (речь). Фонетическая сторона (шум) обуславливает понимание смысла, в основе которого лежит диалектика различных элементов внутри самого языка.

Согласно принципу постмодернизма весь мир – это текст, который подлежит пониманию и объяснению. Текстом может выступать любой фрагмент действительности, любая вещь или даже сознание. Всякий текст характеризуется дискретной и континуальной составляющей. Дискретная компонента – семиотическая, она относится к строю и порядку знаков, тогда как континуальная компонента составляет семантическую сторону текста. Текстом применяемую знаковую систему делает смысл. Изначально смысл «свернут», и «свернутость» означает непроявленность смысла, его невыделенность.

Смыслы в тексте всегда заданы избирательно. В общем случае можно говорить о понимании на многомерном пространстве. Здесь важную роль играет значимость данного фрагмента семантического единства для данной смысловой конфигурации. Континуальная составляющая семантического пространства препятствует его разбиению. Само разбиение объединяет точки континуума, которые являются верхней границей одного подмножества и нижней границей другого.

Речь, а именно звучащая речь, представляет собой единый континуум мысли: смысл звучащей речи постигается в целостном тексте и не постижим в его отдельных элементах. Сам процесс звучания можно отнести к континуальному типу форм действительности (в этом он схож с музыкой), хотя континуальные языки репрезентируют нечлененный поток мыслей, являющийся семантически целостным образованием. Дискретные же языки отображают ту сферу мышления, которая, будучи по природе непрерывной, на уровне языка может быть расчленима на семантические сегменты.

Дискретные и континуальные языки можно рассматривать как комплементарно взаимодействующие системы репрезентации мысли. Со-бытие звуков речи воплощает смысл, не поддающийся представлению при расчленении звучащего потока на единичные звуки, слоги, отдельные слова и т.д. Поэтому реально отразит положение вещей не утверждение одной уникальной дискретной модели языка, а признание существования двух видов репрезентации мысли, между которыми и укладывается многообразие языков. Так, Ю. Лотман обратил внимание на то, что любая мыслительная деятельность неразрывно связана с существованием двух систем переработки информации: одна «оперирует дискретной системой кодирования и образует тексты, складывающиеся как линейные цепочки соединенных сегментов», а система второго типа производит тексты, имеющие континуальный характер, расчленение же их на знаки «бывает затруднительно и порой носит искусственный характер» [1, с. 178].

Язык устроен таким образом, что в нем исключена возможность появления чистых, абсолютно изолированных смыслов. Он становится средой перестройки смысловой структуры.

Изменение или понимание текста любого рода связано с наложением последующих друг за другом фильтров. Фильтр накладывается на фильтр, причем

каждый из них появляется в определенной ситуации. Понимание в данном случае становится синонимом творчества, так как оба эти процесса основаны на одной процедуре смыслового разворачивания. Наделение смыслом уподобляется извлечению смысла, который «всегда уже наличествует в бесконечном и бесчеловечном первоисточнике, коим является Единое» [2, с. 86]. Мы выбираем из множества смыслов, а затем производим уточнения.

Выделение смысла из текстового континуума сравнимо с выделением предметов в темноте. Процесс видения – сложносоставной. «Видеть» означает замечать или распознавать. Можно распознать сам шум (поток знаков), если сосредоточить внимание на самом процессе выхода знаков из «темноты» (смещения и переплетения). Но без шума (того, откуда совершается выделение) это было бы невозможно. Шум не является беспорядочным. Он представляет собой идеальный звук. Этот звук есть сама по себе возможность звучания, которая действительна только в полной тишине. Любой определенный звук отчасти несет в себе другие возможности звучания, в тишине же может возникнуть любой звук вообще. Она словно суммирует все звуки в потенциальности. Она также «сопровождает» всякий звук, создавая возможность произвольного наложения других звуков. Полная тишина и шум – две стороны одного и того же [3, с. 58].

Смысл подобен искусной и тонкой резьбе по камню, которую с нескольких шагов можно принять за случайный рисунок, созданный временем, но не человеком. Тогда «взгляд теряется среди возникшего внезапно – как судорога – (как бы ниоткуда) сплетения образов» [4, с. 236]. Лишь с определенного расстояния происходит мгновенное «наведение на резкость», аккомодация или, по Гуссерлю, наделение смыслом. Однако возникающий узор не является хаотичным началом, которое само по себе было бы регулярным и создавало бы видимое хаотическое поведение. Он выступает в качестве самого шума, который также должен быть расслоен и из которого также должен быть выделен смысл. Речь идет о регулярности, основанной на хаосе. Человеку свойственно искать простоту в том, что извлекается из сложного, но суть сложности в том и состоит, что она не разлагается на простые части, а моделируется ими.

В системе языка существуют различные (альтернативные) способы выражения «одной и той же» ситуации действительности. В ментальном мире говорящего единожды увиденное могло по-разному «произойти», происшедшее фиксируется, «выхватывается» из общего потока действительности, после чего входит в коммуникацию. Выбор между альтернативами есть модельное представление динамики ситуации.

Типы альтернатив (моделей) различаются не по конструктивной роли в высказывании, а по признакам, отсылающим к категориям ментального плана и конструируемой языком «реальности». Эти признаки в языке имеют онтологический статус: они разграничивают «схваченные» средствами языковых реалий типы осмысленности мира. Описание типов альтернатив не исчерпывается указанием на внутренний смысл соответствующих языковых форм. Необходим универсальный критерий, позволяющий учесть (помимо языковых значений) заключенные в них модели освоенного языком и познанного человеком мира.

В случае простого выбора мы неизбежно замыкаем простую модель в себе.

Возникает либо внутренний автопоззис, либо вырожденный случай – тавтология, которая сама по себе ничего не сообщает. Лишь в ходе дальнейшей реализации этого простого алгоритма, если он выполняется строго, мы сталкиваемся с разрывами и бифуркациями.

Шум бесконечно разнообразен для процессов смыслового углубления. Он настраивает нас на этот вид деятельности, выступая комплементарным для творческой способности сознания. Таким же потенциалом порождения бесконечного числа интерпретаций обладает метафора, в которой два стянутых значения, указывая на разные направления, «отзеркаливаются» (отталкиваются друг от друга), создают бесконечный узор.

Разные способы извлечения смысла и разные их результаты складываются (интерферируют), моделируя бесконечность, то есть возможные способы и результаты вообще. Но любой процесс конечен во времени и состоит из конечного числа элементов. Следовательно, требуется метафизический переход в познании, переход от наблюдения-вслушивания к чистому умозрению, чтобы на некоторое время «услышать» идеальный шум.

Р. Барт отличил языковой шум от «гула языка». Шум происходит из необратимости речи как темпорального феномена. Мы не в силах исправить произнесенную или записанную ошибку. Мы можем только снова сказать (написать) о том, что она была ошибкой, то есть продолжить речь. Эта последовательность напоминает сбой в машине, не прекращающей, тем не менее, свою работу. Исправная же машина сообщает о себе ровным гулом. Гул как знак идеальной исправности неразличим и неощутим. Это – бесшумность работы. Язык обречен на шум и разделенность знаков. Всегда остается избыток смысла, который не дает языку полностью осуществить заложенную в нем полноту и непрерывность гула. В этом случае язык превращается в беспредельную звуковую ткань. Смысл при этом образует «фон» речевого рисунка. В шуме ничего не выделено, но в то же время в нем происходит постоянная работа. Он процессуален, и в то же время любой его фрагмент эквивалентен любому другому, так как все они бесконечны. Однако это не создает однородности. Наоборот, шум невозможен без непрерывных возмущений. Это наложенные друг на друга волны самоподобной функции [5, с. 849–851].

Получившийся текстовый рисунок должен обладать особыми свойствами, отвечающими устройству смыслового шума. Он будет непрерывно повторять себя, а скорее свою структуру, соотношение частей в любом выделенном фрагменте структуры. Этот принцип стал одним из ключевых в теории и практике структуралистов (Р. Барт) и постструктуралистов (Ж. Деррида и др.).

Шум – это то, что проступает за видимым порядком, и после того, как он распознан, в нем проступает следующий уровень порядка в виде закономерности организации шума. Появление (определенного, то есть ограниченного) порядка знаменует собой конечность, которая есть сущностная черта человеческого присутствия. Шум приоткрывает, сразу же закрывая через выбор одного или нескольких вариантов, бесконечные возможности осуществления этой конечности. Поэтому, оказываясь в поле внимания, он приобретает двоякий характер. Работа шума, наложенная на пространственный и темпоральный (в

смысле Хайдеггера) способ существования Dasein, и образует «безначальную конфигурацию».

Звучать – значит «говориться», произноситься последовательно (в существовании, в наличном бытии) в качестве звука, морфемы, слова, предложения. И только эта последовательность (не звук, не сочетание морфем, не слово, не набор акустических признаков и не просто представленная последовательность) и есть бытие сущего в качестве звучания.

В воспринимаемом или произносимом звукоядре про-является сущность, не соотносимая с Бытием (Sein). Как только Бытие появляется в речи, оно начинает подчиняться логике языка. Полное проявление сущности Бытия невозможно в звуках речи. Но звучание речи всегда погружено в первоначальное бытие звуков, их имманентное измерение, в «немыслимое» бытие, из которого, собственно, звукоядро и возникает. Звуки, размещаясь в звукоядре и выполняя те или иные функции, с одной стороны, являются частью языка (знаковой системы), а с другой – являются частью бытия. Следовательно, воспринимая звучащую речь, мы слышим переплетение неязыковых моментов бытия, слышим бытие таким образом, как оно появляется в звукоядре.

Когда мы слышим отдельные звуки, не относящиеся к нашему языку, мы лишь фиксируем некие состояния внешнего мира, которые по отношению к нам – нейтральны. Воспринимая же эти звуки в речи, замыкая их в системе нашего языка, мы попадаем «внутри» внешнего, нейтрального, соединяя свою длительность и длительность внешнего по отношению к нам мира. Благодаря этому соединению нечто существует (es gibt) для нас.

Время выступает условием звучания, поскольку звук должен длиться, то есть существовать во времени. Если звук существует во времени, то время существует в самой речи. Так, следует согласиться с Гуссерлем, что речь (как сочетание звуков) осуществляет «локализацию» и «темпорализацию» некоего идеального смысла, который, «согласно смыслу своего бытия», не имеет ни места, ни времени [6, с. 133].

Кроме того, речь открывает нам то, что прежде было лишь внутренним образованием в нас. Следовательно, предполагается некое движение, посредством которого идеальное существование находит место и время.

Место и время речи не являются производными от места и времени объективного мира. Их нельзя также отнести и к миру идей. Речь является dasein(ом) (бытием здесь и сейчас) идеальных образований. Неделимое «теперь» (звучание) соотносится с неделимым по смыслу целым, в качестве которого может выступать мысль. Соотношение слова (произносимого) и мысли можно представить как соотношение момента времени и безвременного (общего потока времени). Чтобы услышать мысль (смысл), нужно сосредоточиться на настоящем, удержать его во времени. Настоящее не имеет длительности, но вот звук ее имеет. Он разворачивает настоящее на фрагменты действительности. Этими фрагментами и являются слова (произносимые голосом). Связь звука, внутреннего слова и времени позволяет соотнести настоящее со звуковой передачей мыслей. С этим согласны и другие философы новейшего времени: слова «существуют только в самый момент произнесения и исчезают тотчас» [7, с. 84–85].

Все это позволяет говорить о разных мирах – мире действительности и «другом» (идеальном) мире – и их организации, а именно схождении (или перекрещивании). В момент этого схождения мы можем воспринять действительный мир, связь вещей. Говоря, мы оперируем присутствием «другого» в нас. И насколько произносимое имеет для нас смысл, настолько мы в момент проговаривания являемся для самих себя «другими», то есть объективное существование «здесь и теперь» обретает духовную объективность лишь через произнесение, в котором происходит «локализация» и «темпорализация» того, что по смыслу своего бытия не имеет ни места, ни времени.

Существуют звуки, которые уже присутствуют в пространстве и времени; но существует и звучание, которое создает пространство и время, где могут проявить себя уже существующие «первые» звуки. Звучание – это онтологическая предпосылка, благодаря которой может произойти встреча и тех и других звуков.

С одной стороны, Dasein зависит от взаимосвязи и функций звуков, их расположения, но с другой – Dasein определяется через актуализацию или «наличность» звукоряда. Актуализация как со-бытие звуков – первоначальное явное состояние бытия, предшествующее дальнейшему оформлению длительности. Звуки, организуясь в звукоряд, создают ритм, благодаря которому появляется чувство длительности в пространстве и во времени. Этот ритм способен сделать слышимым внутреннее состояние вещей. Благодаря этому ритму мы оказываемся в иной пространственной организации, отличной от пространственной организации вещей. Это может привести к мысли, что на данном этапе восприятия звучания мы не нуждаемся в первоначальной имманентной форме звуков, отрицаем ее, Хайдеггер же, напротив, показывает ее преобладание. По нашему мнению, именно благодаря ей Dasein дает имманентному звуку возможность открыть в звукоряде то, что, являясь в данной форме, становится условием озвучивания Бытия (Sein).

Подводя итог, можно заключить, что смысл всегда имманентно присутствует в речи. Задача состоит в том, чтобы не просто извлечь его из сложного звукового континуума (шума), но в то же время смоделировать (развернуть) в действительности смысловую сущность. Это возможно лишь при условии «присутствия» человека на всех уровнях процесса развертывания смысла, начиная со звукового и заканчивая текстовым. С этой позиции следует указать на то, что имманентная сфера (сфера звукового шума) представляет собой некий фундамент понимания, делая его (понимание) в принципе возможным.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия / пер. с фр. Д. Скопина. М., 2004.
3. Дейч Д. Белый шум. СПб., 2001.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайловой. М., 1999. Т. 1.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. С.Н. Зенкина, Г.К. Косикова, С.Л. Козлова. М., 2007.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. М., 1983.
7. Линцбах Я. Принципы философии языка. Опыт точного языкознания. М., 1938.

V.V. Feller
Leibniz and Wolff
in the Development
of German Historicism

The substantiation of the four G.W. Leibniz's concepts that had a significant influence on German Historicism development is studied. In Wolff's and Romanticism philosophical schools the concepts of the continuity of perception, monadological connection between the levels of mental organization, permeability of spiritual bodies, and immortality of human personalities have been modified into the epistemological substantiation of German Historicism.

Key words and word-combinations: Leibniz, monadology, Historicism.

Исследуется обоснование Г.В. Лейбницем четырех идей, оказавших значительное влияние на развитие немецкого историзма. В вольфовской и романтической школах идеи непрерывности восприятий, монадологической связи уровней духовной организации, проницаемости духовных тел и бессмертия человеческой личности были преобразованы в гносеологическое основание немецкого историзма.

Ключевые слова и словосочетания: Лейбниц, монадология, историзм.

УДК 1(100)(091):929Лейбниц
ББК 87.3(0)(4Гем)

В.В. Феллер

ЛЕЙБНИЦ И ВОЛЬФ В СТАНОВЛЕНИИ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИЗМА

Актуальность исследований происхождения и сущности немецкого историзма, не ослабевающая, по нашему мнению, и в начале XXI в., коренится в способности, как отмечает Б.Г. Могильницкий, бросить яркий свет на две фундаментальные проблемы: философско-историческую проблему «отношения истории и современности» и историко-философскую проблему понимания динамики развития немецкой исторической культуры [1, с. 93–94].

Принцип индивидуализированного развития, находящийся в центре немецкого историзма, по-прежнему влияет на дух исторических исследований не только в немецкой философии истории и историографии, но и в других национальных философско-исторических школах, прежде всего французской и русской. Одним из наиболее интересных представляется направление, в котором исследуются предпосылки немецкого историзма в монадологически фундированной антропологии Г.В. Лейбница и учениях его последователей.

Значение многих идей великого философа (непрерывности восприятий, монадологической связи уровней сознания, проницаемости духовных тел и личного бессмертия человека) для понимания генезиса немецкого историзма, с нашей точки зрения, в настоящее время явно недооценено. Так, для В. Дильтея «подлинная проблема антропологии Лейбница» состоит в том, «как мыслить развитие жизни человеческой души» [2, с. 358]. Он исходит из того, что психология

Лейбница основана на принципе непрерывности и идее развития индивидуальности, что создает последовательность индивидуальных состояний. В результате, по мысли ученого, «Лейбниц подготавливает *историческое мировоззрение*» [2, с. 356–357]. С нашей точки зрения, В. Дильтей все-таки слишком упростил учение Лейбница. Вместо двоичной структуры учения, включающей идеи непрерывности и развития индивидуальности, предлагаем рассмотреть четверичную структуру, включающую идеи: 1) непрерывности, 2) монадологической связи уровней духовной организации, 3) проницаемости духовных тел, 4) бессмертия как души, так и личности человека.

Назвав Лейбница «величайшим психологом XVII в.», Дильтей основным достижением философа считает прояснение внутренней монадологической связи меняющихся состояний души в процессе жизни: «Душа в каждый момент несет в себе все свое прошлое, в ней заключены основания определения ее будущего образа действий. Резкие ограничения ее состояний Декартом, застывшие представления и воления Спинозы наконец преодолеваются Лейбницем: этим Лейбниц, минуя Просвещение, достигает исторического мышления следующей эпохи» [2, с. 365].

В. Дильтей и его последователи – Э. Трельч и Ф. Мейнеке – пренебрегли исследованием того промежуточного звена между лейбницанством и немецким философским, а также научно-историческим романтизмом, в котором было осмыслено основное метафизическое положение немецкого историзма. Этим промежуточным звеном стала вольфовская философская школа. Именно в ней, как обнаружил известный русский философ Г.Г. Шпет, и было обосновано метафизическое положение, что высший рациональный порядок, или порядок разума, есть «порядок в изменениях вещей» [3, с. 217].

«Порядок истины», открывающийся в событийном ряде, то есть исторически, востребует такой сравнительный метод, в котором произведенное в рамках локковского эмпиризма сравнение «повторяющегося и относительно устойчивого» рассматривается лишь как предуготовление к сравнению тождественного, то есть «по подобию» в инвариантах самораскрывающихся идей («умозрительно»). Такие идеи, как идея гуманности, обнаруживаются только в порядках открывающейся истории: через повествование и герменевтическое толкование [3, с. 63]. Именно в вольфовской школе, развивавшей идеи Лейбница, выросло убеждение, что *высший разум есть исторический разум*.

Немецкие романтики конца XVIII – начала XIX в. шли вслед за Х. Вольфом, И.М. Хладениусом, И. Изелином и Я.Д. Вегелином. Они пытались обнаружить «порядок в изменениях вещей», опираясь на обоснованные Г.В. Лейбницем идеи непрерывности, монадологической связи духовной организации, проницаемости, а также идею бессмертия личности человека. На этой основе они сформулировали столь продуктивную идею индивидуализированного развития, ставшую, как обнаружили исследователи на рубеже XIX и XX вв., гносеологическим принципом немецкого историзма. Рассмотрим подробнее названные четыре лейбницеvские идеи.

Обосновав «закон непрерывности» и применив его к человеческой жизни, Лейбниц показал, что сильные и отчетливые представления (апперцепции)

имеют основу в восприятиях (перцепциях), а те, постепенно ослабляясь в непрерывной градации восприятий, рано или поздно переходят некий порог восприимчивости их сознанием. Для сознания они как будто бы исчезают, но на самом деле просто становятся слабыми («малыми», «темными») восприятиями. И именно таковые, достигнув определенной сверхмалой интенсивности, сливаются с неким перцептивным полем субстанциальной основы Бытия, на фоне которой и пишется Книга Жизни.

Подымаясь от этой основы к более сильным и «прописанным» восприятиям, можно получить всю полноту информации обо всем том, что есть и случается. Опускаясь же к этой основе, можно увидеть саму структурную сущность того, что было и будет. Человеческое сознание – слишком грубый инструмент для схватывания всех уровней восприятия этого перцептивного поля, но и ему отчасти доступна связь со «слабыми» восприятиями – во снах, в экстазах, а также косвенное познание по их действию. «Таким образом, – говорит Лейбниц, – действие этих малых восприятий гораздо более значительно, чем это думают. Именно они образуют те не поддающиеся определению вкусы, те образы чувственных качеств, ясных в совокупности, но неотчетливых в своих частях... Можно даже сказать, что в силу этих малых восприятий настоящее чревато будущим и обременено прошедшим, что все находится во взаимном согласии...» [4, с. 54].

Опираясь на закон непрерывности восприятий и представление о «слабых» восприятиях, мы начинаем понимать собственную индивидуальность как имеющую форму событийного единства. Эта событийная индивидуальность может быть описана через наши апперцепции, то есть то, что было представлено нами в конкретном «происшествии». Это внешний уровень описания.

На более глубоком уровне к этому описанию «происшествия» добавятся и некие смутные ощущения, неотчетливые мысли и интуиции, а также незамеченное или оставшееся на периферии нашего внимания, рассказанное о том же событии другими людьми. Сюда же присоединяются и неожиданно всплывшие в нашей памяти «незначительные» факты, вдруг получающие, в свете новых обобщений, свой смысл и значение. Данное описание можно определить как находящееся на среднем уровне.

При дальнейшем углублении в смыслоструктуру события оно теряет характер случайного происшествия и органично встраивается в более крупное и затрагивающее многих людей событие, становясь событием историческим. Интуитивные предвосхищения и символические моменты здесь постепенно обнаруживают все свое значение, а описание конкретного происшествия выходит за пределы апперцептуального и перцептуального полей, становясь интуитивным описанием того, что «происходило на самом деле» – как бы с точки зрения Бога. Таковы обычно описания переломных событий, революций, эпох, да и судьбы человека, взятой во всей ее целокупности. Это высший уровень описания. Х. Ортега-и-Гассет утверждал: «Неправда, что история, непредсказуема. Сплошь и рядом пророчества сбывались. Если бы грядущее не оставляло бреши для предвидений, то и впредь, исполняясь и становясь прошлым, оно оставалось бы непонятым. В утверждении, что историк пророк, наоборот, заключена

вся философия истории. Конечно, можно предвидеть лишь общий каркас будущего, но ведь и в настоящем или прошлом это единственное что, в сущности, доступно» [5, с. 53].

Идея непрерывности восприятий, обоснованная Г.В. Лейбницем, подводит нас к мысли о возможности непрерывного восхождения и расширения человеческой индивидуальности по мере углубления в «слабые» восприятия. Здесь и востребуется идея монадологической связи уровней духовной организации.

Человек, первоначально отождествляющий свою личность с апперцептуальным единством (апперцептуальной монадой), имеет возможность нового самоотождествления – уже в перцептуальном единстве. В принципе же он может вообще выйти за пределы своего восприятия и посмотреть на свою судьбу, судьбу своей эпохи и даже судьбу всего человечества глазами Бога. Конечно, это углубление человеческой монады в «монаду монад» возможно лишь на мгновение, а взгляд ее будет искажен («как сквозь мутное стекло»). Но именно в реализации этой способности непрерывного углубления восприятия заключается пророческий дар некоторых избранных представителей человеческого рода или способность больших масс людей (в мистерии) формировать теургический миф.

Третья ключевая идея Лейбница – идея проницаемости всех вещей, включая и души. Идея проницаемости тел, блестяще подтвержденная развитием физики и астрофизики XIX–XX вв., позволяет мыслить проницаемым не только материальное, но и душевное тело, обосновывая включение индивидуально-душевных тел в тела надиндивидуальные, «коллективные». Индивиду представляется, что в данном времени-пространстве он непроницаем, обладает полным телесным и душевным суверенитетом, тогда как на самом деле он находится на пересечении различных душевных субстанций. Душа определена Лейбницем одновременно как возможность и как луч, имеющий направление.

Философ исходит из основного вопроса «что я могу знать?». В отличие от Канта у Лейбница он ставится исходя из решенного им вопроса «на что я могу надеяться?», то есть уверенности в том, что он нашел рациональное обоснование бытия Божия и видит возможность бессмертия в доказанной им непрерывности градаций восприятия. И действительно, основная задача Лейбница реализуется в постепенном прояснении того, что есть человек как укорененная в бытии структура, как тело, душа, дух, рассудок, индивид, личность. Он исследует «я» в его отношении к жизни, к посмертному существованию и предсуществованию, рассматривает в отнесенности к Богу, духам, и ангелам, понимаемым в качестве монад. Эти монады охватывают все большие массы людей в расширяющемся охвате времен.

Так он открывает возможность рассматривать историю человечества не только как историю индивидов и их политических сообществ, но и как историю «коллективных субъектов», соотнесенную с индивидуальными способностями понимания. Человек-индивид становится проницаемым для коллективных индивидуальностей, в свою очередь доступных для интуитивного (через «слабые» восприятия) постижения индивидом.

Для Лейбница воспоминание «не может естественным образом обмануть». Ведь «в противном случае нельзя было бы быть уверенным даже в том, что мы

думаем о том или другом, так как это тоже говорит себе только о прошлом действии, а не о том действии, которое это говорит» [4, с. 236–239]. Отсюда следует четвертая идея – не только бессмертия души, но и бессмертия личности как непрерывности морального сознания.

Говоря об этом сознании как о «явлении я» и отличая его от «я» и «сознания я», Лейбниц подчеркивает временную (хронотопическую) структуру сознания. Божественное всемогущество простирается и на запрещение Бога самому себе отменять моральное тождество человеческого бытия как непосредственно причастное к божественному творению. В одном из заключительных параграфов (142) своей «Защиты Бога» философ утверждает: «Но непроницаемая глубина заключена в сокровищах Божественной мудрости или в сокровенном Боге или – что то же самое – в мировой гармонии вещей, которая заставила Его счесть действительный порядок вселенной, заключающий в себе события, которым мы удивляемся, и решения, пред которыми мы преклоняемся, за наилучший и предпочесть его всем другим» [6, с. 266]. В параграфе 126 сказано, что высочайшая премудрость «не могла позволить Богу нарушать порядок и природу вещей без всякого закона и меры, расстраивая общую гармонию и выбирая ряд вещей, отличный от наилучшего ряда» [6, с. 262]. Таким образом, «форма» Истории, как «наилучший ряд вещей», познаваема только на пути следования за событиями священной истории, проявляющимися «действительный порядок вселенной» в «событиях, которым мы удивляемся и решениях, пред которыми мы преклоняемся» [6, с. 266].

После такой «расчистки» исторического познания от наслоений локковского эмпиризма и картезианского рационализма ученик Лейбница Х. Вольф, двигаясь по магистральному для Модерна пути секуляризации и рационализации, сформулировал основания исторического разума. За основу он взял синтетическое целое событийного ряда всеобщей истории человечества. Но уже универсальный дух Лейбница нашел эту общую основу, объединяющую основные школы: «Не как ученый-историк, – говорит Л. Фейербах, – а с живым чувством, *тем* чувством, для которого прошедшее не исчезло, признал он достоинство греческой философии и стремился воспроизвести у себя целокупность ее существеннейших видов, связав с новой философией, понимая, таким образом, философию в *подлинно универсальном* смысле, в смысле философии всех времен и народов» [7, с. 135].

Идеи непрерывности, монадологической связи, проницаемости и бессмертия личности человека, а также идея событийного порядка вселенной выразились в самой архитектонике учения великого философа, органично вобравшего в себя философии «всех времен и народов». Поэтому философия Лейбница как великий пример рационально-исторического синтеза до сих пор оказывает мощное духовное влияние на развитие исторической и философской мысли. Однако значение отдельных его идей зачастую искажается и предается забвению, что явно обедняет и деформирует наше представление о генезисе немецкого идеализма и историзма. В исправление этого нами намечен путь к рассмотрению более полной структуры основополагающих для генезиса историзма идей великого философа, обращено внимание на более сложный характер разработанной им системы, чем представлялось его исследователям в конце XIX – начале XX в.

Библиографический список

1. Могильницкий Б.Г. О генезисе немецкого идеалистического историзма (к постановке вопроса) // МИВИН. Томск, 1982. Вып. 16.
2. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2000.
3. Шпет Г.Г. История как проблема логики: критические и методологические исследования: в 2 ч. М., 2002.
4. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. М., 1983.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Восстание масс: сб. М., 2003.
6. Лейбниц Г.В. Защита Бога, основанная на рассмотрении Его справедливости в ее согласии с другими Его свойствами и всеми действиями // Мартин Лютер. 95 тезисов. СПб., 2002.
7. Фейербах Л. История философии: собр. произв. в 3 т. М., 1974. Т. 2.

O.V. Lysikova
**Social Changes of Cultural
Practices of Tourism
in Conditions of Global
Communication Systems**

Tourism is considered as a global media project asserting values of the consumer society. The significance of virtual communication that enhances the real communication in models of interactions between tourists, travel agents, and media is revealed.

Key words and word-combinations: tourism, cultural practices, globalization, virtualization, communication.

Туризм раскрывается как глобальный медиапроект, утверждающий ценности общества потребления. Показано значение виртуальных коммуникаций, которые усиливают реальные коммуникации в моделях интеракций между туристами, турагентами, СМИ.

Ключевые слова и словосочетания: туризм, культурные практики, глобализация, виртуализация, коммуникация.

УДК 316.334.2:338.48
ББК 60.561.2+65.433

О.В. Лысикова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК
ТУРИЗМА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ
СИСТЕМ КОММУНИКАЦИИ**

Глобальные системы коммуникации активно входят в повседневную жизнь современных людей, вызывая кардинальные социальные изменения. Интернет и СМИ тесно связаны со всеми сферами общественной деятельности. Анализ их роли имеет концептуальное значение для понимания того, какие традиционные и новые ценности присутствуют в социуме, в каком направлении идет трансформация габитусов – наборов предрасположенностей, которые, согласно теории П. Бурдьё, структурируют восприятие и практику.

Глобальные системы коммуникации порождают многомерную и многоуровневую реальность, идея которой сегодня приобре-

тает особое звучание, оформляясь в концепцию виртуальной реальности. Она является атрибутивной характеристикой физической и социальной реальности, присутствуя во всех сферах общественной жизни и меняя привычный окружающий нас мир.

В качестве методологических оснований данного исследования выступают теоретические положения концепций социальных трансформаций постмодерна Ж. Бодрийяра, В.Н. Ярской; виртуализации общества Д.В. Иванова, В.В. Афанасьевой; социального конструирования в туризме Дж. Урри, Н.Е. Покровского, Т.И. Черняевой, Д.Н. Замятина. С нашей точки зрения, под воздействием виртуальной реальности рождается ряд феноменов – образцов новых гибридных форм культуры, таких, как образование, туризм, труд, шоу-бизнес, реклама, масс-медиа [1, с. 118].

У туризма есть уникальная особенность, которая нуждается в особом анализе в контексте виртуализации общества. Возникновение человеческого общества одновременно связано с возникновением человеческой культуры, по мере развития которой постепенно формируется динамичная искусственная среда обитания, новое пространство культуры, принципиально отличающееся от природного. Существуют природные и культурные трансцендентности, включенные, но не всегда проявляющие себя напрямую в символическом и реальном пространствах «социальной перспективы». Поэтому туризм как таковой реализуется в двух диаметрально противоположных пространствах – природном и культурном. При этом виртуальный туризм в качестве своей цели и объекта общения и познания может выбирать либо первое, либо второе, либо сочетать их.

Интенсивное влияние Интернета и СМИ заметно сказывается на современных культурных практиках туризма, которые претерпевают существенные трансформации. Глобальные системы коммуникации активно влияют на сознание и поведение людей. Формируются новые туристские интересы, потребности, мотивации, утверждающие ценности эпохи консьюмеризма. Фокусирование внимания на потребительском поведении и соответствующих идентичностях, по мнению В.Н. Ярской, демонстрирует серьезное продвижение в отечественной социологии [2, с. 206].

В академическом дискурсе туризма происходит смена научной парадигмы: зарождается теоретическая модель виртуализации, время и пространство перестают быть абсолютными и линейными, диверсифицируясь и интерпретируясь, становясь относительными и нелинейными. Интернет и СМИ формируют новые способы деятельности, презентуя, а подчас и навязывая модели и варианты туризма и путешествий. Глобальный масштаб их влияния на контекстуальные особенности трансформации культурных практик туризма демонстрируют результаты исследований зарубежных и российских авторов.

Виртуальная реальность утверждает существование своего времени, своего пространства и своих законов существования.

Виртуальная реальность, с которой знакомится турист с помощью новейших коммуникационных технологий, в конечном итоге порождена константной реальностью. Это свойство определяется как «порожденность». Вторым свойством виртуальной реальности является «актуальность», что определяет ее опера-

тивное существование «здесь и сейчас», пока активно существует порождающая ее константная реальность. Интерактивность демонстрирует возможность взаимодействия виртуальной реальности с константной, влияние первой на объективную реальность.

Опираясь на теорию горизонтов виртуального бытия В. В. Афанасьевой [3, с. 9], определим место виртуального туризма в предлагаемой автором иерархии виртуального бытия среди естественных, технических, культурных, мистических виртуальностей.

Виртуальный туризм находится в трех взаимосвязанных полях – в качестве предпосылки, дополнения, продолжения практик реального туризма, по существу являясь его аналогом, и соотносится со всеми четырьмя горизонтами виртуального бытия – естественными, техническими, культурными, мистическими виртуальностями. Так, исследования последних не столько вскрывают особенность мистической реальности как реальности виртуальной, сколько показывают способы введения в заблуждение людей благодаря искусству иллюзии, фокуса, перемещения их в особую реальность.

О магическом ракурсе виртуального бытия рассуждает Ж. Бодрийяр: «В объективе и на экране объект отдает себя во власть медиальных и телематических техник... Человек стремится трансцендировать себя в виртуальной вечности... для сохранения в сложных информационных сетях, в искусственной памяти. Притязание на потенциальное существование, желание быть презентированным на экранах и в программах – эта страсть является магической, ее храмом является черный ящик» [4, с. 40]. Одновременно и глашатай, и критик постмодерна, Ж. Бодрийяр интерпретирует виртуализацию общества как радикальную трансформацию способа существования западной цивилизации. По его мнению, индивиды загнаны в своеобразную ловушку – мир образов или «гиперреальности», создаваемой СМИ, где вымысел и реальность практически неразличимы [4, с. 20].

Сфера туризма относится к тем областям жизни и деятельности, где мифы, фантазии, «гиперреальность» и моделируемое поведение клиентов максимально используются профессиональными агентами. Отражая это качество, Дж. Урри вводит в научный дискурс концепт «воображаемые мобильности», под которыми понимаются главным образом «воображаемые путешествия», осуществляемые с помощью СМИ. В настоящее время «во многих отношениях телевидение есть культура» [5, с. 29]. Оно позволяет совершать «воображаемое путешествие», когда события и люди из разных дальних уголков планеты «входят в наш дом» и преобразуют нашу повседневную жизнь. Социальная и культурная специфика современной способности видеть резюмируется тезисом о том, что «зрение оказалось взаимосвязанным с воображаемым и виртуальным путешествием, с живой жизнью на экране» [5, с. 30].

В современном научном дискурсе виртуальность рассматривается как яркая характеристика повседневной жизни человека и выступает важнейшим компонентом социальных изменений современных институтов и практик. Так, анализируя соотношение реальности и виртуальности, Д.Э. Уиллок предлагает «теорию крыльца», которая в приложении к советской действительности звучала бы как «теория лавочки у подъезда» или «теория завалинки». «До наступления

эпохи размножения образов, распространяемых СМИ, люди имели обыкновение саживать на крыльце, чтобы поговорить о мире, в котором они живут, обменяться мнениями» [6, с. 39]. Тотальное влияние телевидения, Интернета в настоящее время заменяет людям такое крыльцо, в котором как в материальной сущности уже нет потребности. В социальных сетях Интернета обсуждаются и решаются проблемы, исключая межличностные интеракции.

Современные российские исследователи тоже активно обращаются к изучению глобальных систем коммуникации. Особого внимания заслуживает концепция виртуализации общества Д.В. Иванова, которая является социоцентристской моделью современных социальных изменений. Развитие виртуализации как тенденции обновляемой социальности автором объясняется исходя из представлений об обществе как процессе реализации ценностей, историческими вехами которого выступают формирование и упадок социальных институтов как реальности. Глобальная сеть Интернет, будучи средой развития виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу, способствует многократному увеличению объема коммуникаций, которые компенсируют не только дефицит информации, времени, но и социальной реальности как таковой. Компьютеризация повседневности вводит в обиход виртуальную реальность в качестве аналога и компьютерной симуляции реальных людей, вещей, поступков. Общее представление о феномене замещения реальности образами позволяет разрабатывать социологический подход: не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация социума компьютеризирует жизнь. В эпоху постмодерна сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. В перспективе виртуализации общества, когда отношения между людьми примут форму отношений между образами, общественные изменения будут трактоваться с помощью дихотомии «реальное / виртуальное» [7, с. 30]. Виртуализация общества становится неотъемлемым компонентом культуры постмодерна, в которой тесно взаимосвязаны материальные объекты и симулякры, проявление искренних чувств и их аналогов.

Обычный туризм привычно связан с перемещением человека в реальном пространстве-времени. Следовательно, виртуальный туризм невозможен вне движения в виртуальном аналоге реальных коммуникаций. Из этого вытекает, что виртуальный туризм соотносится с первым «естественным» горизонтом виртуального бытия. Созданные с помощью компьютерных технологий и средств масс-медиа технические виртуальности также находятся в зоне интересов виртуального туризма. Если продолжить рассмотрение многообразных интересов и мотивов современного туриста, то, безусловно, для него аттрактивны различные объекты культуры, искусства, религии, истории, природы.

Современное телевидение выполняет функцию управления интересом и вниманием телезрителей на этапе планирования и организации туристической поездки – начальной фазы туристского опыта. Для телезрителей как потенциальных туристов потребление продукции СМИ предшествует потреблению собственно туруслуг.

Дж. Урри полагает, что не следует говорить о замещении реальных путешествий виртуальными и воображаемыми, однако между ними существуют тес-

ные взаимосвязи и сложные пересечения. Им анализируются отличия виртуального путешествия по Интернету, воображаемого перемещения посредством телефона, радио, телевидения от реального путешествия, предлагаемого глобальной инфраструктурой туристической индустрии. Социолог рассуждает о том, что сегодня путешествуют не только туристы, но и предметы, культуры и образы. Сложилась общая «мобильная культура», производная от «принуждения к мобильности». При этом многочисленны сами виды мобильности: физическая, воображаемая, виртуальная, добровольная, вынужденная. Дж. Урри приходит к выводу о том, что в настоящее время значительно меньше, чем прежде, «туризма» как такового существует в пределах специфического обособленного пространства-времени, что знаменует своеобразный «конец туризма» внутри более общей «экономики знаков» [8, с. 147].

Туристические места стремительно распространяются по земному шару в связи с проникновением масс-медиа в сферу туризма. Так, популярные телевизионные передачи направлены на конструирование и режиссуру имиджа объектов сферы туризма и гостеприимства. Всемирная телевизионная сеть и Интернет активно распространяют среди зрителей и потребителей визуальные образы, «упаковки» многочисленных туристических мест и объектов, которые завоевывают свою рыночную нишу в мировом туристическом пространстве. Д.Н. Замятин размышляет о множественности имиджей территории в зависимости от того, кто репрезентирует ее образ: социальная группа, корпорация, художник, писатель или СМИ [9, с. 15].

Расширенное воспроизводство и потребление визуальных образов формирует многомерность новых отношений и коммуникаций, которые составляют особенность современной культуры туристского потребления. В рамках виртуального туризма развивается особый уровень общения, который предусматривает остановку для повторения восприятия увиденного, паузу для отдыха, приглашение к участию собеседников, возможность личного ответа на поставленный вопрос, психологический комфорт, особо значимый для представителей третьего возраста и людей с ограниченными физическими возможностями, оберегает от рисков. «Развитие интерактивных форм гиперреальности, как представляется, в будущем будут стимулировать «туризм без путешествия» – использование возможностей, скажем, Интернета и других технических систем для создания «реальности» путешествия без физического перемещения в социокультурном пространстве» [10].

Однако и при организации реальных турпоездок социальные взаимодействия акторов носят как личный, так и опосредованно-дистанционный характер в рамках глобальной сети Интернет. По мере накопления опыта пространственной мобильности находящийся в перманентном состоянии потенциального – реального – виртуального туриста человек сам является носителем достаточного объема знаний не только для уверенного общения с сотрудниками турагентств, но и для самостоятельной режиссуры своей поездки, бронирования тура с помощью Интернета.

В рамках анкетного опроса, проведенного нами среди клиентов турфирм (N = 1277) Москвы, Волгограда, Саратова, Астрахани (октябрь – декабрь 2010 г.) в ответе на вопрос об изменениях, произошедших в их туристской

активности за последние годы, 6,4% респондентов сообщили о том, что заказывают туруслуги по Интернету. Среди наиболее важных факторов, влияющих на выбор страны, города, направления путешествия, 5,9% респондентов отмечают Интернет. Пока невелико количество людей, для которых Интернет является определенно важной системой коммуникации в организации своего путешествия, однако тенденция численного роста таких пользователей очевидна. Новейшей практикой в социальных коммуникациях туристов является ведение онлайн-дневников, сопровождаемых фотографиями о турпоездках, что генерирует феномен геоблогеров – медиатуристов.

В интервью с экспертом турбизнеса самостоятельное бронирование туров по Интернету отнесено к одному из значительных социальных изменений в практиках туризма: *«Развиваются сетевые проекты практиков турбизнеса, перевод в формат он-лайн бронирования, в Великобритании в нашем понимании турагентств уже нет. Туристы в Интернете через серверы и ресурсы сами себе все заказывают, так турагенты теряют 10-15%, но имеют устойчивый поток бронирующих-туристов. В Санкт-Петербурге и Саратове ситуация сходная, патриархальная из-за монополии авиалиний, в Москве огромное разнообразие предложений, поэтому клиент продвинут, подкован, разборчив»* (жен., представитель зарубежной компании, стаж 10 лет). Экспертному мнению созвучна точка зрения туриста, высказанная на Интернет-форуме: *«Сейчас Интернет дает возможность самому все спланировать и забронировать и при этом немного сэкономить, да и свобода ж полнейшая – всегда все можешь сам переиграть»* [11]. Планирование турпоездок также осуществляется при помощи социальных сетей, члены которых оказывают друг другу помощь во время путешествий.

В России некоммерческие организации способствуют поиску контактов и полезной информации. Широким разнообразием отличаются туристские Интернет-ресурсы – веб-сайты, порталы, блоги, электронные журналы, Интернет-путеводители. Распространенным способом транслирования своих знаний и впечатлений о поездке широкой аудитории являются туристские Интернет-форумы. Виртуальные сообщества путешественников – это своеобразные салоны, в которых формируются культурные установки туристов. Основным стимулом к публичным высказываниям на Интернет-форумах является «конструирование позитивной идентичности», поскольку рассказы туристов больше характеризуют самих авторов, нежели места их путешествий [12, с. 128].

Велика роль Интернета и в продвижении предприятий туристской инфраструктуры на рынок. Если турфирма не имеет своего сайта, не поддерживает на должном уровне оперативный контент, то у нее практически нет перспектив развития.

Коммуникация как обмен символами с целью поддержания связей, создания общности эффективнее всего обеспечивается компьютерными мультимедиа, которые позволяют комбинировать текст, изображение, видеоряд, звук; осуществлять интеракцию в реальном времени и виртуальном пространстве, получить «доступ в коммуникационную сеть в режиме 24/7» [13, с. 46].

Локальным модусом взаимодействий СМИ и турагентов является конструирование совместными усилиями образов принимающих туристских предназна-

ций, что демонстрируют результаты исследования И.Л. Савкиной, анализирующей материалы карельских газет за 2005–2006 гг. в ракурсе сопредельного туризма россиян в Финляндию. Автор резюмирует, что СМИ и турагентства оперируют тремя комплексами образов: «Европа – культура плюс цивилизация»; «Финляндия – природа плюс цивилизация»; «Россия – природа плюс культура». Идея высокой культуры как специальной принадлежности России и Карелии используется СМИ в туристском дискурсе [14, с. 204].

В нашем опросе относительно влияния СМИ на выбор турпоездки голоса респондентов распределились следующим образом: важно – 36,48%; не особенно важно – 27,92%; совсем не важно – 35,6%, из чего делаем вывод об активном влиянии СМИ на формирование предпочтений потенциальных туристов, чьи ценностные представления являются компонентом идентичности как потребителей медийной продукции.

Проведенный регрессионный анализ данных нашего анкетного опроса позволяет установить ряды зависимости между коммуникативными факторами и причинами выбора турпоездки.

Личный опыт оказывает доминирующее воздействие на выбор туристами страны, города, направления предстоящей турпоездки. Такие коммуникативные факторы, как СМИ, рекомендации сотрудников турфирм, мнения близких играют второстепенную роль и влияют на туристов равноценно. Обращают на себя внимание высокие коэффициенты линейных регрессий относительно воздействия СМИ на принятие решений туристами по следующим полям: престижность места отдыха, безопасность, вид транспорта, расходы. Этот вывод соотносится с утверждением Т.И. Черняевой о том, что «стратегия победы производителя туруслуг над потребителем» начинается с принудительного выбора визуального объекта – места, достопримечательности, транспорта [15, с. 74]. В сравнительном анализе коммуникативных факторов СМИ и рекомендаций сотрудников турфирм проявляются сходные показатели по уровню воздействия на принятие решений практически по всем рассматриваемым полям.

Итак, в силу виртуализации современного общества туризм становится своего рода глобальным сетевым медиапроектом, представленным в Интернете и СМИ. Глобальные системы коммуникации активно влияют на сознание и поведение людей, формируя туристские интересы, потребности, мотивации. Это приводит, с одной стороны, к развитию виртуальных путешествий, а с другой – к использованию возможностей и ресурсов Интернета и СМИ в конструировании потенциальными туристами собственных культурных практик пространственной мобильности. Как показали результаты эмпирического исследования, российские туристы принимают во внимание материалы СМИ при планировании и организации своих путешествий. Значение виртуальной коммуникации состоит в усилении реальной коммуникации, в том числе на моделях взаимоотношений: турист – турагент; турист – Интернет, СМИ; турагент – Интернет, СМИ.

Библиографический список

1. Покровский Н.Е., Черняева Т.И. Туризм: от социальной теории к практике управления. М., 2008.

2. Ярская В.Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна: сб. науч. статей. Саратов, 2005.
3. Афанасьева В.В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
4. Бодрийяр Ж. Америка / пер. с фр. Д. Калугина. М., 2000.
5. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия; [Кимилев Ю.А. Рефераты] // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1.
6. Уиллок Д.Э. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005.
7. Иванов Д.В. Виртуализация общества: Версия 2.0. СПб., 2002.
8. Урри Дж. Туризм и глобальное // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005.
9. Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. 2002. № 2.
10. Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/novikova_soc/soc_nov22.aspx (дата обращения: 05.11.2009).
11. Интернет-форум туристов. URL: <http://happyrobinzon.forum24.ru> (дата обращения: 10.08.2010).
12. Фенько А.Б. Туризм как показатель социального статуса // Социологические исследования. 2007. № 2.
13. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб., 2008.
14. Савкина И.Л. «Что ищет он в стране далекой?» (образы достойной жизни в материалах СМИ Карелии о туризме в Финляндию) // Образ достойной жизни в современных российских СМИ: сб. ст. Екатеринбург, 2008.
15. Черняева Т.И. Туризм как потребление: тренды виртуализации и конструирование туристического ландшафта // Философские науки. 2007. № 7.

E.S. Loseva

The Influence of Political Changes in Soviet Russia on the Transformation of the State Style in Architecture of 1930–1960th

The influence of political changes on architectural styles is grounded. The dependences of cultural artifacts on features of political life of the society are shown.

Key words and word combinations: architectural style, Stalin neoclassicism, political changes.

Обосновано влияние политических перемен на архитектурные стили. Показаны зависимости культурных артефактов от особенностей политической жизни общества.

Ключевые слова и словосочетания: архитектурный стиль, сталинский неоклассицизм, политические перемены.

УДК 316.722:72(091)

ББК 71.4(2)+85.113

Е.С. Лосева

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРЕ 1930–1960-Х ГОДОВ

Неснижающийся интерес к истории советского периода в нашей стране обусловлен не столько открытием части засекречен-

ных архивов или все сокращающимся числом очевидцев тех событий, сколько возрастающим количеством вопросов, возникающих на почве недосказанности и домысливания мнений свидетелей эпохи.

После Октябрьской революции 1917 г. в России официально провозглашалась диктатура пролетариата, а власть перешла в руки народа. Тем не менее в течение следующего десятилетия была вновь установлена властная иерархия, и вплоть до падения советского режима главную роль (временами номинально) играл вождь, находившийся на ее вершине. Именно он определял не только основные стратегии как внешней, так и внутренней политики, но направление и содержание общественно-политических трансформаций. Несмотря на то что главным идеологом советской эпохи считается В.И. Ленин, советская культура означенного периода мыслится как сталинское произведение и с точки зрения организации, и с точки зрения концепции (хотя она и соотносится с ленинской идеей партийности искусства).

Став единоличным диктатором в стране, И.В. Сталин контролировал процесс становления советского искусства [1, с. 12]. Оказывая существенное влияние на культуру до начала 1950-х годов, он привел к единообразию, а точнее, к единому стилю все жанры и виды искусства. Государственный стиль сначала проявился в крупных формах (архитектура), затем распространил свое влияние на более мелкие (предметы интерьера и быта, предметы роскоши).

Как отмечают исследователи [2; 3], очень многое в Советском Союзе того периода зависело от одного-единственного человека – И.В. Сталина. Он лично визирил все наиболее масштабные и ответственные проекты, будь то Генеральный план реконструкции Москвы, проекты зданий Дворца Советов, гостиницы «Москва», знаменитых московских «высоток», метрополитена и ряд других. В связи с этим разноплановые проекты подчинялись скорее не единому стилю, а вкусу одного человека, который объединял их. И.В. Сталин является основным «автором» стиля, хотя и не составлял архитектурных проектов самостоятельно.

Давая задание на формирование новой архитектуры и переосмысление культурного наследия, власть при этом воздерживалась от четких указаний об итоговых результатах [4, с. 280]. Создание стиля осуществлялось методом проб и ошибок. В качестве возможного направления архитекторам предлагался видеоряд из построек классического стиля.

Классицизм был выбран не случайно. Строгая симметричность форм, порядок и уравновешенность – именно то, чего недоставало «новому» человеку, но было в классицизме. Немаловажно, что исторически классицизм был имперским стилем. Его расцвет в России пришелся на вторую половину XVIII – начало XIX в. – период государственного расцвета, установления нового порядка, эпоху больших преобразований. Во второй четверти XX в. Советский Союз испытывал подобные трансформации, являя собой империю новой генерации.

Предпосылки возникновения стиля появляются в конкурсе проектов строительства Дворца Советов СССР, а началом стиля, его рождением считается «Творческая дискуссия Союза советских архитекторов». В вопросе о том, дей-

ствительно ли нравился вождю этот стиль, исследователи не могут прийти к единому мнению. Некоторые считают, что Сталин использовал его исключительно в государственных интересах, в то время как его дачи были выстроены в стиле, мало похожем на стиль, названный его именем.

Государственный стиль в архитектуре получил название сталинского неоклассицизма. Весь его жизненный цикл связан с именем «отца народов» и характеризуется относительно четкими рамками (1933–1953 гг.). За два десятилетия своего существования стиль прошел общие практически для всех главных стилей этапы развития: ранний сталинский неоклассицизм, зрелый и поздний (сталинский ампир).

Ранний неоклассицизм характеризуется явным влиянием конструктивизма и функционализма, запрещенных в начале 1930-х годов. Примерами могут служить здания главного корпуса Саратовского государственного технического университета, Дома книги, расположенного на проспекте им. С.М. Кирова в Саратове, а также построенные станции первой очереди Московского метрополитена. В первый период жилое строительство фактически выпало из зоны воздействия стиля, и рабочие поселки новых промышленных городов не отдавались в ведение архитекторов, более того, были засекречены, впрочем как и промышленная архитектура.

Эпоха зрелого неоклассицизма была омрачена Великой Отечественной войной. Наиболее известными памятниками этого периода являются станции второй очереди Московского метро.

В послевоенный период большой популярностью пользовался сталинский ампир. Идеологически пафосность этого стиля часто связывают с победой СССР в Великой Отечественной войне: страна-победитель не могла себе позволить другой архитектуры.

Размах послевоенного строительства, вызванный необходимостью восстановления городов, многие из которых лежали в руинах, выразился как в огромных площадях, так и во всем функциональном разнообразии зданий. Самый наглядный пример – город-герой Волгоград (Сталинград), который отстраивался заново: возводились здания всех необходимых служб, возвращался к жизни жилой сектор. Города не просто воссоздавались из руин, а планировались заново. Работы велись во многих городах, причем соответствующее проектирование было начато еще до окончания войны. Архитекторам была предоставлена уникальная возможность – строительство идеального города.

Общей задачей для всех видов и жанров советского искусства стало воспитание советского человека, который должен был соответствовать ряду требований, касающихся таких сфер, как образование, культура труда, поведения, быта и отдыха. Управление культурой, построенной на «личной воле вождя», зримо опираясь на научные работы предшественников и современников, приносило свои плоды в виде строгого подчинения иерархии. Построение разветвленного бюрократического аппарата на первых порах было оправданно и подконтрольно, впоследствии же стало излишним.

Давление сталинской идеологии на архитектуру оказалось не только жестким, но и открытым. Оно осуществлялось не прямым воздействием сверху, но

прежде всего через «номенклатурную элиту», выделившуюся в самой профессии. При этом архитектура заняла вершину иерархии искусств: произведения архитектуры, во-первых, были самыми дорогостоящими среди всех произведений искусства, а во-вторых – наиболее наглядны и доступны для восприятия. Кроме того, новая архитектура служила завершающим этапом создания конструируемой среды обитания гражданина. Если воспитание «советского человека» начиналось с образования и привития необходимой системы ценностей в ходе обучения, то заканчивалось оно созданием среды, которая исключала (или сводила к минимуму) возникновение инакомыслия в рамках системы.

Ретроспектива советской архитектуры от бараков 1920-х годов до сталинских высоток 1950-х отражает процессы созревания советской экономики. С укреплением экономического потенциала рос репрезентативный уровень зданий, в том числе жилых, однако развитие «сталинского» стиля резко оборвалось одновременно с кончиной вождя. Многие исследователи отмечают, что стиль был создан под чутким руководством Сталина и умер вместе со своим «создателем». В качестве главной причины отказа от сталинского стиля официально озвучивалась его дороговизна. Справедливости ради отметим, что вопросы экономии при строительстве поднимались еще в 1951 г.

С избранием на пост первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева началась борьба с культом личности И.В. Сталина. Она нашла свое выражение в изменении вектора развития архитектурных форм. Массовое строительство получает небывалый размах, но сохраняет лишь практическое значение – предоставление жилья. Здания полностью утрачивают идеологическую составляющую, как «дворцы для советского человека». Под эгидой «хрущевской» программы массового жилищного строительства, его удешевления и ускорения уничтожаются связанные с именем И.В. Сталина типовые проекты жилых домов. На смену им приходят все новые и новые, с каждым разом более упрощенные, а значит, более дешевые, постепенно их число сводится к минимуму. Это оправдывалось упрощением и удешевлением производства строительных материалов, а как следствие – увеличением темпов производства и строительства. Процесс идет достаточно быстро, что можно проследить на примере застройки современного Проспекта 50 лет Октября в Саратове: здания, построенные до 1955 г., – еще типичные «сталинки», тогда как здания 60-х годов – уже типичные «хрущёвки».

Вместо «квартиры» люди стали получать «жилплощадь», то есть площадь для жилья с минимальными удобствами. Сначала здания лишают внешней отделки, затем изменения вносятся во внутреннюю планировку. С целью экономии строительных материалов максимально сокращают высоту потолков и площадь квартир (строились даже так называемые «малометражки» или «малосемейки», с «сидячей» ванной и полутораметровой кухней).

Типизация строительства пропагандируется и обосновывается, например, следующим образом: «Непрерывно возрастающие в нашей стране темпы жилищно-гражданского строительства обязывают нас срочно обеспечить строителей проектной документацией. Для решения этой задачи при индивидуальном

проектировании (даже при наличии типовых секций и каталога индустриальных изделий) потребовалось бы сейчас уже увеличить аппарат проектных организаций, по меньшей мере, в 3–4 раза. Но это несбыточно. Поэтому единственно правильным является путь, указанный XIX съездом Партии, – путь наиболее широкой и последовательной типизации в проектировании» [5, с. 1]. Как отмечают исследователи, почти два года спустя научно-исследовательские институты, специализирующиеся в области строительства, были разобщены и малочисленны [6, с. 7].

Существовали и объективные причины, обуславливающие резкий рост потребности в строительстве жилья. Именно во время Великой Отечественной войны увеличилась подвижность населения, что привело к росту урбанизации. Кроме того, в середине 1950-х годов достигло зрелого возраста поколение, родившееся в 1930-х годах, пришло время его представителей для создания своих семей, чем и был вызван недостаток жилья. Это привело, с одной стороны, к увеличению жилищного строительства, а также необходимому росту производства промышленной продукции и потребительских товаров, а с другой – к увеличению кадровой базы промышленности.

Строя «хрущевки», воспитательной силой архитектуры вольно или невольно пренебрегали. Она уже не оказывала дисциплинирующего воздействия. Терялся ее государственно-идеологический пафос и снижался эстетический уровень. Вследствие этого человеку надо было прилагать меньше усилий для того, чтобы ей соответствовать. Несмотря на столь явные изменения в массовом жилищном строительстве, официальные общественные здания некоторое время продолжали строить в том же парадном стиле, что и раньше. Как правило, это были дворцы культуры (например, Дворец культуры «Россия» на площади им. В.И. Ленина в Саратове или Дворец культуры «Мир» в районе 4-й дачной здесь же).

В 1961 г. наступил пик борьбы с «культом личности». Сносятся статуи И.В. Сталина, уничтожаются портреты и бюсты, где невозможно изъять – переделывают (например, в мозаиках отделки станций метрополитена изображение И.В. Сталина заменяют изображениями В.И. Ленина). Переименовывается все, что связано с именем вождя (так, Сталинский район Саратова становится Заводским, а город Сталинград – Волгоградом).

Архитектурный стиль сталинского неоклассицизма запрещается к воспроизводству. Архитекторы, продолжающие строить в сталинском стиле, а также разрешающие это делать, подвергаются наказанию. Резкая критика звучит в адрес главных архитекторов городов: «...в работе главных архитекторов городов имеют место серьезные недостатки. Об этом свидетельствует, в частности, деятельность главного архитектора Ленинграда В. Каменского. Именно на нем лежит вина за то, что в Ленинграде недооценивается разработка детальных проектов застройки первоочередных районов строительства, нет необходимого задела проектной градостроительной документации, а вопросы жилых кварталов решаются старыми приемами. <...> Главный архитектор г. Горький – т. Гречихин поощрял строительство по индивидуальным проектам с большими излишествами» [6, с. 14].

Строительство одинаковых домов-«хрущевок» ведется не только в Москве и Ленинграде, но и по всей стране так, что в архитектуре стирается грань между провинцией и столицей. Спальные районы Москвы или Саратова практически ничем не отличаются – этому способствует застройка типовыми домами. Теперь только в центральных районах Москвы понимаешь, что ты находишься в столице. Такого рода трансформации городской среды способствуют стиранию социальных граней, социальной децентрализации. Как отмечают современные исследователи, в настоящее время «социальные императивы децентрализации можно обнаружить в оппозиции городских властей, стремящихся найти в культуре информационные стандарты для упорядочивания духовной реальности в интересах политической институализации» [7].

Подводя итог общим тенденциям влияния политических перемен в России 1930–1960-х годов на архитектурные стили, необходимо отметить следующее:

1. Формирование государственного стиля происходит в 1930-е годы утверждением на вершине властной иерархии И.В. Сталина; с его смертью и началом правления Н.С. Хрущева происходит смена стиля. Однако в силу стилистических особенностей, специфического пафоса и структуры «сталинский» архитектурный стиль полностью изъят из обращения не был, применяясь довольно продолжительное время при строительстве объектов культурно-массового или административного назначения.

2. Запрет на использование конструктивных элементов стиля обосновывается принципами экономии в строительстве. Типизация зданий ведет к сокращению номенклатуры элементов строительных конструкций, а значит, и к упрощению производства, а как следствие – к удешевлению и росту количественных показателей для каждого отдельного вида продукции.

Политические трансформации, а именно смена фигуры вождя, влекли за собой изменения во всех сферах жизни населения. Наиболее верным это утверждение является для сталинского периода и сменившей его хрущевской оттепели. Индикатором эпохи выступал так называемый «государственный стиль», проявляющийся в культуре и искусстве. От искусства требовалось обеспечить максимальное соответствие официальным требованиям власти. В его задачи входила подача событий эпохи в «нужном» свете.

Библиографический список

1. *Добренко Е.* Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
2. *Хмельницкий Д.* Зодчий Сталин. М., 2008.
3. *Соколов Б.В.* Сталин, Булгаков, Мейерхольд...: Культура под сенью великого кормчего. М., 2004.
4. *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Культурная политика России: теория и история. М., 2001.
5. *Шаронов М.* Типовое проектирование – основная линия развития советской архитектуры // Архитектура СССР. 1954. № 1. С. 1–3.
6. *Абросимов П.А.* Творческие задачи советской архитектуры // Архитектура СССР. 1955. № 12. С. 7–19.
7. *Устьянцев В.Б.* Культурно-историческое пространство крупного города: исходные структуры. URL: http://www.comk.ru/HTML/ustyancev_doc.htm

D.S. Belousov
Basic Projections
of War Perception Model
in Consciousness
of Medieval Knights

The process of perception of war in consciousness, in particular in consciousness of knights is investigated. The special attention is given to transition of the basic model of perception to its projections under the influence of external factors.

Key words and word-combinations: perception model, medieval consciousness, mentality of knights.

Исследуется процесс восприятия войны в сознании, в частности в сознании средневекового рыцарства. Особое внимание уделяется переходу основной модели восприятия в ее проекции под действием внешних факторов.

Ключевые слова и словосочетания: модель восприятия, средневековое сознание, менталитет рыцарства.

УДК 008:316.6
ББК 71.0+88.5

Д.С. Белоусов

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКЦИИ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРСТВА

В ходе становления, развития и существования человеческой цивилизации война играет одну из ключевых ролей. Практически всегда она служит отправной точкой для переосмысления действительности, что в дальнейшем приводит к множественным трансформациям в человеческом обществе. Обращаясь к современной ситуации в мире, в частности в Европе, следует более пристально взглянуть в период Средневековья, когда, по мнению многих исследователей, в войнах и разрушениях зародилась европейская цивилизация.

В период окончания эпохи раннего и начала развитого Средневековья Западная Европа больше всего напоминает единый театр военных действий, состоящий из непрекращающихся междоусобных распрей, религиозных войн, межгосударственных конфликтов. Внутренняя напряженная обстановка усугубляется периодическими вторжениями норманнов, арабов и венгров. При таких обстоятельствах война становится нормой, а оружие – частью жизни средневекового человека. В большинстве различных исторических, литературных и культурных памятников того периода человек с оружием в руках практически всегда занимает одно из главных мест, а сцены войны служат фоном для его дел.

Исследование проекций моделей восприятия рыцарства, как и самих моделей, будет

неполноценным, если в нем будет отсутствовать один из ключевых вопросов – вопрос о восприятии войны в средневековом сознании. По замечаниям многих исследователей, война и военное дело для западноевропейского рыцарства в период Средневековья стали одним из трех начал, которые легли в основу данного явления, на базе которого и произошло их дальнейшее слияние в единое целое [1, с. 278–321]. Однако, несмотря на продолжающийся рост интереса к данной проблеме, вопрос изучения войны и представлений, с ней связанных, в рамках средневекового сознания практически не поднимался зарубежными [2] и отечественными [3, с. 201–218, 303–308] учеными.

В качестве основных источников нами были привлечены средневековые французские литературные эпические произведения, так называемые *chansons de geste*, в которых тема войны является центральной. Главной целью исследования стало выявление и рассмотрение основных проекций модели восприятия войны в сознании средневекового рыцарства.

Первоначально необходимо установить количество куплетов в текстах *chansons de geste*, описывающих какие-либо военные или боевые действия, сражения, поединки. Этот количественный показатель позволит наиболее точно определить, какую роль тема войны играет в текстах источников. Последующая задача – поиск понятия «война» и, при условии его существования в текстах источников, анализ его смыслового наполнения, в котором нашли свое отражение восприятие и представления о войне, существовавшие в менталитете средневекового рыцарства. К тому же тексты источников, возможно, позволят проследить некую эволюцию восприятия войны через трансформацию представлений о ней. Для этого необходимо обратить внимание на понятия, соприкасающиеся в текстах источников с понятием «война». Последним этапом исследования станет вывод основных проекций модели восприятия войны в сознании средневекового рыцарства.

Тексты *chansons de geste* представляют интереснейший и богатейший материал для поэтапного изучения проекций моделей восприятия и самой модели восприятия войны в сознании средневекового рыцарства [4–8]. В основе любой *chanson de geste* лежит повествование о каком-либо деянии, а чаще всего о ратном подвиге главного героя или группы героев. «Песнь о Роланде» и «Ас-премонтская песнь» не являются в данном случае исключениями, как и все ранее обозначенные источники, привлекаемые нами. Как следствие, описание войн, сражений и поединков занимает в них большую часть текста. Этот факт не должен казаться удивительным, поскольку следует учитывать литературную специфику источников.

Далее следует учесть тот факт, что все значимые деяния главных героев, рыцарей, в текстах источников прописаны на фоне войны, а не турнира, тем более не в рамках мирного времени. Следовательно, в текстах источников война мыслится как наиболее подходящая основа для передачи всей, как внешней, так и внутренней, полноты содержания не только деяний героев, но и их устремлений и представлений. Война в данном случае приобретает в рамках источников характеристику смыслового стержня, вокруг которого и строится повествование *chanson de geste*. Однако из текстов следует, что само понятие

«война» встречается не часто и прослеживается только в самой ранней из числа французских *chansons de geste* – в тексте «Песни о Роланде». Оно практически полностью вытеснено из текстов поздних источников другими понятиями, обладающими отличными значениями и, как следствие из этого, передающими различные представления и ментальные установки раннего французского рыцарства, связанные с войной. Само же понятие «война» в менталитете периода раннего и развитого Средневековья подразумевает под собой процесс уничтожения или порабощения определенного противника и его ресурсов на его же территории посредством силы и оружия с последующим присвоением принадлежащих ему материальных ценностей и земель.

Какие еще понятия, прямо или косвенно связанные с понятием «война», а затем и вытеснившие его, нашли свое отражение в текстах источников?

По территориальным признакам «война» распадается на «внешнюю» и «внутреннюю». Однако сам по себе территориальный признак опирается прежде всего на ареал и территорию распространения христианской религии.

Среди «внешних войн» особое место в сознании рыцаря занимает «паломничество». Его значение раскрывается в нескольких вариантах, для которых общим является объект военной агрессии – «неверные». Целью «внешних войн» становятся защита и расширение границ христианского мира как дело чести воина-христианина. Данное значение очень тесно переплетено в сознании рыцаря со значением «получение материальных и экономических благ», свойственного в целом понятию «война».

«Внутренняя война», как правило, вызвана фактом предательства вассалом своего сеньора. Такое событие вызывает негативную оценку в сознании средневекового благородного воина, поэтому все понятие внутренней войны обладает негативным характером.

Для того чтобы более детально рассмотреть изложенный материал и углубить полученные выводы, следует подвергнуть тексты источников культурологическому анализу.

Очевидно, что война играет довольно значимую роль в сознании средневекового человека, особенно если он является воином или же представителем благородного воинского сословия, в частности рыцарства. В средневековом сознании представления о войне являются одной из основополагающих составных частей. С точки зрения культуры средневекового человека воин или рыцарь воспринимается и идентифицируется чаще всего в контексте войны или военных действий, сражения, поединка. Воинское сословие средневекового общества воспринимает и самоидентифицирует себя по большей части только в рамках или же на фоне войны. Для данного сословия война является неотъемлемой частью жизни, одним из ее составляющих.

Война, если рассматривать ее через призму культурологического анализа, является одной из отправных точек для восприятия и идентификации воинского сословия, в частности рыцарства в средневековом сознании. Материал источников довольно убедительно показывает наличие множества проекций модели восприятия войны в средневековом сознании. Более того, из материала текстов средневековых французских *chansons de geste* следует, что в сознании человека

того периода данное множество проекций модели восприятия войны существует в нескольких уровнях, которые формируются на основе различных аспектов средневековой действительности.

Самым общим по своему содержанию и самым первым по своему значению следует считать уровень, содержащий всего одну проекцию модели восприятия войны, а именно ту, в которой война в средневековом сознании воспринимается как разномасштабное военное действие, нацеленное на устранение врага различными способами и сопряженное с захватом ранее принадлежащих врагу территорий. Данная проекция модели восприятия войны по своей сути является центральной проекцией модели средневекового восприятия войны и включается во все остальные производные от нее проекции. Данный уровень проекций модели восприятия войны в средневековом сознании можно считать базовым, поскольку в нем отражена основная цель проведения военных действий в средневековый период.

Как показывают тексты источников, война в культурном плане представляет собой некое военное действие, в котором заняты воины, наибольшее значение среди них имеет рыцарство, чаще всего выходящее на первый план. Из этого следует, что средневековое сознание воспринимает войну как благородное дело и дело благородных или же как дело, которое может сделать благородным. Но именно этот момент, пожалуй, следует считать уже переходным от базового уровня к уровню «благородство». Не стоит забывать, что проекции модели восприятия войны существовали у средневекового человека в целом, а он уже мог относиться к какому-либо сословию, что и накладывало определенный отпечаток на восприятие, а точнее, формировало проекцию модели восприятия.

Следующий уровень проекций модели восприятия войны в сознании средневекового человека связан с территорией, на которой эта война ведется. Но и здесь, как и в предыдущем уровне, нет единства восприятия. Война распадается на внутреннюю и внешнюю, но не по границам государств, а по границам распространения христианской религии. Война воспринимается как внешняя, когда она ведется за пределами христианского мира. Внутренняя же, напротив, это война христиан праведных с христианами, преступившими законы, либо земные, либо небесные.

Следующий уровень проекций, на котором продолжает свое существование модель средневекового восприятия войны, – это уровень восприятия войны как битвы или сражения. Согласно текстам источников, битва или сражение, являясь основной составной частью войны в сознании средневекового человека, играет наибольшую роль. Данный уровень выступает в качестве детерминирующего начала всей войны в сознании средневекового человека, но в то же время зависит от истоков войны и от условий, которые привели к этому сражению или череде сражений. Данная двойственность объясняется, с одной стороны, изначальным значением понятия «война», существующим в системе средневекового мышления и служащим основой для модели восприятия войны, а с другой – изменением указанного значения в результате его трансформаций уже в системе проекций модели восприятия «война» средневекового сознания, зависящих от множества условий окружающей действительности.

Наконец, последний уровень проекций модели восприятия войны – это уровень «поединок». На данном уровне модель восприятия преломляется уже через призму личностного восприятия окружающей действительности средневековым человеком. Описание поединка в рамках сражения или битвы довольно часто встречается в текстах *chansons de geste*. В средневековом сознании, особенно в сознании воина, поединок играет значимую роль. К тому же через все составляющие поединка можно практически точно восстановить движущие человеком силы, мотивы, доводы, мысли.

Каждая проекция уровня «поединок» требует отдельного конкретного рассмотрения, в результате чего можно более точно установить весь ряд движущих людьми сил, преломляющих и меняющих модель восприятия войны в средневековом сознании и, как следствие, во всей средневековой культуре.

Итак, с точки зрения культуры в средневековом сознании, а точнее, в средневековом западноевропейском мире и его культурном пространстве существует множество вариантов проекций модели восприятия войны. Основой этих проекций является непосредственно сама модель восприятия войны, под которой следует понимать в период западноевропейского средневековья разномасштабное военное действие, целью которого является устранение врага различными способами и сопряженное с захватом ранее принадлежащих врагу территорий. Но поскольку данная модель восприятия лежит в так называемом идеальном поле и, как следствие, не проявляется в своем чистом виде в нашей действительности, она находит свое отражение, а вернее, трансформируется в ряд многоуровневых проекций. От уровня к уровню, приобретая различные значения, эти проекции стремятся по пути от общего к частному, что в конечном итоге приводит модель восприятия войны фактически к ее личностной проекции, свойственной отдельному представителю средневекового общества.

Библиографический список

1. *Контамин Ф.* Война в Средние века / пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб., 2001.
2. *Флори Ж.* Идеология меча: предыстория рыцарства / пер. с фр. М.Ю. Некрасов; науч. ред. Ю.П. Малинин. СПб., 1999.
3. *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
4. *La chanson de Roland* / text critique; traduction et commentaire; grammaire et glossaires par Léon Gautier. Tours, 1887.
5. *La chanson d'Aspremont: chanson de geste du XII siècle* / texte du manuscrit de Wollaton Hall édité par Louis Brandin. 2-ème éd. revue. Paris, 1923–1924. T. 1–2.
6. *Le couronnement de Louis: chanson de geste du XII siècle* / éditée par Ernest Langlois. 2-ème ed. revue. Paris, 1965.
7. *La chanson de Guillaume* / publiée par Duncan McMillan. Paris, 1949–1950. T. 1–2.
8. *Gérard de Rossillion: chanson de geste ancienne* / publiée en provençal et en français d'après les manuscrits de Paris et de Londres par Francisque-Michel (correspondant de l'institut de France). Paris, 1856.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

N.I. Matuzov
Monograph Review:
*Milusheva T.V. The Limits of State
Power Activity in Russia: Issues
of Theory and Practice / ed. by
O.I. Tsybulevskaya. – Saratov:
GOU VPO "Saratov State
Academy of Law" Press, 2011. –
298 p.*

УДК 340.132.23(470+571)
ББК 67.0(2Рос)

Н.И. Матузов

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
*Милушева Т.В. Пределы
деятельности государственной
власти в России: вопросы
теории и практики / под ред.
О.И. Цыбулевской. – Саратов:
Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская
государственная академия
права», 2011. – 298 с.***

С момента возникновения государства лучшие представители человечества пытались ответить на сложный вопрос: как примирить агрессивную природу государственной власти с потребностью личности в свободе. Решить данное противоречие – значит найти оптимальную модель соотношения личности, гражданского общества, государства, права. Именно в таком контексте постановка проблемы «связанности» государственной власти наиболее значима как в теоретическом, так и практическом плане.

Актуальность темы проведенного Т.В. Милушевой исследования обусловлена, во-первых, уровнем развития современного общества, требующего высокого качества государ-

ственного управления, а во-вторых, противоречивой природой государственной власти, которая, достигнув определенной критической массы, способна превращаться в самодовлеющую силу, приобретать разрушительные качества, стремиться к дальнейшему неограниченному росту (с. 7). Следует согласиться с Т.В. Милушевой в том, что вследствие перманентных реформ, породивших кризисные процессы в экономике, политике, духовной сфере, в политической практике современной России, постепенно утвердилась идея авторитарной власти, всесильного государства. Именно на государство возлагаются большие надежды: установить законность, должный порядок, искоренить коррупцию, злоупотребления со стороны самой власти. Однако демократические общественно полезные цели не могут быть достигнуты антидемократическими средствами, которыми зачастую пользуется современная российская власть.

Рецензируемая работа оригинальна по замыслу и способам его воплощения. В каждой из глав монографии прослеживается творческий, новаторский подход к разработке проблемы. В целом структура книги, насколько это возможно, способствует целостному восприятию исследуемого вопроса.

Монография раскрывает актуальные вопросы функционирования государственной власти в России на основе права, справедливости, уважения достоинства, прав и свобод личности. Эти проблемы постоянно находятся в центре внимания политико-правовой науки, но благодаря инновационному освещению, серьезному анализу в данной книге они получили авторский ракурс осмысления.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в российской юридической науке проводится комплексное изучение сложного и многогранного политико-правового феномена пределов и ограничений деятельности государственной власти. Автором монографической работы подробно рассматриваются: эволюция идеи ограничения государственной власти в истории политико-правовой мысли; показана объективная природа ограничений деятельности государственной власти, исследована роль социальных факторов (экономических, политических, этико-культурных, юридических), оказывающих влияние на этот процесс; дается развернутая классификация исследуемого феномена.

Безусловно, автор права, что, оценивая опыт прошлого, легче понять собственные сложности и проблемы на пути к практическому воплощению данных ценностей в условиях постсоциалистической России. В связи с этим Т.В. Милушевой предпринят подробный анализ взглядов, идей мыслителей разных эпох, которые в том или ином разрезе ставили и пытались разрешить вопросы связанности государственной власти. В конечном итоге, резюмирует автор монографии, идейно-теоретическую основу современных концепций ограничения государственной власти составили сформулированные в процессе эволюции политико-правовой мысли преимущественно в Новое время идеи верховенства права, автономности гражданского общества, необходимости достижения баланса частных и публичных интересов и недопустимости нарушения прав и свобод личности (с. 49–50).

Результатом серьезного научного осмысления различных точек зрения является классификация пределов государственной власти. Подразделяя их на общесоциальные (этические, религиозные, экономические, культурные и т.д.) и специально-юридические (правовые), автор дает развернутую характеристику и подчеркивает,

что юридические и иные социальные ограничения могут находиться в гармонии, однако может наблюдаться и их конфликтность. В идеале внешнее право должно проистекать из внутренней морали, традиций человека и общества и соответствовать им. Т.В. Милушева убеждена, что если в обществе сильны этические ограничения, то отпадает необходимость в детальном правовом регулировании (с. 89–90).

Новаторским представляется осмысление феномена «правовое ограничение» с точки зрения динамического подхода, в рамках которого оно рассматривается в механизме правового регулирования как правовой принцип, правовой метод, правовой режим ограничения деятельности государственной власти (с. 97–113).

Представляется обоснованным анализ прав и свобод человека, а также обязанностей государства в контексте правовых ограничений. Верно подчеркивается, что права человека, по сути, представляют собой моральные ценности свободы, достоинства, справедливости, облеченные в юридическую форму. Следовательно, делает вывод ученый, посредством законодательного закрепления прав человека в отношении государства возводятся не только нравственные, но и правовые ограничения. В таком случае признание и обеспечение прав человека может рассматриваться как нравственно-правовая обязанность государства, выражающая его предназначение с позиций требований права и морали (с. 115).

Не остается без внимания Т.В. Милушевой роль принципа справедливости в установлении пределов и ограничений для государственной власти. Обосновывая высшую ценность справедливости в установлении пределов государственной власти, автор аргументированно доказывает, что справедливость аккумулирует мощнейший ограничительный потенциал, который усиливается возможностями права и реализуется правовыми средствами.

Критически оценивая практическую реализацию исследуемого принципа в правовой системе, Т.В. Милушева приходит к заключению, что инструментальный потенциал принципа справедливости не оценен правоприменителем, воспринимаящим его упрощенно и формально как декларативное правовое предписание. Судебная практика, не основанная на справедливости, вызывает недоверие населения к правоохранительным органам и суду, а в конечном счете – и к государству. По мнению автора, необходимо гармонизировать отношения в сфере реализации публичной власти на основе принципа справедливости, понимаемого как пропорциональность, соразмерность компетенции и ответственности, личного вклада чиновника и его материального вознаграждения (с. 170).

Комплексное осмысление проблемы пределов и ограничений государственной власти автор осуществляет через призму феноменов законности и легитимности публичной власти. Заслуживает поддержки следующий вывод Т.В. Милушевой: утверждение законности как принципа, метода, режима деятельности публичной власти осуществляется в том числе с помощью системы социальных и юридических ограничений публичной власти, находящихся в системном единстве с законностью. Ограничение и законность непосредственно отражаются в политико-правовом режиме функционирования власти, то есть определяют уровень и характер ее легитимности.

В рецензируемом монографическом исследовании поднимается вопрос об организационно-правовых механизмах ограничения государственной власти,

важнейшим среди которых является принцип разделения властей. Следует полностью согласиться с выводом Т.В. Милушевой о гипертрофированности полномочий главы государства по формированию исполнительной власти на федеральном уровне, которые компенсированы лишь гипотетической возможностью выражения недоверия Правительству со стороны парламента.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет такой вид правового ограничения как юридическая ответственность государства и его органов. Самостоятельное принятие властными субъектами соответствующих правовых норм и признание тем самым себя ответственными за собственные действия, обоснованно указывает автор, представляет собой, по сути, акт самоограничения государства, реализовать который добровольно готово не всякое государство. Для этого необходимы внутренние и внешние условия, в том числе и наличие институтов гражданского общества, способных осуществлять общественный контроль за деятельностью субъектов власти, целью которого будет понуждение государства к закреплению реальной юридической ответственности государства и его органов, должностных лиц.

Права автор и в том, что давно назрела необходимость разработки концепции юридической ответственности государственных служащих, должностных лиц, государства в целом. Одно из направлений работы – систематизация традиционных видов юридической ответственности с учетом наработок отраслевой юридической науки (с. 289).

Положительно оценивая представленную рецензируемую работу, можно рекомендовать автору обратиться к сравнительному (с учетом опыта зарубежных стран) анализу проблем функционирования государственной власти. Это, на наш взгляд, позволит значительно углубить исследовательскую тему, сделать ее еще более содержательной и интересной.

Рецензируемое научное издание важно для ориентации в вопросах сущности и функций государства и права, политико-правового режима, правотворчества, правового регулирования, прав человека, правового государства. В прикладном плане выяснение границ государственной деятельности послужит, во-первых, значимым критерием оценки деятельности государства, всей политической системы, методов их функционирования; во-вторых, даст возможность выявить направления необходимых преобразований в деятельности государственной власти, а также структурных изменений в механизме государства.

Вдумчивый, глубокий, научно обоснованный подход к анализу проблем пределов и ограничений государственной власти свидетельствует о подлинной заинтересованности автора в оптимизации процессов ее функционирования, создании предпосылок, обеспечивающих необратимый характер демократизации властных структур, а также в том, чтобы государство в целом осознавалось обществом не только как сугубо политико-правовое образование, но и в качестве ценностно-смысловой системы.

Проведенное исследование, несомненно, вносит заметный вклад в изучение одной из важнейших государственно-правовых проблем и дает импульс для новых исследований в этом направлении. Монография будет интересна и полезна не только научным работникам, но и представителям публичной власти.

O.Yu. Abakumov
International Scientific
Conference "Stolypin Readings.
P.A. Stolypin: Traditions
of Reforming Russia"
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration.
September 14–15, 2011)

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)

О.Ю. Абакумов

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТОЛЫПИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
П.А. СТОЛЫПИН:
ТРАДИЦИИ
РЕФОРМИРОВАНИЯ
РОССИИ»**

**(Саратов, Поволжский институт
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации, 14–15 сентября
2011 г.)**

В Поволжском институте имени П.А. Столыпина 14–15 сентября 2011 г. состоялась международная научная конференция «Столыпинские чтения. П.А. Столыпин: традиции реформирования России». Она проводилась в череде мероприятий, посвященных празднованию в 2012 г. 150-летия со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина – выдающегося государственного и политического деятеля, реформатора Российской империи.

Участников конференции приветствовал губернатор Саратовской области П.Л. Ипатов, который в своем вступительном слове отметил особую роль Столыпина в истории Саратовской губернии и подчеркнул связь между реформами Столыпина и сегодняшними процессами, происходящими в стране. С приветствиями также обратились председатели Саратовской областной думы В.В. Радаев,

директор Поволжского института имени П.А. Столыпина РАНХиГС доктор исторических наук, профессор Д.Ф. Аяцков, проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ доктор исторических наук, профессор С.Ю. Наумов, официальный представитель Президента Республики Татарстан доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета И.Р. Тагиров, профессор Денверского университета Мэри Элизабет Шеффер. Почетным гостям конференции были вручены памятные медали П.А. Столыпина.

Выступивший с пленарным докладом доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного экономического университета П.П. Фролкин отметил, что, по мнению самого Столыпина, все его реформы должны были быть осуществлены комплексно и дать ощутимый эффект лишь в долгосрочной перспективе. Главное же заключалось в том, что правительство Столыпина пыталось добиться социальных изменений административными методами. С одной стороны, перед страной стояла необходимость модернизации, требовавшей проведения буржуазно-демократических реформ в разных сферах общественной жизни. С другой стороны, в окружении царя и правительстве преобладали консервативные силы, противники реформ. Таким образом, преобразованию страны мешал устаревший самодержавный политический строй. В завершение докладчик подчеркнул, что проведение последовательных радикальных реформ возможно только в условиях подлинно демократического общества. В этом, вероятно, кроется главный урок истории, актуальный и для современной России.

В докладе Президента Фонда изучения наследия П.А. Столыпина кандидата исторических наук П.А. Пожигайло «Петр Столыпин и его реформы: 100 лет спустя» указывалось, что нынешнее внимание к П.А. Столыпину со стороны руководства страны свидетельствует о востребованности исторического опыта и идей великого реформатора.

Программа Столыпина – это ряд системных преобразований, затронувших все без исключения сферы жизни России. Сам реформатор оказался ключевой фигурой, тем лидером, который смог собрать воедино прогрессивные идеи и предложения, создав стройную и законченную систему реформ, включающих реальные меры, способные отвести от страны грядущую катастрофу. По мнению докладчика, подобный опыт органического сочетания замысла, содержательных задач и путей их решения был для тех лет новацией.

Полемизируя с предыдущим выступавшим, П.А. Пожигайло отметил, что для решения поставленных задач в Российской империи начала XX в. была сформирована политическая воля, создано объединенное правительство, а точнее – команда лучших и умнейших людей своего времени, которые пошли за Столыпиным и воплощали его планы. Руководимое Председателем Правительства ядро власти двигалось в заданной системе координат к поставленной цели последовательно, принципиально и жестко. Конечная цель, которую видел П.А. Столыпин, – создание сохраняющего исторические традиции конкурентоспособного правового государства и формирование полноценного гражданского общества.

После пленарного заседания работа конференции была продолжена по секциям: «П.А. Столыпин: реформы и уроки преобразований», «Модернизационные

проекты российских реформаторов: правовые и экономические вопросы», «Модернизация государственного управления и местного самоуправления: исторический опыт», «Аграрная реформа П.А. Столыпина и модернизация сельского хозяйства на современном этапе», «Реформы и реформаторы: взгляд молодых исследователей». Секционные выступления касались самых разных аспектов деятельности великого реформатора.

В частности, Г.Н. Утенков выразил уверенность, что многие идеи П.А. Столыпина по реформированию государственного управления не потеряли своей актуальности до настоящего времени. На повестке дня органов государственной власти по-прежнему стоят вопросы развития правового государства и гражданского общества, совершенствования российского федерализма, местного самоуправления и политической системы, гармонизации взаимоотношений между различными ветвями власти, повышения эффективности государственного управления и ответственности должностных лиц.

В докладе Т.В. Платоновой и К.В. Солововой речь шла о знаменитом балаховском инциденте, потребовавшем непосредственного вмешательства Столыпина, защитившего земцев от толпы черносотенцев. Анализируя данную ситуацию, авторы отметили, что, с точки зрения властей, «беспорядками» считались как действия земцев, которые в ожидании чрезвычайного земского собрания допустили пение революционных песен, так и поведение городской толпы, руководствовавшейся оскорбленным патриотическим чувством (обидой за царя, чей портрет был поврежден). П.А. Столыпин определял произошедшие события в Балахове как возмутительные, ибо «порядок нельзя восстановить беспорядком» и «дикий произвол толпы нельзя оправдать патриотическим порывом».

П.С. Кабытов представил П.А. Столыпина в непривычном ракурсе помещика. Профессор характеризует великого реформатора как деятельного, рачительного хозяина, учитывающего всю совокупность факторов, влиявших на развитие его имений. Так, поместье в Колноберже функционировало на капиталистических началах, тогда как в остальных столыпинских экономиях был представлен симбиоз капиталистической и отработочной систем. Любопытно заключение докладчика, что в целом экономический строй имений Столыпина развивался на экстенсивной основе. Даже в хозяйственной деятельности реформатора заметен популярный на Руси стиль – получать высокий чистый доход без существенных финансовых вложений в земледельческое производство.

Большое внимание исследователи уделили анализу результатов преобразований П.А. Столыпина. В частности, доклад В.А. Тимошенко был посвящен финансовым аспектам аграрной реформы. Столыпинские преобразования ускорили темпы развития институтов рыночной экономики в стране. Например, государственные земельные и акционерные банки выдавали льготные ссуды на покупку земли, инвентаря, строительство, переселение. По мнению докладчика, применяя опыт начала XX в., в современных условиях целесообразно было бы создать государственный ипотечный банк с широкой сетью филиалов во всех субъектах Федерации. Такой банк должен иметь свой фонд земель и недвижимости, которые реализовывались бы желающим под «длинные деньги» на 20–25 лет под залог приобретаемой недвижимости с субсидированием убытков государством.

В докладе Е.Н. Ардабацкого «Реформа университетского устава в период деятельности кабинета П.А. Столыпина» обращалось внимание на то, что в России начала XX в. одновременно с развитием сети новых университетов правительство проявляло заботу о кадрах профессуры, которые и должны были наполнить эти университеты. По линии Министерства народного просвещения Столыпиным предусматривалась организация «академии для подготовки лиц, необходимых для занятия ими ответственных мест в разных министерствах».

А.В. Кузьмин рассказал о настроениях в сельской провинции времен столыпинской аграрной реформы. По его мнению, именно острые межсословные противоречия препятствовали аграрной модернизации. В итоге жесткие и даже чрезвычайные методы премьера не встретили достаточной позитивной поддержки в провинции, где ему не удалось создать массовую социальную базу для реализации своих планов.

Своего коллегу поддержал А.В. Рязанов, подчеркнувший, что успех или провал реформ во многом обуславливается готовностью общества принять их. П.А. Столыпин понимал, что история движется там, где есть свободная личность, и что только при этом условии страна может войти в круг цивилизованных наций, способных к прогрессу в промышленности, просвещении и образовании. В то же время психология крестьянской массы оставалась традиционной и уважение к частной собственности сформироваться не могло. Даже те крестьяне, которые поддерживали ликвидацию общины и переход к частной собственности на землю, требовали передела помещичьих земель. В целом же модернизация аграрных отношений задела все стороны жизни крестьян и стала коренной ломкой всех привычных устоев, что не могло не вызвать крайне острого кризиса в государстве, сопровождавшегося крестьянскими волнениями по всей стране.

Большое количество выступлений было посвящено современному развитию сельского хозяйства, вопросам продовольственной безопасности России. Так, в докладе А.В. Шишкина подчеркивалось, что окончательно решить крестьянский вопрос не удалось и более чем за 70 лет Советской власти. Отраслевые диспропорции, дефицит продуктов питания, нерешенность социальных проблем села и другие проблемы обусловили необходимость проведения новой аграрной реформы уже в постсоветской России. По мнению докладчика, в последние годы положение в аграрном секторе стало выправляться, что выражается прежде всего в росте объемов производимой продукции.

Острополемиический характер носило выступление В.Н. Титаева, утверждавшего, что аграрная реформа 1990-х годов превратила «коллективного» работника (колхоза, совхоза) в «наемного» работника-батрака, отчужденного от средств производства. Крестьянский мир современной России потерял свою историческую миссию. Это произошло не по причине дальнейшего индустриального развития России, а в силу проводимой «безумной аграрной политики». Процесс создания условий для саморазвития крестьянского мира подменяется процессом поиска инвесторов в лице финансово-промышленного как отечественного, так и иностранного капитала. Фактически, дал свою принципиальную оценку профессор, идет процесс развития крупного помещичьего хозяйства и высокотехнологичных капиталистических предприятий по производству сельскохозяйственной продукции.

Настоящий обзор не дает полного представления обо всем спектре научной дискуссии, в которой участвовало около ста исследователей из вузов Саратова, Москвы, Казани, Уфы, Твери, Оренбурга, Пскова, Сыктывкара, Тамбова и Самары, а также ученые из США, Нидерландов, Украины, Белоруссии.

В заключение работы была принята итоговая резолюция. Участники конференции одобрили инициативу Фонда изучения наследия П.А. Столыпина о сборе средств на создание народного памятника великому русскому реформатору в Москве. Было решено поддержать усилия Правительства Российской Федерации по обеспечению правового порядка и преодолению правового нигилизма в российском обществе, по созданию и реализации правовых норм, позволяющих воплотить идею П.А. Столыпина о том, что «наше Отечество... должно превратиться в государство правовое».

В резолюции отмечена целесообразность использования опыта П.А. Столыпина по реформированию органов государственного управления конституционной России, организации конструктивного диалога между законодательной и исполнительной ветвями власти. Предложено совершенствовать нормы российского законодательства о свободе совести, печати, собраний, у истоков которого находился П.А. Столыпин.

Участники конференции особо подчеркнули необходимость продолжения традиции аграрной реформы начала XX века, обратили внимание Правительства РФ на необходимость больше внимания уделять поддержке мелких крестьянских хозяйств, создать необходимые условия для устойчивого развития сельских поселений и их инфраструктуры, развития всех форм кооперации с целью создания слоя «крепких крестьянских хозяйств».

We Present the Social
Communications Chair
of the Stolypin Volga Region
Institute of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
СОЦИАЛЬНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
Поволжского института
имени П.А. Столыпина –
филиала Российской
академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации**

Днем рождения кафедры считается 1 апреля 1992 г., однако вплоть до 27 марта 2001 г. она действовала как учебно-методи-

ческий цикл (УМЦ) «Методологическое обеспечение управленческой деятельности», затем – как кафедра методологического обеспечения управленческой деятельности и кафедра теории организации и организационного проектирования.

У истоков кафедры стояла почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат философских наук, профессор Т.П. Фокина. Ею, совместно с Ю.А. Корсаковым и Н.Н. Слоновым, были заложены основы работы, связанные с созданием и использованием активных обучающих программ по дисциплинам, изучающим методологическую и организационную культуру управления.

Обучение студентов начиналось тогда и продолжается сейчас по таким дисциплинам, как «Теория организации», «Исследование систем управления», «Разработка управленческих решений», «Организационное развитие», «Этика делового общения», «Логика», «Организационная культура». Уже в формате кафедры социальных коммуникаций ее заведующий доктор философских наук, профессор А.Ю. Шеховцев инициировал разработку проекта новой специальности – «Связи с общественностью», которая была открыта в 2001 г. С этого момента начался новый виток в истории кафедры: на новую специальность были набраны первые студенты, появились новые преподаватели, увеличилось количество дисциплин и кафедра стала выпускающей. В настоящее время читается весь комплекс дисциплин для подготовки обучающихся по связям с общественностью: «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика массовой информации», «Имидж государственного служащего», «Социальное партнерство», «Организация и проведение PR-кампаний», «Основы теории коммуникаций», «Управление общественными отношениями», «Стилистика», «Риторика».

С 2004 г. кафедрой заведует заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор Т.И. Черняева. Кафедра предстает в настоящее время как профессиональный, динамично развивающийся коллектив. Ее профессорско-преподавательский состав включает в себя как «патриархов»-основателей, так и молодых специалистов – в основном выпускников кафедры социальных коммуникаций.

В 2007 г. на кафедре открылось новое направление подготовки бакалавров «Конфликтология», в 2011 г. состоялся первый выпуск конфликтологов. В связи с тем что для будущих управленцев очень важно иметь представление об институциональных (организационных) конфликтах и способах их разрешения, данное направление видится весьма перспективным. В рамках организационной конфликтологии появляется возможность сформировать представление об «организационной» картине мира, понять специфику функционирования «организационного поля».

Основным принципом преподавания дисциплин на кафедре является их практическая направленность, что проявляется в освоении и постоянном совершенствовании методологии и технологии проектирования. Проведение исследований общественного мнения, организационного аудита, изучение ими-

джа организаций являются важными составляющими процесса обучения. Студенты с самого начала обучения вовлечены в реальную проектную деятельность.

Особое место в образовательной деятельности кафедры занимает методология мягких систем. В ее рамках мир рассматривается как проблематичный, возможно системный, но слабо структурированный, допускающий для внешнего (объективного) исследования множество интерпретаций, а познающий субъект полагается как важнейший компонент системы, «доструктурирующий» ее своей деятельностью, изучающий и процесс, и результаты этого конструирования. Исследуя мир (проблему, ситуацию), субъект обнаруживает в нем свои интересы, извлекает из него свои цели, формирует свое отношение к нему. Именно методология мягких систем становится фундаментом профессиональной подготовки специалистов в области связей с общественностью и конфликтологов.

Еще одна особенность – проектный и развивающий характер обучения, которое реализуется как процесс сотворчества. Оно в значительной мере происходит в форме рефлексии, осознания событий, явлений и состояний, происходивших в реальных управленческих ситуациях. Эти условия постоянно воссоздаются в работе со студентами и слушателями в форме проектного консультирования. Такой метод работы во многом отличается от традиционного взаимодействия, осуществляемого в рамках учебных аудиторных занятий. Использование проектного режима позволяет добиться совмещения теории и практики, реализации кросс-дисциплинарного режима обучения, неформального взаимодействия студентов с преподавателями и друг с другом, а также «корпоративного» обучения в интерактивном режиме и возможности выхода на контакт с коллегами на основе профессиональных интересов.

В своей работе специалисты кафедры стремятся максимально приблизить учебные занятия к реальным условиям, в которых принимаются и осуществляются управленческие решения. Этому способствуют практикуемые интерактивные приемы обучения. Функционирование «виртуального» информационного пространства, созданного в учебных целях, полностью подчинено закономерностям реального, «внешнего» информационного пространства, реагирующего на любой социально значимый информационный повод. Особенность представленного подхода заключается в том, что естественным образом обучение выходит за строгие рамки учебного процесса.

Во время аудиторных занятий студенты получают блок теоретической информации, представленной в лекционной форме, а также в учебной и научной литературе по изучаемой дисциплине. Затем, наряду с традиционной формой семинарских занятий, проводятся комплексные активные тренинги профессиональной направленности. Успешность таких занятий многократно возрастает, когда на открытые лекции и мастер-классы приглашаются специалисты, практикующие в области политического PR, представители бизнес-структур, работающих в сфере связей с общественностью и конфликтологии, ведущие журналисты. Таким образом, снимается одна из трудностей, кото-

рая ожидает молодого специалиста на современном рынке труда, – отсутствие опыта практической работы как одно из основных условий для приема на работу.

Хорошей проверкой для кафедры стало успешное участие в Президентской программе подготовки управленческих кадров в сфере образования и здравоохранения субъектов Российской Федерации в 2011–2014 гг.

Профессорско-преподавательский состав кафедры динамичен и опытен, что позволяет на высоком уровне обеспечивать преподавание дисциплин, осуществлять научно-исследовательскую и консалтинговую деятельность, воспитывать студентов в лучших традициях российского и мирового образования.

Т.И. Черняева, доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социальных коммуникаций;

Т.П. Фокина, кандидат философских наук,
профессор кафедры социальных коммуникаций

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Арсланов Алмаз Владикович – аспирант кафедры антикризисного управления Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: almaz-kama@mail.ru

Афанасьева Ольга Валентиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций Национального исследовательского государственного университета – Высшей школы экономики (г. Москва)

e-mail: afanasieva@formulaprava.ru

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса, руководитель научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

e-mail: bahlov@mail.ru

Безруков Денис Николаевич – аспирант кафедры управления Ульяновского государственного университета

e-mail: bdn-1986@yandex.ru

Белоусов Денис Сергеевич – ассистент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина

e-mail: denisword@inbox.ru

Белых Леонид Леонидович – младший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса Института аграрных проблем РАН (г. Саратов)

e-mail: alievad@yandex.ru

Бова Ирина Анатольевна – аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

e-mail: ia-bova@rambler.ru

Герасимова Валентина Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kafeconomics@pags.ru

Евстифеева Александра Рахманкуловна – аспирант кафедры антикризисного управления Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: a.evstifeeva@mail.ru

Ефанова Анна Ивановна – аспирант кафедры экономики Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: anef@rambler.ru

Зайченко Марина Адольфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института экономики, управления и права (г. Казань)

e-mail: rose2001@mail.ru, zaichenko@ieml.ru

Кармаев Александр Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: k180474@gmail.com

Касьянова Олеся Владимировна – старший преподаватель кафедры административного и уголовного права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: olekas2008@yandex.ru

Ключникова Татьяна Николаевна – доцент кафедры социологии и психологии управления Орловской региональной академии государственной службы

e-mail: kluchtat@rambler.ru

Константинова Лариса Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: pruch@pags.ru

Коренева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры логопедии и психолингвистики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: eakoreneva@yandex.ru

Кузнецова Карина Сергеевна – аспирант кафедры педагогики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: karinaSMF@yandex.ru

Лавриненков Сергей Александрович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: lavrinenkov.saratov@yandex.ru

Лешуков Владимир Сергеевич – аспирант кафедры истории российской государственности и права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: vle088@mail.ru

Лобанов Иван Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и криминологических дисциплин Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

e-mail: F-1248@mail.ru

Лосева Елена Сергеевна – аспирант кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина

e-mail: es-loseva@mail.ru

Лысикова Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина

e-mail: olga.lysikova@inbox.ru

Макаров Александр Александрович – аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

e-mail: 89096914521@mail.ru

Мамедова Юлдуз Ашуровна – стажер-соискатель-исследователь Центра развития высшего и среднего специального профессионального образования (Республика Узбекистан, г. Ташкент)

e-mail: azik32@rambler.ru, az35@list.ru

Манахова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: ManakhovaIV@mail.ru

Марчук Елена Григорьевна – аспирант кафедры педагогики дошкольного, начального и общего образования Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: melena.saratov@mail.ru

Матузов Николай Игнатьевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Саратовской юридической академии

e-mail: kafpravzem@pags.ru

Напалкова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

e-mail: zamisi@yandex.ru

Наумов Анатолий Федорович – кандидат технических наук, профессор кафедры антикризисного управления Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: cm.pags@yandex.ru

Петрова Ольга Александровна – соискатель кафедры философии Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: olgaga25@mail.ru

Руденко Валентина Александровна – главный метролог ОАО «Саратовнефтегаз», соискатель Всероссийского научно-исследовательского института метрологической службы (г. Москва)

e-mail: rudenkovalenti@yandex.ru

Рудченко Татьяна Львовна – аспирант кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета

e-mail: rudchenko27@yandex.ru

Русанова Лиляна Ивановна – доктор экономических наук, главный ассистент кафедры социальных и экономических наук Технического университета (Болгария, г. Габрово)

e-mail: lilyana.rusanova@gmail.com

Спиридонова Камила Акифовна – аспирант кафедры менеджмента организации Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kamila-sardarova@yandex.ru

Тельтевская Нателла Вахтанговна – доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kafpsihology@pags.ru

Феллер Виктор Валентинович – ассистент кафедры философии культуры и культурологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: feller-vv@mail.ru

Фокина Тамара Петровна – кандидат философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций

e-mail: sockom@pags.ru

Чернов Евгений Александрович – аспирант кафедры истории Российского государства и права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: chernov8@list.ru

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций

e-mail: tatcher@yandex.ru

Шилина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

e-mail: imsuck@rambler.ru

Шипунова Оксана Валерьевна – аспирант кафедры народонаселения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: oksana.shipynova@mail.ru; oksy2301@gmail.com

Яковлева Елена Людвиговна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии института экономики, управления и права (г. Казань)

e-mail: mifoigra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), Head of the Scientific-Organizational Department, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Almaz Vladikovich Arslanov – post-graduate student of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: almaz-kama@mail.ru

Olga Valentinovna Afanasieva – Candidate of Political Sciences, docent of the Integrated Communications Chair, National Research State University – Higher School of Economics (Moscow)
e-mail: afanasieva@formulaprava.ru

Igor Vladimirovich Bakhlov – Doctor of Political Sciences, Head of the World History and the World Political Process Chair, Head of the Scientific and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, Mordovian State University named after N.P. Ogarev (Saransk)
e-mail: bahlov@mail.ru

Denis Nikolaevich Bezrukov – post-graduate student of the Management Chair, Ulyanovsk State University
e-mail: bdn-1986@yandex.ru

Denis Sergeevich Belousov – assistant lecturer of the Tourist Business Management Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: denisword@inbox.ru

Leonid Leonidovich Belykh – junior scientific employee of the Agriculture Institutional Environment Development Strategy Laboratory, Institute of Agrarian Problems of RAS (Saratov)
e-mail: alievad@yandex.ru

Irina Anatolievna Bova – post-graduate student of the Financial, Banking and Customs Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: ia-bova@rambler.ru

Valentina Vladimirovna Gerasimova – Doctor of Science (Economics), Professor of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Alexandra Rakhmankulovna Yevstifeeva – post-graduate student of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: a.evstifeeva@mail.ru

Anna Ivanovna Yefanova – post-graduate student of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anef@rambler.ru

Marina Adolfovna Zaychenko – Candidate of Sciences (Philosophy), docent of the Philosophy Chair, Institute of Economics, Management, and Law (Kazan)
e-mail: rose2001@mail.ru, zaichenko@ieml.ru

Alexander Alekseevich Karmaev – Candidate of Pedagogical Sciences, docent of the Pedagogies Chair, Balashov Institute (Branch) of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: k180474@gmail.com

Olesya Vladimirovna Kasyanova – senior lecturer of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olekas2008@yandex.ru

Tatiana Nikolaevna Klyuchnikova – docent of the Sociology and Management Psychology Chair, Orel Regional Academy of Civil Service
e-mail: kluchtat@rambler.ru

Larisa Vladimirovna Konstantinova – Doctor of Social Sciences, Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: pruch@pags.ru

Elena Alexandrovna Koreneva – senior lecturer of the Logopedics and Psycholinguistics Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: eakoreneva@yandex.ru

Karina Sergeevna Kuznetsova – post-graduate student of the Pedagogies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: karinaSMF@yandex.ru

Sergey Alexandrovich Lavrinenkov – post-graduate student of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: lavrinenkov.saratov@yandex.ru

Vladimir Sergeevich Leshukov – post-graduate student of the History of the Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vle088@mail.ru

Ivan Vasilievich Lobanov – Candidate of Law Sciences, docent of the Public Law and Criminology Disciplines Chair, Russian Academy of Economics named after G.V. Plekhanov (Moscow)
e-mail: F-1248@mail.ru

Elena Sergeevna Loseva – post-graduate student of the Cultural Studies Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: es-loseva@mail.ru

Olga Valerievna Lysikova – Candidate of Historical Sciences, docent of the Tourism Management Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: olga.lysikova@inbox.ru

Alexander Alexandrovich Makarov – post-graduate student of the Advertising and Public Relations Chair, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
e-mail: 89096914521@mail.ru

Yulduz Ashurovna Mamedova – trainee-competitor-researcher of the Center of Higher and Secondary Specialized Vocational Education Development (Republic of Uzbekistan, Tashkent)
e-mail: azik32@rambler.ru, az35@list.ru

Irina Victorovna Manakhova – Candidate of Economic Sciences, docent of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ManakhovaIV@mail.ru

Elena Grigorievna Marchuk – post-graduate student of the Pedagogies of Preschool, Primary, and General Education Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: melena.saratov@mail.ru

Nikolai Ignatievich Matuzov – Honored Scientist of the RF, Doctor of Science (Law), Professor of the Theory of State and Law Chair, Saratov Academy of Law
e-mail: kafpravzem@pags.ru

Irina Gennadievna Napalkova – Candidate of Historical Sciences, senior scientific employee of the Scientific and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, Mordovian State University named after N.P. Ogarev (Saransk)
e-mail: zamisi@yandex.ru

Anatoly Fedorovich Naumov – Candidate of Technical Sciences, Professor of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: cm.pags@yandex.ru

Olga Alexandrovna Petrova – competitor of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olgaga25@mail.ru

Valentina Alexandrovna Rudenko – chief metrologist of Open Joint-Stock Company “Saratovneftegaz”, competitor of the All-Russian Research Institute of Metrological Service (Moscow)
e-mail: rudenkovalenti@yandex.ru

Tatiana Lvovna Rudchenko – post-graduate student of the Economic Sociology Chair, Saratov State Economic University
e-mail: rudchenko27@yandex.ru

Lilyanya Ivanovna Rusanova – Doctor of Economical Science, chief assistant of the Social and Economical Sciences Chair, Technical University (Bulgaria, Gabrovo)
e-mail: lilyana.rusanova@gmail.com

Kamila Akifovna Spiridonova – post-graduate student of the Organization Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kamila-sardarova@yandex.ru

Natella Vakhtangovna Teltevskeya – Doctor of Science (Pedagogics), Professor of the Psychology and Pedagogics of Professional Activity Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafpsihology@pags.ru

Victor Valentinovich Feller – assistant of the Philosophy of Culture and Cultural Studies Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: feller-vv@mail.ru

Tamara Petrovna Fokina – Candidate of Science (Philosophy), Professor of the Social Communications Chair
e-mail: sockom@pags.ru

Evgeny Alexandrovich Chernov – post-graduate student of the History of Russian State and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: chernov8@list.ru

Tatiana Ivanovna Chernyaeva – Doctor of Science (Sociology), Professor, Head of the Social Communications Chair
e-mail: tatcher@yandex.ru

Svetlana Alexandrovna Shilina – Candidate of Philological Sciences, docent of the Advertising and Public Relations Chair, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky

e-mail: imsuck@rambler.ru

Oksana Valerievna Shipunova – post-graduate student of the Population Chair, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

e-mail: oksana.shipynova@mail.ru; oksy2301@gmail.com

Elena Lyudvigovna Yakovleva – Candidate of Cultural Studies, docent of the Philosophy Chair, Institute of Economy, Management, and Law (Kazan)

e-mail: mifoigra@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Шилина С.А.

Управленческий дискурс как технология коммуникативного взаимодействия
государства и общества 4

Ключникова Т.Н.

Социальное измерение деятельности
органов государственного и муниципального управления 10

Шипунова О.В.

Сущность и проблемы реализации муниципальной демографической политики
в области рождаемости 18

Бахлов И.В., Напалкова И.Г.

Имперское пространство России: специфика периферийного управления 22

Афанасьева О.В.

Вопросы контроля правоприменения законодательства
в сфере доступа к информации:
сравнительный анализ зарубежного опыта 30

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

38

Яковлева Е.Л.

Технология политического мифотворчества 38

Лешуков В.С.

Дефиницирование понятия и классификации партийных систем
в научной традиции 43

Чернов Е.А.

Влияние групп интересов на принятие политических решений
в российском регионе (результаты экспертного опроса) 48

Спиридонова К.А.

Формирование рынка арендного жилья
как способ решения жилищной проблемы в России 56

Русанова Л.И.

Публично-частное партнерство и частные организации:
тенденции и практика 62

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

67

Лобанов И.В.

- Конституционно-правовая категория
«взаимодействие между органами власти»:
применение в Российском федеративном государстве 67

Бова И.А.

- Посягательство на банковскую тайну
при выполнении публичных функций коммерческими банками 72

Лавриненков С.А.

- Особенности процессуального положения прокурора
в гражданском судопроизводстве 77

Касьянова О.В.

- Отказ от земельного участка
как одно из оснований прекращения вещных прав на землю 82

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

87

Константинова Л.В.

- Интерпретация социальной политики
в контексте социального неравенства 87

Тельтевская Н.В.

- Роль межличностного взаимодействия
в профессиональной подготовке студентов 95

Кармаев А.А.

- Внедрение метода «обучение действием» в немецких вузах:
инновационный опыт для России 99

Мамедова Ю.А.

- Организационно-методические условия реализации
дидактических систем 105

Наумов А.Ф.

- Инновационный анализ как учебная дисциплина:
предмет и метод 109

Коренева Е.А.

- Критерии и уровни готовности будущих педагогов
к работе по раннему интеллектуальному развитию
детей дошкольного возраста 115

Марчук Е.Г.

- Особенности педагогических подходов и принципов
при формировании интеллектуальной компетентности
школьников 120

Кузнецова К.С.

- Модель педагогического сопровождения школьников
в процессе развития эмоционального интеллекта 125

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

131

Арсланов А.В.

Формирование эффективной системы управления
интегрированным объединением
в условиях модернизации экономики 131

Белых Л.Л.

Взаимодействие крупного и малого бизнеса
как фактор повышения эффективности
интегрированных агропродовольственных структур 136

Руденко В.А.

Социально-экономическая обоснованность утилизации и учета
попутного нефтяного газа 141

Герасимова В.В., Ефанова А.И.

Социальное партнерство
как институт регулирования экономических отношений 146

Макаров А.А.

Мотивация труда – основа управления социальным взаимодействием
партнерского типа на рынке занятости 152

Рудченко Т.Л.

Оценка социального развития современной организации 157

Безруков Д.Н.

Общая оценка состояния и развития организационной культуры
в современной России 162

Манахова И.В.

Социальное предпринимательство как экономическое явление 166

Евстифеева А.Р.

Социальные факторы формирования инвестиционного климата региона 174

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

179

Петрова О.А.

Религия в контексте виртуальной реальности 179

Зайченко М.А.

Специфика принципа смыслового развертывания
в процессе понимания и освоения человеком действительности 183

Феллер В.В.

Лейбниц и Вольф в становлении немецкого историзма 189

Лысикова О.В.

Социальные изменения культурных практик туризма
в условиях глобальных систем коммуникации 194

Лосева Е.С.

Влияние политических перемен в советской России
на трансформацию государственного стиля в архитектуре
1930–1960-х годов 201

236

2011 ● ВЕСТНИК ПАГС

Белоусов Д.С.

Основные проекции модели восприятия войны
в сознании средневекового рыцарства207

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
212**

Матузов Н.И.

Рецензия на монографию:

Милушева Т.В. Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики / под ред. О.И. Цыбулевской. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. – 298 с.212

Абакумов О.Ю.

Международная научная конференция

«Столыпинские чтения. П.А. Столыпин: традиции реформирования России»

(Саратов, Поволжский институт имени П.А. Столыпина – филиал

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, 14–15 сентября 2011 г.)216

Представляем кафедру социальных коммуникаций

Поволжского института имени П.А. Столыпина –

филиала Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации220

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
224**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Shilina S.A.

Management Discourse as a Technology of Communicative Interaction
between the State and Society 4

Klyuchnikova T.N.

The Social Dimension of Public Administration Bodies' Activity 10

Shipunova O.V.

The Essence and Implementation Problems of the Municipal Demographic Policy
in the Field of Fertility 18

Bakhlov I.V., Napalkova I.G.

Imperial Russian Space: Specificity of the Peripheral Management 22

Afanasieva O.V.

Issues of Law Enforcement Control in the Field of Access to Information:
The Comparative Analysis of Foreign Experience 30

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

38

Yakovleva E.L.

The Technology of Political Mythmaking 38

Leshukov V.S.

Definition of the Concept and Classification of Party Systems
in the Scientific Tradition 43

Chernov E.A.

The Influence of Interest Groups on Political Decision Making in Russian Regions
(Expert Polls Results) 48

Spiridonova K.A.

Formation of the Rental Market as a Way of Solving the Housing Problem in Russia ... 56

Rusanova L.I.

Public-Private Partnership and Private Organizations: Trends and Practice 62

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

67

Lobanov I.V.

The Constitutional-Legal Category "Interaction between Authorities":
Application to the Russian Federal State 67

Bova I.A.

- Infringement on Banking Secrecy in the Performance of Public Functions
by Commercial Banks 72

Lavrinenkov S.A.

- Features of the Prosecutor's Procedural Position in Civil Proceedings 77

Kasyanova O.V.

- Repudiation of Land as One of the Grounds for Termination of Property Rights
to Land 82

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION**87****Konstantinova L.V.**

- Interpretation of Social Policy in the Context of Social Inequality 87

Teltevskaya N.V.

- The Role of Interpersonal Interaction in the Professional Training of Students 95

Karmaev A.A.

- Introduction of the Method "Action Learning" in German Universities:
Innovation Experience for Russia 99

Mamedova Yu.A.

- Organizational and Methodical Conditions of Didactic Systems Implementation 105

Naumov A.F.

- Innovational Analysis as a Scholarly Discipline: Subject and Method 109

Koreneva E.A.

- Criteria and Levels of Preparedness of Future Teachers
to Work on Early Intellectual Development of Preschool Children 115

Marchuk E.G.

- Features of Pedagogical Approaches and Principles
at School Children Intellectual Competence Formation 120

Kuznetsova K.S.

- The Model of Schoolchildren Pedagogical Support
in the Development of Emotional Intelligence 125

**SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION
OF RUSSIA****131****Arslanov A.V.**

- Establishing the Efficient Integrated Association Management System
in the Modernization of Economy 131

Belykh L.L.

- Interaction of Large and Small Businesses as a Factor of Increasing the Efficiency
of Integrated Agro-Food Structures 136

Rudenko V.A.

- Socioeconomic Feasibility of Associated Petroleum Gas Utilization and Metering 141

Gerasimova V.V., Yefanova A.I.

- Social Partnership as an Institution of Economic Relations Regulation 146

Makarov A.A.

- Motivation of Labor – the Base of Partnership Type Social Interaction Management
in the Employment Market 152

Rudchenko T.L.	
Assessment of Social Development of a Modern Organization	157
Bezrukov D.N.	
General Assessment of the Condition and Development of Organizational Culture in Modern Russia	162
Manakhova I.V.	
Social Entrepreneurship as an Economic Phenomenon	166
Yevstifeeva A.R.	
Social Factors of the Region Investment Climate Formation	174

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

179

Petrova O.A.	
Religion in the Context of Virtual Reality	179
Zaychenko M.A.	
The Specificity of the Semantic Deployment Principle in the Process of Human Comprehension and Exploration of Reality	183
Feller V.V.	
Leibniz and Wolff in the Development of German Historicism	189
Lysikova O.V.	
Social Changes of Cultural Practices of Tourism in Conditions of Global Communication Systems	194
Loseva E.S.	
The Influence of Political Changes in Soviet Russia on the Transformation of the State Style in Architecture of 1930–1960th	201
Belousov D.S.	
Basic Projections of War Perception Model in Consciousness of Medieval Knights	207

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

212

Matuzov N.I.	
Monograph Review: <i>Milusheva T.V.</i> The Limits of State Power Activity in Russia: Issues of Theory and Practice / ed. by O.I. Tsybulevskaya. – Saratov: GOU VPO "Saratov State Academy of Law" Press, 2011. – 298 p.	212
Abakumov O.Yu.	
International Scientific Conference "Stolypin Readings. P.A. Stolypin: Traditions of Reforming Russia" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, September 14–15, 2011)	216
We Present the Social Communications Chair of the Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	220

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

229

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 4 (29)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2011 г., п. № 730

Подписано к печати 14.12.2011 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 19,67. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 500. Заказ 371.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».

410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>